Райнхард Крумм

История сталинизма

Исаак Бабель

Биография

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Государственный архив
Российской Федерации

Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

REINHARD KRUMM

ISAAK BABEL

EINE BIOGFAPHIE

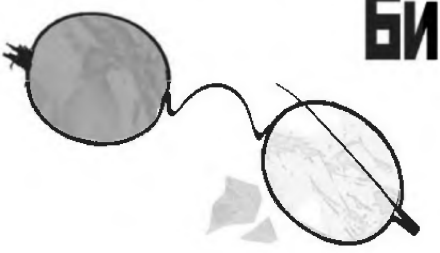
NORDERSTEDT
2003

История сталинизма

РАЙНХАРД КРУММ

ИСААК БАБЕЛЬ

Биография



Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина

РОССПЭН

Москва
2008

УДК 929 (082.1)
ББК 83.3 (2Рос)-8
К 84

Издание подготовлено при содействии
Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации

Реакционный совет серии:
Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А.А. Дроздов,
Э. Каррер Д' Анкосс (*Hélène Carrère D' Encausse*),
В.П. Лукин, С.В. Мироненко, Ю.С. Пивоваров,
А.Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А.К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Крумм Р.
К 84 Исаак Бабель. Биография/Райнхард Крумм. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. - 208 с. - (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1062-7

УДК 929 (082.1)
ББК 83.3 (2Рос)-8

ISBN 978-5-8243-1062-7

© Krumm R., 2003
© Крумм Р., 2006
© Российская политическая энциклопедия, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Критики называли рассказы Исаака Бабеля «жемчужинами послереволюционной русской литературы», а его самого прославляли как «одного из крупнейших авторов прозы XX столетия». Произведения Бабеля переведены на многие языки. Известный немецкий критик Марсель Райх-Раницки высказал мнение, что в 1933 г. Бабель мог бы стать лауреатом Нобелевской премии в области литературы - так же как и его соотечественник, лауреат Иван Бунин.

Его превосходные рассказы, занимающие зачастую не более трех страниц, отражают жизнь Бабеля, как нанизанные друг на друга фрагменты, и констатируют «довольно сложную биографию». Его дочь Натали спросила меня при первой нашей встрече: в своем ли я уме? Я удивился, почему? Ответ был таким: потому что жизнь ее отца описать невозможно.

Может быть, это и так. Лишь с помощью частных лиц и организаций, перечисленных ниже в алфавитном порядке, я смог отважиться на первую попытку описать жизненный путь Исаака Бабеля. В связи с этим хочу выразить свою благодарность:

Владимиру Акимову, который мне помог найти следы Бабеля в Петрограде; Сергею Андриенко, который возил меня с невозмутимым спокойствием в самые отдаленные места Подмосковья; Натали Бабель, с которой я часто беседовал и которая позволила мне ознакомиться примерно с 900 письмами своего отца, в том числе и с неопубликованными до сих пор; Ивану Башинову, который неустанно искал материал в Киеве; Юргену Бляйберу, специалисту по дирижаблям; Эрвину Веделю, который увлекательно рассказывал мне об Одессе и языке одесситов; Георгу Виланду-Херцфельде, который предоставил мне сведения о своем отце и издательстве «Malik»; Андрею Зилу, который поведал мне историю деревни Великая Старица; Михаилу Кальницкому, который помогал мне работать в архивах Киева; Франку Чоате, любезно предоставившему мне для работы свой архив и библиотеку; Владимиру Колязину, который помогал мне в работе с архивами в Москве; Фритцу Миро, который

поддерживал добрыми и дельными советами; Жану-Луи Панне, который предоставил мне ценные сведения о жизни Бабеля в Париже; Антонине Пирожковой, которая всегда с готовностью рассказывала мне о своей жизни с Бабелем; Мауре Райнольдс, которая предоставила мне квартиру в Москве и оказывала моральную поддержку; Нонне Скагиной, без энтузиазма и контактов которой эта книга не была бы написана; Георгию Фрейдину, который неустанно делился со мной своими размышлениями; Виталию Шенталинскому, у которого неоднократно бывал дома и который всегда терпеливо отвечал на мои многочисленные вопросы.

Особую благодарность выражаю генеральному директору издательства «Российская политическая энциклопедия» Андрею Сорокину, переводчикам Равшану и Шохисте Султановым, редакторам Надежде Щетининой, Елене Романовой, а также Наиле Резяповой, Карине Сафаровой, Эльвире Пак и всем сотрудникам Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Центральной Азии, принимавшим участие в подготовке издания книги.

Особая признательность и глубокая благодарность моей жене Пенелопе и детям: дочери Хелене, сыну Константину, которые почти со сверхчеловеческим терпением выдержали процесс создания этой книги.

Райнхард Крумм
Москва, 2008

Глава 1

СПЛАВ КУЛЬТУР (1894–1916)

Lebn vi Got in Odes.
(«Жить как Бог в Одессе»).

Выражение на языке идиш

В сияющем голубом небе не было ни облачка. В черноморском городе Одессе отметка на градуснике поднялась к обеду до двадцати восьми по Цельсию. В этот прекрасный день, в четверг, 30 июня 1894 г.[1], в простом одноэтажном доме № 21 на пыльной улице Дальницкой царила большая радость: Фейга Бобель родила третьего ребенка[2].

Ее муж, Эммануил Исаакович Бобель, был доволен своей женой: за четыре года после женитьбы она родила ему второго сына - Исаака Бобеля. Именно так записано в книге регистрации рождения евреев Одессы под № 883[3]. По этой причине все время учебы в школе и институте в официальных документах значилась фамилия Бобель, хотя родители и он уже в то время были известны только под фамилией Бабель.

В Одессе повсюду был праздник. Мэр города Григорий Маразли организовал фейерверк[4]. На знаменитой Дерибасовской питейные заведения работали почти круглосуточно, местное шампанское

---

[1] По действовавшему тогда Юлианскому календарю, который, в отличие от повсеместно в других странах введенному Григорианскому календарю, в XIX в. имел отставание на двенадцать, а в XX в. - на тринадцать дней.

[2] См.: Александров Р. Вариации на тему Дальницкой // Всемирные одесские новости. 1994. № 3. С. 4.

[3] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

[4] См.: Рибас де А. Старая Одесса. М., 1995. С. 351.

«Excelsior» лилось рекой. Фокусники и огнеглотатели день и ночь развлекали простой народ, в то время как знатные горожане прогуливались по Николаевскому бульвару, откуда был «прекрасный вид на море», как написано в путеводителе Бедекера за 1904 г. Ночами они танцевали во дворцах и летних резиденциях аристократов. Такие отели как элегантный «Лондон» и фешенебельный «Бристоль» были переполнены.

Разумеется, Одесса ликовала не по поводу пришествия литературного мессии, как позже полуиронично, полушутя писал о себе Бабель; в тот 1894 г. Одесса отмечала свой столетний юбилей. А поскольку ее жители умели веселиться, то город, четвертый в России по величине после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы, был похож на огромную веселую праздничную площадь.

В том году отмечалось и другое важное для всей России событие. Царь Александр III, которого едва ли можно было назвать реформатором, умер от почечной болезни, и его старший сын Николай в свои двадцать шесть лет пришел к власти. Правда, сделал он это вынужденно, так как править поначалу не желал. Возможно, он предчувствовал, что должен был стать последним царем Российской империи. Виновен в этом был и некий Иосиф Джугашвили, который в том же приснопамятном году поступил в духовную семинарию в грузинской столице Тбилиси. Известным он стал под именем Сталин.

Семья Бабелей жила скромно, в южном предместье Одессы, известном как Молдаванка. Этот район с простенькими домами и пыльными улицами был особо привлекательным для относительно бедного населения из-за своего расположения. К тому же он обладал редкой роскошью для российских городов того времени: уличным освещением и канализацией. С близлежащего вокзала поезда ходили в Санкт-Петербург, Москву и даже в Берлин. И как это часто бывает в кварталах, расположенных недалеко от больших вокзалов, Молдаванка имела свою особую «прелесть». Находясь, к тому же, лишь в нескольких верстах[1] от международного порта, она очень быстро превратилась в перевалочный пункт для контрабандистов.

Это пестрое смешение людей со всего света и мошенников восхищало Бабеля на протяжении всей жизни, хотя он прожил в Одессе в общей сложности не более шести лет. Когда он писал об этом, то кое-что приукрашивал, кое-что упрощал. Бабель считал себя писателем, а не историком. Пестрый характер города проглядывает в каждом его предложении.

---

[1] Одна верста равняется 1,067 км.

Родители Бабеля жили на Молдаванке недолго. Вскоре после его рождения они переехали в Николаев, в 120 километрах восточнее, так же расположенный на берегу Черного моря. В процветающем портовом городе у устья Южного Буга в то время проживало 200 тысяч человек. Здесь в 1899 г. родилась сестра Бабеля Мэри, а его старшая сестра Анна и брат Арон, родившиеся еще в Одессе, вскоре умерли[1].

В Николаеве отец быстро нашел работу и мог материально обеспечивать семью, хотя у него не было специального образования. Фейга была любящей и заботливой матерью, при необходимости вставала между вспыльчивым отцом и детьми, умело вела хозяйство, в котором были сад, голубятня и двор, который зимой служил катком[2].

Свое детство в Николаеве, а это все-таки почти четверть его жизни, Бабель описывал во многих автобиографических рассказах[3], как, например, в «Истории моей голубятни» или в «Моей первой любви». Он рано научился читать и писать и оттачивал свою наблюдательность, о которой потом складывали легенды. В своей первой автобиографии, которую написал в 1915 г., приехав в Петербург, он упоминает детство лишь одним предложением, отметив, что до одиннадцати с половиной лет жил в Николаеве, где учился в коммерческом училище им. С.И. Витте[4].

Зимой 1905-1906 гг. Бабель вернулся в Одессу, вначале один, и в январе поступил вновь в коммерческое училище. Поскольку отец, занятый на работе, мог приехать в Одессу лишь через несколько месяцев, Исаака временно поместили жить у двух тетушек и бабушки по материнской линии в квартире дома № 12 на улице Тираспольской, откуда до его нового места учебы было всего несколько сот метров. Учебное заведение носило имя царя Николая I и располагалось в огромном здании на улице Преображенской, 8, вблизи порта. В нем даже была маленькая капелла. Четыре величественные колон-

---

[1] См.: Александров Р. Вариации на тему Дальницкой // Всемирные одесские новости. 1994. № 3. С .4.

[2] См.: Babel N. Introduction. Isaac Babel. The Lonely Years. New York, 1964. P. XIV.

[3] Эти рассказы, как и все, что Бабель написал о себе, не совсем соответствуют действительности: «...но приврано, конечно, многое и переменено», - пишет он своей матери и сестре 14 октября 1931 г. Тем не менее, автобиографические рассказы Бабеля являются ценным источником о его детстве.

[4] Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. С.И. Витте при царе был министром финансов до 1903 г.

ны слева и справа от входа символизировали порядок и дисциплину и внушали ученикам уважение.

Обучение в этих коммерческих училищах, куда отдавали своих детей даже некоторые аристократы, ничем не уступало обучению в классических гимназиях. Не преподавали только латынь. Но училище им. царя Николая I давало практические знания: учебный план включал в себя экзотический по тем временам естественнонаучный предмет химию, а также бухгалтерию, право и экономику. Выпускники должны были в совершенстве владеть коммерческими операциями. Подготовка к научной карьере не ставилась целью.

У Эммануила Бабеля была другая причина, по которой он не мог отдать своего сына Исаака в гимназию. В Российской империи количество мест в общеобразовательных школах, отведенных для евреев, было ограничено. Частные коммерческие институты, напротив, были или полностью из этого исключены - часто они создавались евреями для евреев - или квота была значительно выше.

Как вспоминает Мирон Берков, одноклассник по третьему классу, Бабель отличался особым упорством и трудолюбием, особенно когда хотел чего-то достичь[1]. Это видно и по его школьной фотографии: умное, серьезное лицо, уверенный взгляд.

Точно такую же оценку давали ему учителя, которые закрывали глаза на его некоторые проделки за хорошую успеваемость. Во время урока немецкого языка, на котором Бабель тайно совершенствовал знания любимого им французского, учитель Озецкий по-доброму предупреждал его: «Babel, machen Sie keine faulen Witze!» или «Aber, Babel, sind Sie verrückt?»[2] («Оставьте свои плоские шутки», «Вы что, с ума сошли?»), но наказания не следовало.

Еще в школе у Бабеля развилась большая жажда к чтению: «Я читал во время уроков, на переменах, по дороге домой, ночью - под столом, закрывшись свисавшей до пола скатертью»[3]. Страницы освещались маленькой керосиновой лампой, изобретенной из более удобного и безопасного ручного фонаря. Его родственники могли радоваться, что обошлось без пожара. «Отдыхал я в школе, - писал он в 1924 г. в своей официальной автобиографии, запечатленной примерно на двух страницах[4], - основные трудности были другими:

---

[1] См.: Берков М. Мы были знакомы с детства // Воспоминания о Бабеле. М. 1989. С. 203.

[2] Там же. С. 204.

[3] Рассказ «В подвале». Впервые напечатан: Новый мир, 1931. № 10.

[4] Она была опубликована на два года позже. См.: Владимир Лидин. М.: Писатели, 1926.

дома у меня была тяжелая жизнь, я должен был с утра до вечера заниматься многими науками».

Инициатором этого был его отец. Весной 1906 г. он вместе со своей женой Фейгой и дочерью Мэри вернулся в Одессу и поселился в квартире на улице Ришельевской, 17[1]. Бабель-старший имел в Николаеве успех и сумел стать хорошо зарабатывающим представителем международной фирмы по сельскохозяйственному оборудованию. В Одессе же удачливый коммерсант решил открыть собственное дело – и открыл контору на улице Полицейской, недалеко от своего дома.

Оба адреса находились больше не на Молдаванке, заброшенном квартале рабочих и мошенников, слывшем теперь еврейским гетто. Это было в центре города, недалеко от пульсировавшей жизненной энергией и считавшейся местом культурного развлечения улицы Дерибасовской, Николаевского бульвара и оперного театра. Респектабельное и приятное место. Несмотря на то, что дела шли не так, как хотелось бы, и Эммануил Бабель был недоволен, семье удалось подняться.

В просторную квартиру стали приходить частные учителя, которые должны были преподавать Исааку и Мэри. Учителя, должно быть, восхищались парадным входом зажиточного дома, широкой лестницей из семидесяти двух - не деревянных, а каменных - ступеней, высокими потолками под пять метров, роскошным видом из окна, выходившего на красивейший Николаевский бульвар и, не в последнюю очередь, телефоном - что в начале прошлого столетия еще было редкостью.

Здесь были созданы все условия для карьеры Бабеля как русско-еврейского писателя. В школе он постигал азы бухгалтерии и торговли, дома - языки и умение мыслить: искать новые пути, но одновременно почитать традиции; быть любознательным к другим культурам, и при этом чтить родную; говорить на идише, английском, немецком и французском языках, не забывая при этом русский язык.

В повести «Детство. У бабушки» Бабель описывает, как под строгим надзором матери своего отца он делает школьные уроки в очень душной комнате, а потом еще берет уроки у нескольких частных учителей. В короткие перерывы отдыха он обедает с бабушкой, особенно полюбилась ему «фаршированная рыба» - национальное еврейское блюдо. Даже в субботу, шаббат, нужно было делать уроки. Девизом

---

[1] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. - Его дочь Натали также указывает номер дома 17, а не 19, как это указывается в литературе до сих пор.

пожилой дамы, которая сама еле говорила по-русски, было: «Учись, учись, ты добьешься всего - богатства и славы. Ты должен знать все. Все будут падать ниц перед тобой»[1]. Этот наказ Бабель никогда не забывал. И это привело его если и не к богатству, то к славе. Хорошее домашнее образование, вера в силу знаний, незаурядные лингвистические способности и богатое воображение способствовали тому, чтобы он стал одним из лучших и необычных писателей России, книги которого издаются во всем мире.

Однако было еще нечто такое, что Бабель впитал с молоком матери, что крепло в нем в период детства и юношества. Его предки были евреями - «испанскими раввинами и франкфуртскими менялами», как он сам иронично пишет. И, чтобы он постиг основы иудейской веры, отец отправил его в шестилетнем возрасте в школу, где изучалась Тора. В Одессе углубленное изучение религии Бабель продолжил с домашним учителем, от которого получал не только знания, но и формировал с ним основы мировоззрения.

На рубеже веков, после неудавшейся попытки ассимиляции во многих странах, многие евреи стали поговаривать о еврейском самоопределении. Стало развиваться новое самосознание. Будучи евреем, подрастающий Бабель был охвачен этим революционным богатством идей и мечтал о еврейской эмансипации. Языковые и тематические заимствования из еврейской культуры являются важной составной частью произведений, которые Бабель завещал русской литературе. Особенно часто он ссылается на Тору, литературную отчизну евреев, в «Конармии».

Кроме того, у Бабеля было преимущество в том, что к языковым занятиям в родительском доме относились со всей серьезностью. Без тени зависти Мэри говорила о том, что ее брат «был очень способным к языкам». Языку идиш он без труда научился у своих родителей. Ведь они общались между собой на разговорном языке евреев Центральной и Восточной Европы, языке маме-лошн. Своими корнями он уходит в средневековый немецкий диалект, в который вошли еврейские, а позже и славянские элементы. Идиш был распространенным языком не только на селе, но и в городе, среди просвещенных евреев. Между тем с детьми мать и отец говорили и на русском языке.

Однако восторг молодого Бабеля вызывал прежде всего французский язык. Большая заслуга в этом принадлежала, по-видимому, его школьному учителю. Мсье Вадон был «бретонцем и обладал

---

[1] См. рассказ «Детство. У бабушки».

литературным дарованием, как все французы», отмечает Бабель в своей автобиографии. Вадон и его друзья даже приглашали Бабеля к себе домой[1]. «Мадам Бовари» Флобера на языке оригинала он прочитал в тринадцать лет. Своим литературным кумиром еще в раннем возрасте избрал Ги де Мопассана. Бабель был настолько увлечен языком, что свои первые рассказы писал не на родном языке, а на французском. Опубликовал ли он их, неизвестно. До нас дошло лишь название рассказа «Le Beau Pays France»[2].

Наряду с еврейской культурой любовь к французскому языку и соответствующая ему ментальность наложили отпечаток на жизнь и произведения Бабеля. Этому способствовал тот факт, что Одесса, как никакой другой российский город, находилась под влиянием французской культуры. Первый губернатор города герцог Ришелье, позже член правительства Франции, был выходцем из Франции, первая газета вышла в свет не на русском, а на французском языке.

Одесса была основана в 1794 г. по указу царицы Екатерины II, после того как в конце XVIII в. русские войска захватили в войне с Османской империей земли на юге. «Новороссией» стали называть завоеванную территорию. Для названия вожделенного портового города на Черном море царица выбрала женскую форму греческого слова «Odessos» - известное название этой местности со времен античности. Город вырос, как пишут поэты, в одночасье. Если в 1795 г. там проживало около восьми тысяч жителей, то в 1897 г. уже более 400 тысяч человек[3]. К началу Первой мировой войны число жителей составляло 600 тысяч.

Город строился с любовью. Губернатор Ришелье завез из Франции акации и каштаны[4], были разбиты парки и сады. Аристократы строили себе роскошные дворцы, где летом проводились пышные празднества. Архитектура в итальянском стиле определяла облик города. Театр оперы был построен венскими архитекторами Фелльнером и Хельмером, которые были авторами и проекта театра оперы в своем родном городе и театров в Софии, Праге, Цюрихе

---

[1] См.: Розенбойм А. Бабель и его «Король» // Вестник. Балтимор. 2002. № 3. С. 52.

[2] Благодаря записям в дневнике писателя и автора детских книг Корнея Чуковского. См.: Чуковский К. Дневник. М., 1991. С. 443.

[3] См.: Frederick W. Skinner. Odessa and the Problem of Urban Modernization // Michael F. Hamm. The City in Late Imperial Russia. Bloomington, 1986. P. 209.

[4] См.: Herlihy P., Odessa. A History 1794-1914, Cambridge, Massachusetts, 1986; Koschmal W. (Hrsg.) - Odessa. Kapitel aus der Kulturgeschichte. Regensburg/Passau, 1998.

и Гамбурге. Еще одним символом города и по сей день является грандиозная портовая лестница. Сто девяносто две ступени из триестского песчаника, разделенные десятью площадками, связывают порт и знаменитый район бульвара с ратушей, городским театром, биржей и банками. Лестница является архитектурным шедевром: сверху наблюдатель может увидеть только площадки, образующие длинную ровную поверхность, снизу же - лишь ступени.

Сердцем Одессы был порт, без которого город был бы нежизнеспособным. От него веяло дальними странами, а от нагруженных кораблей - благоухающими ароматами табака, пряностей. Леонид Утесов, который тоже родом из Одессы, друг Бабеля и первая звезда эстрады в Советском Союзе, с удовольствием вспоминал о грубой брани на всех языках мира, о шуме погрузки и разгрузки, о скрежете якорной лебедки и протяжном, заунывном крике корабельных сирен[1]. Порт был основой богатства города. Почти безграничная торговля, связи которой доходили до Средиземноморья и которая, казалось, сулила каждому выгоду, притягивала рабочий люд, торговцев, ремесленников, моряков.

При царе Александре I Одесса стала самым богатым городом России, к середине XIX в. - крупнейшим европейским портом по экспорту зерна. Вскоре провели железную дорогу и телеграф, и Одесса стала узловым центром между Востоком и Западом, Севером и Югом. Сюда приезжали не только русские, но и французы, греки, итальянцы, немцы, турки и даже египтяне и персы. Многочисленные иностранные представительства Германии, США и Великобритании еще больше подняли престиж города. Были построены молитвенные дома самых разных религий, мирно соседствовавших рядом.

Одесса была и по сегодняшним меркам многонациональным городом, своего рода плавильней множества культур. Великий русский поэт Пушкин, живший здесь более года, несмотря на некоторую критику, был воодушевлен: «Там всё Европой дышит, веет, / Всё блещет Югом и пестреет / Разнообразностью живой»[2]. В этом неповторимом городе и рос Бабель. Что могло быть лучше для любознательного юноши?

В этой среде у Исаака быстро проявились другие важные качества: любовь к приключениям и самостоятельность. Поддерживаемый отцом, вечно учившийся юноша с круглыми никелированными очками сам бы не смог создать произведения, которые прославили его на весь мир. Это удалось только потому, что Бабель был одновре-

---

[1] См.: Утесов Л. Спасибо, сердце. М., 2000. С. 30.

[2] Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 344.

менно охвачен духом первооткрывательства. Уже в молодые годы он был уверенным в себе, любопытным и блестящим наблюдателем. «В нем жили жадность к жизни и острый интерес к познанию тех механизмов, которые движут душевной жизнью человека, душевной и социальной», - писал о нем его друг Лев Славин[1].

Однако на музыку способности Бабеля не распространились. Учитель скрипки Петр Столярский не был доволен своим учеником. Исаак «ненавидел гаммы, эту непонятную, ненужную, визгливую музыку»[2]. Вместо нот на его пульте находились книги Тургенева или Дюма, и, читая, он без всякой охоты водил смычком по струнам своего инструмента. При этом Столярский[3] был хорошим учителем: позже он обучил игре на скрипке двух исключительных скрипачей - Давида Ойстраха и его сына Игоря.

В какой-то момент пятнадцати- или шестнадцатилетний Бабель решил, что дальнейшие занятия музыкой являются абсолютной потерей времени: «Дела поважнее заняли все мои помыслы». Оставив ежемесячную оплату учителю в двенадцать рублей, он вместо уроков музыки отправлялся изучать портовую жизнь со своим школьным другом, «торговым гением», который с приличной прибылью сбывал курительные трубки «директорам банков, иностранным консулам и богатым грекам». Бабель «повадился на пароход «Кенсингтон» к одному старому матросу по имени мистер Троттибэрн»[4].

Бухгалтерия? Расчеты с логарифмической линейкой? Неинтересно. «Кенсингтон» и «Троттибэрн» - это были чужие и одновременно волшебные слова, услышав которые, должно быть, не только дети представляли себе дальние страны и бесконечную свободу. Не зря Одесса, по аналогии с Санкт-Петербургом, называлась южным окном России в Европу. Это было связано с теплым климатом - Одесса находится примерно на той же широте, что и Милан или Лион - и так называемой южной атмосферой, не сравнимой с часто депрессивным и серым Санкт-Петербургом или с унылой, очень холодной в зимнее время Москвой. Жизнь кипела не только у теплой печи, но и за пределами дома.

---

[1] Славин Л. Фермент долговечности // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 8.

[2] «Детство. У бабушки». Напечатан впервые после смерти Бабеля в: Литературное наследство. Т. 74. М., 1965.

[3] Бабель в своем автобиографическом рассказе «Пробуждение» назвал его Загурским.

[4] «Пробуждение».

Бабель без устали бродил по улицам города, слонялся по порту, заговаривал с заморскими матросами по-немецки, по-английски, по-французски. Возможно, за небольшую плату он сопровождал матросов или торговцев, показывая им город, роскошные летние резиденции столичной знати из окружения царской семьи.

Однако чужестранцы могли хорошо ориентироваться и без помощи экскурсоводов, так как на самых известных зданиях имелись названия не только на кириллице, но и на латинице. Цены у извозчиков были божескими, поездка по городу стоила пятьдесят копеек. Даже в пригородные районы вели хорошо выложенные дороги. Писатель и одессит Юрий Олеша чувствовал себя гордо, вспоминая при этом о Западе[1].

В хорошо доступном загородном районе Ланжерон гостей зазывали морские курорты и ипподром, в небольших пляжных кафе можно было превосходно отдохнуть за игрой в бильярд.

Гостей Одессы впечатлял, наверное, Пассаж - торговый центр из двадцати четырех магазинов на первом этаже, построенных в стиле модерн, и с дорогим отелем наверху. Товары здесь можно было спокойно посмотреть и приобрести сухими даже во время дождя, так как Пассаж имел стеклянную крышу. А на широких бульварах электрические уличные фонари горели допоздна, освещая их для вечерних променадов.

По обеим сторонам просторных улиц располагались арендуемые дома, по их стенам вились виноградные стебли. Большие внутренние дворы использовались в качестве дополнительного жилого пространства. Летом люди общались здесь до глубокой ночи, пахло шашлыком, слышался щебет птиц. Родившийся в то время в Одессе Владимир Жаботинский, один из пионеров и интеллектуальных основателей государства Израиль, с восторгом вспоминал о несравненном городе, о ситуациях, в которых «вспоминаешь о зрелости радости или о легком запахе шума, плывущего в воздухе»[2].

В кафе «Фанкони» на Дерибасовской молодой Бабель ходил особенно охотно. Коммерсанты там договаривались о сделках, густой сигарный дым и аромат тонкого бренди обволакивали посетителей. Из беспорядочно разложенных на столах газет он мог бесплатно почерпнуть любую информацию о ситуации в стране.

Хотя Бабель уже учился в коммерческом училище, в свободное время отдавался жизни начинающего писателя, черпал материал

---

[1] См.: Олеша Ю. Книга прощания. Москва, 1999. С. 27.

[2] Shlomo Avineri. Profile des Zionismus. Gütersloh, 1998. S. 189.

для будущих рассказов. Разве мог он в такое волнующее время и в таком городе, где жизнь бьет ключом, думать о карьере бухгалтера или предпринимателя? Бабелю хотелось запечатлеть все, что он видел и слышал, ему страстно хотелось писать.

В начале XX в. Россия сильно изменилась. По мере того как происходило становление гражданского общества, институт монархии утрачивал свою власть и репутацию. Не в последнюю очередь в результате этого появился политический плюрализм. Вместо тринадцати ежедневных газет, издававшихся еще с 1860 г., к 1914 г. по всей стране их число возросло до 856[1]. Только в Одессе имелось тридцать типографий и издательств.

То, что до сих пор невозможно было даже представить, стало вдруг возможным: представители разных классов заключали друг с другом браки, крестьяне становились помещиками... Однако это были всего лишь просветы, слабые солнечные лучи перед надвигавшейся грозой. Росло недовольство народа государем, ставшим практически недееспособным.

Первым тяжелым общественным потрясением стала война, которую Россия вела против Японии в 1904 г. и после тяжелых потерь вынуждена была ее завершить в 1905. На войне погибло 400 тысяч русских. Нарастающий кризис экономики выталкивал возмущенных людей на улицы. Первым трагическим событием стало кровавое воскресенье января 1905 г., когда погибло более 200 человек - солдаты открыли огонь по невооруженным демонстрантам.

К лету волнения докатились и до Одессы. Взбунтовался экипаж военного корабля «Потемкин» Черноморского флота, и теперь держал курс в направлении порта, чтобы похоронить застреленного матроса. Тысячи одесситов собрались в знак солидарности у подножия портовой лестницы. Правительство опасалось восстания, и солдатам был дан приказ: стрелять. Позже выдающийся режиссер Сергей Эйзенштейн восстановил эти события в фильме «Броненосец Потёмкин». Знаменитая сцена, в которой детская коляска с плачущим младенцем стремительно скатывается по лестнице мимо гор убитых и раненых, ярко символизировала жестокость гибнущего царского режима.

В октябре 1905 г. Николай II подписал манифест, которым провозглашал уже давно назревшие реформы: провозглашал гражданские свободы, создание Государственной Думы и др. Однако было уже поздно. Никто не верил в успех реформ. Начались поиски вино-

---

[1] См.: Orlando Figes. A People's Tragedy. New York, 1998. P. 163.

ватых, и это пришлось особо почувствовать на себе одной этнической группе - евреям. Только за первые две недели после объявления манифеста, согласно статистике, было совершено 690 погромов. Самые ужасные произошли в Одессе: было убито около 800 евреев, тысячи ранены и примерно столько же потеряли свой кров[1]. Исаак Бабель жил тогда со своими родителями в Николаеве, но и здесь несколько дней бесчинствовала толпа. В рассказе «Первая любовь»[2] автор повествует об этом. Он видел, как его отец напрасно умолял офицера о помощи: «Капитан, - прошептал отец, когда казак поравнялся с ним, - капитан, - сжимая голову, сказал отец и стал коленями в грязь...». События этого дня не прошли бесследно для психики десятилетнего Бабеля - у него нашли нервную болезнь, которая осложняла всю жизнь писателя.

Бабель сам был свидетелем, по меньшей мере, одного погрома[3]; он был потрясен насилием по отношению к безоружным евреям. Эти впечатления наложили на него неизгладимый отпечаток. Никогда еще прежде его отношение к религии не демонстрировалось столь наглядно. Люди затаптывались разъяренной толпой только за то, что были евреями. К старому строю и царю, который воспринимал погромы, как акт русского патриотизма, молодой Бабель не мог больше питать симпатии и тем более ожидать от них изменения этого страшного положения. С тех пор каждую новую политическую систему, которая заявляла о себе на собраниях и трибунах в последующие смутные времена[4], он проверял на ее отношении к евреям.

Несмотря на страшные события, то обстоятельство, что Бабель жил не в Москве или Санкт-Петербурге, оказалось для него выигрышным. Одесса, расположенная на окраине империи, все еще считалась одним из самых либеральных ее городов. Треть населения города составляли евреи, так что русские называли Одессу «случайным городом» - в противоположность Москве, «Третьему Риму». В городе, где 8 синагог и 28 молитвенных домов, евреи относятся к русским плохо, даже унижают их - так думали в остальной части

---

[1] См.: Orlando Figes. A People's Tragedy. New York, 1998. P. 197; Robert Weinberg. The Revolution of 1905 in Odessa.Bloomington, 1993. P. 164.

[2] Впервые напечатан: Красная газета. Л. 1925. 24 и 25 мая.

[3] Со слов его дочери Натали и второй жены Антонины Пирожковой.

[4] Понятие «смутное время» часто используется тогда, когда политическая обстановка в России характеризуется неразберихой и не исключены насильственные перевороты. Это понятие восходит к периоду 1598- 1613 гг., когда в Москве некоторое время царила польская военная диктатура.

России. Во время погромов эти безумные представления вылились в яростное желание отомстить за мнимые унижения.

При этом высокая концентрация евреев на западе и юге страны была следствием указа самого царя. Евреям было позволено селиться лишь в ограниченной черте оседлости, к которой относились области Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Здесь проживало больше половины евреев всего мира и более 90 процентов русских евреев[1].

Небольшая их часть определяла в значительной степени экономическую жизнь в Одессе: половина крупных магазинов, торговых фирм и маленьких лавок принадлежали им, 13 из 18 банков принадлежали еврейским директорам или членам Наблюдательных советов[2]. Однако большинство евреев жило в горькой нищете. Показателен следующий факт: в 1905 г. 80 тысяч из 140 тысяч евреев обратились к благотворительным организациям за финансовой помощью, чтобы купить мацу, пресный хлеб на Пейсах, еврейскую пасху.

Но независимо от того, богатые они или бедные, в Одессе евреи могли передвигаться свободнее, чем в любом другом месте России, представители их интересов были активистами даже в Городской Думе. А интеллектуальная элита, творчества которой цензура почти не касалась, размышляла о будущем еврейского народа.

Под впечатлением погромов в 1881 г. и дела Дрейфуса во Франции[3] врач Леон Пинскер в 1882 г. издал листовку и книгу под заглавием «Автоэмансипация». Это был первый призыв к сионизму - движению за создание родины евреев. Палестина была лишь одним из многих других предложений, предлагались также территории Африки и Латинской Америки.

В Одессе жил и работал Ашер Гинзберг, взявший себе псевдоним Ахад Хаам (на иврите «один из народа»), влиятельный политический философ и поборник еврейского национализма. Культурная ассимиляция евреев, Хаскала, еврейское просвещение, были поставлены под сомнение. Хаама интересовало не только политическое и экономическое, но прежде всего духовное и культурное осуществление сионизма. Евреи должны объединиться внутри и за пределами еврейского государства и получить надежду на будущее. Стремление евреев к национальной самостоятельности проходило параллельно с

---

[1] См.: Lustiger A. Rotbuch. Stalin und die Juden. Berlin, 1998. S. 24.

[2] См.: Weinberg. The Revolution of 1905. P. 17.

[3] Неоправданное обвинение, выдвинутое в декабре 1894 г. против офицера-еврея, в значительной степени способствовало формированию сионистского движения.

растущим влиянием социалистов, которые желали наступления конца царизма. Оба движения пересеклись[1]. Первая межрегиональная социалистическая организация «Общий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (он же Бунд) был до 1905 г. самой крупной политической группировкой.

Бабель с большим интересом и очень внимательно следил за дискуссиями, проходившими в газетах, в залах и на улице. Он был очень ассимилированным евреем: на улице приспосабливались к христианским обычаям, работали даже в шаббат, однако дома семья соблюдала еврейские традиции, религию, а родители Бабеля считали своим долгом наставить сына помогать еврейской благотворительной организации. Однако Бабель был слишком связан с Россией, чтобы увлечься сионизмом, а о том, чтобы уехать навсегда, он даже и не думал. Хотя тогда это было вполне возможно. Тысячи русских евреев уезжали из Одессы в Палестину или Америку.

Одесса на рубеже веков стала центром эмансипации русских и восточно-европейских евреев. Наряду с теоретиками и политиками это явление занимало умы писателей. Сионистско-иудейские тексты были полностью посвящены Палестине, темой современной еврейской литературы стала жизнь и будущее в России. Её самыми известными авторами были жившие некоторое время в Одессе Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер (Мойше) Сфорим, которые сознательно писали на маме-лошн, так как хотели, чтобы их понял простой еврей, общавшийся только на идиш, они хотели донести до него свои идеи просвещения. Строгая еврейская вера ортодоксальной традиции должна была быть также реформирована, как и мистика и вера в чудеса хасидизма, распространенного в основном в Восточной Европе. Они считали, что только так можно улучшить жизнь с соседями-христианами и сами жизненные условия. Бабель был признателен обоим авторам и за то, что они выступали за еврейское просвещение - Хаскалу, которую Бабель поддерживал скорее, чем их эмансипацию и выезд в Палестину. Он ценил и рассказы Сфорима, которого видел, по меньшей мере, один раз в Одессе, и произведения Шолом-Алейхема, которые позже ему пришлось переводить.

Уже в молодые годы из-за глубоких политических и социальных перемен Бабелю приходилось каждый раз делать выбор: монархист или социалист, ассимилированный еврей или сионист, еврей или

---

[1] См. часть вторую (Marxismus auf dem Weg zum Kommunismus - Zionismus auf dem Weg zum Judenstaat) исследования Шломо Наъамана (Shlomo Na'aman) «Marxismus und Zionismus». Gerlingen, 1997.

русский. Бабель чувствовал себя связанным с русским языком и культурой - и это не изменилось на протяжении всей его жизни, а еврейской культуре - обязанным. Он был русским евреем, и постоянно жил между двумя мирами.

В 1916 г. Бабель опубликовал сборник статей об Одессе, который был равноценен литературному манифесту[1]. В нем он подчеркнуто описывает антипатию многих русских к Одессе. Одна из статей начинается с провокационного заявления: «Одесса очень скверный город». На самом же деле статья восхваляет город, в котором «легко и ясно жить», но который его критики считают отвратительным. А «скверный» он лишь потому, что сильно отличается от других русских городов. Отсюда, «из солнечных степей, обтекаемых морем», пророчит Бабель, выйдет русский Мопассан, спаситель литературы, «так нужный нам». «Если вдуматься, то не окажется ли, что в русской литературе еще не было настоящего радостного, ясного описания солнца?» Другими словами, довольно дымки тургеневской доброты и тяжелого тумана Санкт-Петербурга у Достоевского. Бабель заканчивает свой манифест словами: «Чувствуется - надо освежить кровь».

Солнце и свет следует понимать не только дословно, они означают также просвещение, новую Россию. Какая страна могла бы служить здесь лучшим примером, как не страна Мопассана - Франция, где революция удалась еще в 1789 г.? В понятие «спаситель», «мессия» Бабель вложил еще кое-что другое: влияние еврейской культуры и языка на русскую литературу для него было скорее желательным. Он достаточно знал обе культуры благодаря частным урокам и по школе.

Школу он закончил в 1911 г. В его свидетельстве об окончании школы[2], выданном 3 июня, стояли хорошие оценки. И это при том, что карьера коммерсанта его не интересовала, а школу он закончил на два года раньше положенного[3]. По всем языковым дисциплинам - русскому, немецкому, французскому и английскому - у Бабеля была высшая оценка - «5». Средние оценки у него были по алгебре, геометрии и тригонометрии, а также по связанным с ними

---

[1] Впервые опубликован: Журнал журналов. Петроград, 1916. № 51. См.: Efraim Sicher. Jews in Russian Literature After the October Revolution. Cambridge, 1995. P. 77.

[2] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 293.

[3] См.: Спектор У. Молодой Бабель // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 279.

практическим занятиям по коммерческой арифметике и бухгалтерии. Но как только приходилось составлять тексты по коммерческой корреспонденции, оценка поднималась до «4». Таким образом, семнадцатилетний выпускник был достаточно хорошо подготовлен для поступления в Одесский университет.

Однако из-за ограниченного приема евреев в высшие учебные заведения Бабель был вынужден продолжить свое образование в коммерческом училище. Отец определил его в Киевское коммерческое училище, собрав необходимые документы: свидетельство о рождении вместе с клятвенным заверением Одесского городского раввината в его подлинности, аттестат о среднем образовании и справку о перечислении 50 рублей за один семестр обучения на счет 1742320 в Азовско-Донском коммерческом банке[1].

Предположительно отец отправил Исаака в Киев еще и потому, что это совпадало с его коммерческими интересами. В большом городе на Днепре жил богатый предприниматель Борис Веньяминович Гронфайн, или производивший сельскохозяйственное оборудование, или импортировавший его из Англии, с которым на протяжении многих лет сотрудничал Эммануил Бабель.

Старый Бабель снял квартиру для своего сына недалеко от Гронфайнов, почти на видимом расстоянии от величественной двухэтажной синагоги: на улице Васильковской, дом № 30[2]. А сразу за углом, на Мариинско-Благовещенской улице, в собственном четырехэтажном доме № 33/35, украшенном башенкой, жила семья Гронфайнов. Здесь, в Бердском квартале, евреев проживало больше, чем в остальных районах города.

Для Бабеля его новое место проживания было идеальным: недалеко от вокзала и от знаменитого Крещатика. Он мог пешком дойти до Ботанического сада, удобного для прогулок, и до торгового училища, расположенного рядом, на Бибиковском бульваре, 24. Но дорога к институту проходила мимо государственного университета, постоянно напоминая о его корнях: доступ в него был для евреев закрыт.

К приезду Бабеля в Киев в городе проживало 58 387 евреев - 12 процентов от общего числа киевлян. Лишь 4 тысячи из них были зарегистрированы как студенты[3]. Киев, как Русь изначальная, не

---

[1] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239.

[2] Там же.

[3] См.: Michael F. Hamm. Kiev. A Portrait. 1800-1917. Princeton, 1993. P. 128.

был зоной оседлости евреев в Российской империи. Многие жили далеко не в комфортабельных условиях, к тому же в постоянном страхе быть в любую минуту выдворенными.

В противоположность этому, семье Гронфайнов жилось здесь хорошо, и Бабелю нравилась непринужденная и элегантная атмосфера дома, в котором ему приходилось бывать. Борис Гронфайн был практичным человеком западной ориентации. Его красивая жена Берта имела репутацию замкнутой, слегка депрессивной женщины, много читала, а остальное время проводила за игрой в шахматы. В те времена в таких общественных кругах это было престижным, тем более что выдающийся русский шахматист Алехин собирался стать чемпионом мира.

Бабель симпатизировал самой младшей из троих детей - Евгении, которую все звали просто Женей. Пятнадцатилетняя Женя была романтичной миловидной девушкой, любила проводить время в изучении изящных искусств, интересовалась литературой. Ее отличал живой ум. Няня, родом из Пруссии, учила ее немецкому языку.

Взгляды Жени и Исаака совпадали в том, что ради искусства все остальное должно отступить на задний план. Бабель нашел в ее лице хорошего слушателя своих рассказов, и она определенно внесла свой вклад в то, чтобы он всерьез задумался над тем, чтобы зарабатывать на жизнь не коммерцией, а писательским трудом. Для демонстрации своих предпочтений Женя отказывалась носить дорогие платья и шубы, которые ей дарили родители. Бабель, в свою очередь, даже зимой не носил пальто и шапку: в представлении русских - безрассудство, граничащее с безумством.

Они быстро стали близкими друзьями. Дочери богатого предпринимателя нравились причуды умного и самоуверенного юноши с круглыми никелированными очками, который всегда мог к случаю рассказать анекдот или диковинную историю. Когда он приглашал свою подругу на чай, она поражалась тому количеству пирогов, которое он поглощал за короткое время, но у ее родителей он пил только чай. Однажды Бабель признался: для него лучше не начинать есть пирогов, иначе ему трудно остановиться[1] .

Эта дружба ни в коей мере не мешала учебе Бабеля. Нет также каких-либо свидетельств тому, что ему не нравилось жить в Киеве и что он скучал по Одессе. К тому же расстояние от Одессы до Киева в 612 верст, около 650 км, скорый поезд того времени проезжал всего за двенадцать часов, и Бабель ездил туда иногда, чтобы встре-

---

[1] См.: Babel N. Introduction. S. XVII.

титься с друзьями и насладиться атмосферой, сильно отличающейся от мира Гронфайнов.

Со своим школьным товарищем Берковым он однажды посетил знаменитую пивную «Гамбринус», неизменное место встреч матросов со всего мира. В то время как Берков с нетерпением ждал конца вечера, Бабель наслаждался атмосферой и наблюдал за шумной публикой сквозь густой дым сигарет. Позже он объяснил другу: «С бытописательской точки зрения это очень интересно»[1]. Ясно, каким Бабель представлял себе свое профессиональное будущее. Учебу он, тем не менее, не бросал: отец наверняка лишил бы его финансовой поддержки и, кроме того, он считал учебу хорошей подготовкой к жизни писателя. Учился он усердно и получал в Киеве, так же как и в Одессе, отличные оценки.

В учебном расписании среди прочего стояли классики политэкономической мысли от Адама Смита до Карла Маркса. Первый том его главного произведения «Капитал» был переведен на русский язык в 1872 г., через пять лет после издания оригинала в Гамбурге. Цензоры не нашли в нем ничего предосудительного. Три тысячи экземпляров первого издания были раскуплены в России в течение года. В Германии же всего тысяча экземпляров продавалась долгих пять лет. «Еврейский вопрос» Маркса был таким же актуальным, как и идеи историка культуры Вернера Зомбарта на ту же тему, произведение которого было опубликовано в России в 1912 г. Помимо этого, Бабель читал произведения Льва Толстого. Своевольный граф импонировал ему больше всех русских писателей и служил ему всю жизнь примером.

Но никакая насыщенная учеба не может заменить желание увидеть новые города и новые страны: 24 мая 1912 г. Бабель сообщил директору коммерческого училища, что планирует один семестр изучать экономику в Антверпене. Он отметил свою отличную успеваемость по экономике, истории политической экономии, статистике, теории государства и права[2]. По всей видимости, это было достаточным основанием, так как он получил такое разрешение. Однако затем Бабель неожиданно отказался от своей затеи - «из-за нехватки свободного времени»[3], других причин он не называл. Возможно, отец не захотел финансировать его поездку. Итак, Бабель продолжил учебу в Киеве, числясь официально под именем Исаака Маневича Бобеля, регистрационный № 1890/а.

---

[1] Берков М. Мы были знакомы с детства. С. 206.

[2] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 8. Д. 513.

[3] Там же.

1913 г. Бабель встретил девятнадцатилетним студентом. Царская семья праздновала трехсотлетний юбилей династии Романовых и ездила по всей стране. Осенью прибыли в Киев. Весь размах, с которым отмечался юбилей, не мог скрыть того, что год этот был для России совершенно особенным[1].

В этом временном отрезке столкнулись два, почти диаметрально противоположных, взгляда: оптимистичные политики подчеркивали экономический подъем, сделавший Россию одной из самых мощных держав мира; пессимисты, напротив, критиковали интеллектуальную убогость, царившую в государстве, недостатки в образовании и неспособность правительства предпринять что-либо против угнетающей нищеты, царившей, прежде всего, в деревнях. Обе стороны были по-своему правы. В то же самое время одна практически безвестная партия стремилась к власти. Большевики начали издавать свою газету «Правда». Это был последний год перед началом войны, которую царской России не суждено было пережить. Господствующая верхушка высокомерно игнорировала тревожные сигналы и давала роскошные балы. А недовольные рабочие все чаще выходили на демонстрации.

Этот период разрывающих противоречий создал для искусства благодатную почву. Горький вернулся из эмиграции и завладел литературной сценой. Вместе с тремя другими литераторами поэт Владимир Маяковский опубликовал манифест «Пощечина общественному вкусу», направленный против мещан. Появились первые абстрактные картины. Казимир Малевич сократил использование красок в своих картинах до двух цветов: белого и черного. В Санкт-Петербурге была поставлена футуристическая опера Михаила Матюшина «Победа над солнцем», для которой Малевич создал костюмы и сценические декорации, а Алексей Крученых вместе с Велемиром Хлебниковым написали текст. 1913 г. был одним из самых творческих и значимых для русского авангарда.

А Исаак Бабель опубликовал свой первый рассказ «Старый Шлойме». Он вышел в свет 9 февраля в шестом номере журнала «Огни», культурно-политическом еженедельнике. Школьный друг Берков вспоминает, что Бабель в один из своих приездов в Одессу зачитал друзьям написанную им театральную пьесу. Возможно, Берков ошибся, и речь идет о рассказе о старом Шлойме. О каком-либо сцени-

---

[1] Насколько важным был этот год, задокументировано Феликсом Филиппом Ингольдом (Felix Philipp Ingold). См.: Der große Bruch. Russland im Epochenjahr 1913. München, 2000.

ческом произведении молодого Бабеля ничего неизвестно. В любом случае, все присутствующие были восхищены услышанным и предложили попытаться опубликовать его в Санкт-Петербурге[1].

В этом рассказе Бабель размышляет о будущем евреев. Старый полуглухой Шлойме никак не может понять смысл сказанного его сыном: «Папаша, нас выселяют отсюда, слышите, выселяют, гонят!» С трудом до него доходит, что уйти от грозящего выселения он может только путем ассимиляции, а это для него недопустимо. Для сопротивления он слишком стар, поэтому, отчаявшись, он кончает жизнь самоубийством.

У Бабеля еще не ощущается того искусства повествования, которое придет к нему позже, поэтому короткая развязка ранних рассказов неудивительна. Во время их создания Бабель, возможно, думал не только о погроме, пережитом им в Николаеве, но и о деле Бейлиса в Киеве. Еврей Мендель Бейлис отвечал перед судом по ложному обвинению в том, что совершил ритуальное убийство русского мальчика. Эта теория получила подпитку благодаря «Протоколам сионских мудрецов», которые были сфабрикованы царской тайной полицией, чтобы уличить евреев в мировом заговоре. Настоящие убийцы, русские, давно уже были изобличены двумя полицейскими, которых, однако, вскоре отстранили от служебных обязанностей. Николай II знал о невиновности Бейлиса, однако надеялся, что приговор приведет к политической разрядке. Накануне решающего дня он даже подарил судье золотые часы. Зря. К удивлению всех, Бейлис был оправдан[2].

Состояние здоровья Бабеля к этому времени было не из лучших. В медицинской справке от 23 февраля 1914 г., которую он сдал в училище, лечащий врач писал о его «нервной слабости», запрещал «занятия умственной работой», предписав водолечение[3]. Возможно, это были последствия болезни, которую Бабель позже описал в рассказе «Первая любовь». Или справка была уловкой, с помощью которой он хотел уклониться от предстоящего призыва на военную службу?

Чтобы следовать рекомендациям врача, Бабель уговорил своего отца профинансировать его лечение на заграничном курорте. В феврале он получил из училища справку о том, что «со стороны администрации препятствий для его поездки за границу в сентябре

---

[1] См.: Берков М. Мы были знакомы с детства. С. 205.

[2] См.: Figes. A People's Tragedy. P. 243.

[3] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239.

1914 г. не имеется»[1]. Такое письмо в то время было необходимо, чтобы оформить заграничный паспорт. Однако в июле 1914 г. в России неожиданно началась всеобщая мобилизация. Германия объявила России войну - началась Первая мировая.

В это неспокойное время проводить лечение было невозможно. И в Киеве он не смог отдохнуть. В 1915 г. два раза переезжал, причины тому неизвестны: вначале на улицу Назарева, затем, в августе, в пятиэтажный дом в стиле модерн (*Jugendstil*) на улице Сретина, 13/15. За эти недели Бабель написал свою итоговую работу «О подоходном налоге», 2 сентября ее сдал[2], через два дня ему сообщили, что он допущен к экзамену[3].

В октябре последовала эвакуация училища в Саратов. Газета «Саратовский листок» сообщала о приезде новой «группы примерно из 300 киевских студентов»[4]. Подготовка к экзаменам, однако, не помешала Бабелю написать второй рассказ - «Детство. У бабушки», который он датировал: Саратов, 12 ноября 1915 г. Тематически он относился к его автобиографическому циклу, озаглавленному впоследствии «История моей голубятни» - так назывался и первый рассказ из этого цикла. Но при жизни Бабеля эти рассказы не печатались ни в одном сборнике. Рассказ о своей бдительной, хотя и необразованной бабушке, он убрал, посчитав его, видимо, не совсем удачным.

В этом рассказе Бабель вновь обращается к теме жизни евреев в дореволюционной России. Герой рассказа хочет вырваться из своей квартиры, символизирующей сковывавшую его, порой далекую от жизни, религию, чтобы отважиться на что-то новое. В конце концов, он уже научился многому. Но старая женщина не дает ему порвать с еврейской средой, к тому же бдительно следит за усвоением им школьных знаний, хотя сама ничего в них не смыслит. У каждого из них есть немало причин для такого своего поведения. Эту внутреннюю борьбу, с которой вырос Бабель, эти бытовые противоречия, с которыми он часто сталкивался еще в молодые годы, он неоднократно тематизировал и в своих поздних рассказах.

5 мая 1916 г. и 16 марта 1917 г. Бабель сдал свои экзамены[5]. Оценки были хорошие, по французскому языку даже «отлично».

---

[1] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7, Д. 239.

[2] Там же. Оп. 9. Д. 81.

[3] Там же. Оп. 7. Д. 239.

[4] Саратовский листок. 1915. 4 октября.

[5] В августе 1916 г. училище вернулось в Киев. «Саратовский листок» 17 августа 1916 г. писал, что для переезда было выделено 35 железнодорожных вагонов.

Однако официальный диплом за № 1413, выписанный на имя Бобеля, он получил лишь 10 ноября 1917 г., то есть после Октябрьской революции[1]. Полученная им степень кандидата экономических наук второго класса уже ничего не значила.

Но как писателя, хоть и самозванного, его это, видимо, совсем не трогало: ученые степени утратили для него значение. Однако диплом мог сослужить ему хорошую службу, поскольку появилась возможность продолжить учебу в Петрограде и в качестве студента получить право на жительство в столице. Еврей мог бы получить эту вожделенную бумагу скорее при помощи денег, но Бабелю удалось это сделать без них.

Так Бабель оказался в нужное время в нужном месте - в Санкт-Петербурге, который из-за войны с Германией в 1914 г. был переименован в Петроград. Началось бурное, полное волнений время в его жизни, но этому суждено было стать для него нормальным явлением.

[1] См.: Киевский городской государственный архив. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239.

Глава 2

ПРИМЕР (1916–1919)

С очевидностью выяснено, что ничего Вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом...

Максим Горький о Бабеле

Для молодого любознательного человека, мечтавшего стать писателем, выбор места учебы был удачным. Психоневрологический институт находился на юго-востоке Петрограда, посреди промышленной зоны на Неве. За ним начинался рабочий поселок Стеклянный городок, обязанный своим названием соседствующим стекольным заводам. Жители городка пока еще спокойно работали на близлежащих фабриках и крупном Семянниковском судостроительном заводе[1].

Небольшое двухэтажное здание в классическом стиле с колоннами у входа, до боли знакомыми Бабелю, и четыре других корпуса института располагались в березовой роще: идиллия посреди серого промышленного ландшафта. Созданный в 1908 г. этот частный институт был доступен и для евреев, так что Бабель без труда смог туда попасть. Причем еще в октябре 1915 г., после того как он выслал в институт необходимые документы, в том числе справку из окружной военной управы о том, что он относится к призывникам 1915 г., а отец перечислил 125 рублей - плату за первый учебный год[2], институт выдал ему студенческий билет за № 10157.

---

[1] См.: Ленинград. Путеводитель. М.-Л., 1931. С. 87, 306.

[2] См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

Отныне он числился студентом первого курса юридического факультета[1]. Сам он, однако, переехал в Петроград, вероятно, лишь в 1916 г., так как именно тогда получил в городской управе право на жительство на время учебы[2].

То, что в Психоневрологическом институте преподавалась юриспруденция, объясняется не в последнюю очередь тем, что у желавших поступить на учебу евреев иной возможности изучать право в столице просто не было. Однако получение разрешения работать юристом после окончания учебы не гарантировалось. Но для студентов зачисление на учебу служило поводом легально жить в городе и зарабатывать деньги. Кроме Бабеля, этим воспользовался и Михаил Кольцов, ставший в дальнейшем одним из известнейших журналистов Советского Союза.

Получив диплом киевского коммерческого училища, Исаак тем самым исполнил желание отца дать ему солидное коммерческое образование. Теперь он мог полностью посвятить себя любимой литературе. В этих планах его, по всей видимости, поддержала подруга Женя Гронфайн, видевшая свое будущее так же, главным образом, в искусстве. В Петроград, вслед за Бабелем, она не поехала. Что ей было делать в городе, в котором уже витал дух войны? Бабель не мог поддерживать ее материально, и ее отец был, несомненно, скорее за то, чтобы она оставалась жить в относительно безопасном Киеве.

Накануне Первой мировой войны Санкт-Петербург, в котором проживало 2,2 миллиона человек, был пятым по величине городом Европы после Лондона, Парижа, Вены и Берлина[3]. Его главная артерия и излюбленное место для прогулок Невский проспект пролегал от Александро-Невской лавры на западе до находившегося от нее за четыре с половиной километра Адмиралтейства на востоке, колыбели русского судостроительства, и дальше, до Петропавловской крепости, по другую сторону Невы. Эта ось, соединявшая духовный центр России с ее политическим центром, была задумана основателем города, реформатором по своему духу. Царь Петр Великий начал строительство в 1703 г. Это было неимоверно трудным делом - освоить болотистую местность в дельте Невы и «прорубить окно в Европу», ставшее крылатой фразой. Тысячи людей погибли в ходе этого строительства.

---

[1] См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

[2] Там же.

[3] См.: Neuberger J. Hooliganism. Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914, Berkeley, 1993. P. 216.

Теперь, спустя двести лет, ничто не напоминало о тех мучениях. Невский проспект блистал и днем, и ночью, роскошная архитектура впечатляла одинаково и приезжих, и горожан. Всемирно известными были и Казанский собор, и обрамленный статуями лошадей Клодта Аничков мост через Фонтанку, одного из трех знаменитых каналов города, и другие архитектурные шедевры. В Санкт-Петербурге были первоклассные театры, Мариинский считался одним из лучших в Европе.

Но город уже нес тяжелое бремя войны: правительство было не в состоянии обеспечить продовольственное снабжение столицы. Крестьяне отказывались продавать свое зерно за бесценок, а поскольку административная система не справлялась со своими задачами, продукты гнили на складах и в вагонах. Не хватало хлеба и мяса. Перед лавками выстраивались огромные очереди.

Недовольство росло, так как инфляция все быстрее «пожирала» деньги, заработанные с большим трудом. В период с 1914 по 1917 г. государство увеличило денежную массу в восемь раз[1]. Необходимо было платить многочисленным новым рабочим, в которых нуждалась военная промышленность. Эти необученные рабочие, только что перебравшиеся из села в город, оказались весьма восприимчивыми к агитации политических партий, набиравших политическое влияние. Забастовки проходили все чаще и чаще. Наряду с этим царившая поначалу эйфория по поводу войны быстро сменилась резкой критикой правительства и царя. Николай II лично взял на себя командование войсками, и тем самым он лично отвечал за поражения армии. Дума отказалась сотрудничать с ним, почти все партии перешли в оппозицию. Бабель оказался в эпицентре надвигавшегося урагана, которому вскоре было суждено смести царский престол.

Он снимал комнату на Большой Монетной, 9а, квартира 58[2]. Хозяином квартиры[3] был пользовавшийся большим авторитетом инженер Лев Слоним. С ним и его женой Анной Бабель поддерживал тесную связь на протяжении всей своей жизни. В отличие от названия улицы, «больших монет» у него, скорее всего, не было. Но так

---

[1] См.: Figes. A People's Tragedy. P. 298.

[2] См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

[3] Его друг Семен Гехт ошибочно указывает адрес - Забалканский проспект. Но этот проспект находился не на Петроградской стороне, где Бабель числился согласно переписке с Психоневрологическим институтом. См.: Гехт С. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 60.

же маловероятно и то, что ему «пришлось ужасно худо», как он пишет в своей «Автобиографии»: отец продолжал оказывать ему поддержку. Утверждение Бабеля о том, что у него не было «правожительства», попросту ложное, поскольку он имел прописку. Поэтому, как он сообщает позже, ему и не понадобился фальшивый паспорт.

Квартира Слонимов находилась на северном острове, окольцованном большой и малой Невой, неподалеку от Петропавловской крепости. Конечно, это было не самое подходящее место для студента, институт которого находился почти в другом конце города. Если учесть, что водители трамваев часто бастовали, то, вероятно, ему приходилось добираться туда несколько часов. Но ведь учеба была не единственной причиной, по которой Бабель обосновался в Петрограде. Главной причиной была литература. И не могло быть случайным то, что он жил на одной улице с редакцией культурно-политического журнала «Летопись», издателем и литературным редактором которого был Максим Горький.

Горькому, или Алексею Максимовичу Пешкову, в то время было под пятьдесят. Он был своенравным человеком, не приемлющим идеологического фразерства. Вырос в бедности. В молодости исколесил всю Россию в поисках заработка, подрабатывал рабочим в порту на родине Бабеля - в Одессе. В литературу пришел довольно поздно. Славу ему принесла его «Песня о Буревестнике», гимн мировой революции. Отдельные фрагменты произведения, переписанные от руки, раздавались рабочим, заучивавшим их наизусть. Это была ранняя форма «самиздата»[1].

Стефан Цвейг писал, что Горький - «самый известный, самый любимый народом писатель России, гордость пролетариата и слава европейского мира»[2]. И поэтому неудивительно, что Бабель с таким благоговением смотрел на Горького, проникаясь к нему глубоким уважением за перенесенные тяготы жизни и, прежде всего, за его творчество, за то, что Горький был летописцем жизни простых, бедных людей. Встреча с этим человеком имела решающее значение для дальнейшей судьбы Бабеля.

Бабель познакомился с ним в конце 1916 г., спустя всего несколько месяцев после своего приезда в Петроград. В своей «Автобиографии» он с подчеркнутой благодарностью написал: «Я всем обязан этой встрече». До этого он обращался в другие редакции, но

---

[1] «Самиздат» во времена Советского Союза означал распространение частным образом критических текстов, которые не могли быть опубликованными из-за цензуры.

[2] Цит. по: Maxim Gorki. Der Landstreicher. Frankfurt am Main, 1984. S. 15.

безуспешно. Его отовсюду гнали, советовали «поступить в лавку» или «приказчиком в мучной лабаз»[1].

Горький, напротив, заинтересовался им. Являясь издателем журнала, он часто заседал в редакции на Большой Монетной улице, 18. Фасад этого шестиэтажного дома был неброским - немного в стиле модерн, немного в классическом стиле. Над парадным входом посетителей встречал орнамент в виде корзины с цветами. Раз в неделю писатели и те, кто считал себя таковыми, могли сдавать сюда свои рукописи для просмотра. Через несколько дней Горький давал свой отзыв на тексты. Критику он высказывал откровенно и безжалостно. В комнате № 108-91 решались судьбы, рушились мечты.

Своих гостей Горький принимал в уютном кабинете. В том числе и Бабеля, «человека небольшого роста, с круглым лицом и круглыми стеклами очков». К удивлению сотрудников, их первая встреча продлилась значительно дольше, чем обычно, что означало одно: Горький «всерьез заинтересован посетителем»[2].

Когда, наконец, дверь кабинета открылась, Горький, улыбаясь, сказал окружающим: «Поздравьте меня, а я поздравляю вас. Только что наша литература обогатилась еще одним истинным писателем». После чего пророчески добавил: «Через несколько лет вы в том убедитесь».

В автобиографическом рассказе «Начало» Бабель описывает, как сильно он тогда волновался. Во время их полуторачасовой беседы в кабинете Горький назвал его «уважаемый пистолет» и предупредил о трудностях выбранного пути на литературном поприще. «Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дороге - великая честь, на каковые нелегкие действия я Вас, сударь, и благословляю». Как пишет Бабель: «Слова, сказанные им там, решили мою судьбу».

Он был безмерно рад, опьяненный бродил по улицам города, так не похожего на Одессу: ночи здесь никогда не становились совсем темными во время короткого лета, а дни - светлыми во время долгой зимы. Часто тротуары, крыши церквей и домов блестели от дождя. А когда город погружался в мрачно-серый цвет и солнце ни разу не выглядывало на протяжении нескольких дней, на людей это, как правило, навевало тоску и депрессию. Но в этот день к Бабелю это, разумеется, не относилось. Бродя по улицам, он вдруг осознал, что

---

[1] «Начало». Впервые напечатан в: Литературная газета. 1937. 18 июня.

[2] Воспоминания об этой первой встрече сохранились у Софи Эрлих (Sophie Erlich), сотрудницы «Летописи», которые она изложила в своем письме от 28 января 1970 г. Антонине Пирожковой.

произошло: он, Исаак Бабель из Одессы, был «возведен в рыцари» самим Максимом Горьким! Хозяин квартиры Слоним не поверил ему, посчитав Бабеля сумасшедшим.

Отныне Бабель мог с чистой душой заниматься творчеством, так как наличие у него таланта было признано. Причем настолько, что литературный критик Виктор Шкловский, писавший для «Летописи» о книгах из заграницы, вспоминает: «Самым любимым человеком в журнале для него, мне казалось, был Бабель. Он [Горький. - Авт.] всегда встречал его улыбкой»[1]. Горький тут же опубликовал два рассказа Бабеля в ноябрьском выпуске «Летописи» - «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла». В обоих рассказах отчетливо видно мастерство Бабеля: краткость, подобранность слов, сжатость. Всего на нескольких страницах он сумел изобразить две различные среды: в первом рассказе изможденный еврей Элья встречает грубоватую проститутку Маргариту, у которой появляется неожиданное чувство к своему клиенту; во втором рассказе речь идет о матери, у которой нравственные разногласия со своими двумя взрослыми дочерьми Риммой и Аллой.

Заметили Бабеля и в государственных органах, но не как талантливого автора. Напротив, его рассказы подверглись жесткой цензуре, а в марте 1917 г. его даже хотели привлечь к уголовной ответственности по 1001-й статье - «за порнографию»[2]. Но в то время шла война, государственная власть была шаткой, и можно было не беспокоиться по этому поводу. Он полностью сосредоточился на творчестве. Каждый день выдавал по одному рассказу, который затем относил своему наставнику. Квартира Горького, куда постоянно приходили литераторы и революционеры, находилась совсем близко, в доме № 23 на Кронверкском проспекте, неподалеку от Петропавловской крепости.

Однако Горький оказался недоволен тем, что написал на этот раз Бабель: «С очевидностью выяснено, что ничего Вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте посему в люди»[3].

Таким образом, Бабелю нужно было «идти в люди». Но разве он не делал этого все прошедшие годы? Да, делал, но не погружаясь в среду, а наблюдая лишь на расстоянии, со стороны. Этого, по мнению Горького, было недостаточно: писатель должен прочувствовать и прожить то, что описывает. И Бабель последовал его совету.

---

[1] Шкловский В. Жили-были. М., 1964. С. 390.

[2] Бабель пишет об этом в своей «Автобиографии» и в рассказе «Начало».

[3] «Начало».

В ноябре он написал две статьи[1] для «Журнала журналов», авторитетного литературного издания, связь с которым ему помог установить Горький, а в декабре последовал упоминавшийся ранее манифест «Одесса», хвалебная ода городу «с другой планеты». Все три текста посвящены темам, которые ему были близки.

Бабель любил книги и постоянно читал. Для него естественным было пойти в большую публичную библиотеку на Невском проспекте, заговорить со служителями в гардеробной, усесться в одном из огромных читальных залов, пахнущих старой бумагой, и написать об этом. В центре рассказа «Публичная библиотека» находится книга. С ней связаны судьбы описываемых героев.

Иногда шум с Невского врывался в тишину библиотеки, шум из другого, шумного мира, в котором вершились иные дела. Одно из таких дел Бабель наблюдал в непосредственной близи. Это была работа редактора, который должен был просматривать принесенные рукописи. Эту «работу со словом» Бабель описывает в рассказе «Девять». К тому времени он был знаком с обеими позициями: точкой зрения всезнающего редактора, выуживающего хорошие рассказы, и точкой зрения боязливого автора, выставленного на беспощадный суд редактора. Бабель, смакуя, описывает тип чванливого сотрудника газеты, который сам не умеет и не желает писать, но учит, как надо. Бабель называет его «путешественником пешком вокруг света, королем жизни и лектором».

Почти с революционной бесцеремонностью и высокомерием Маяковского Бабель подписал пять статей, вышедших в свет в «Журнале журналов»[2] под рубрикой «Мои записки», псевдонимом Баб-Эль. Это иудейско-арамейско-русское словосочетание может в переводе означать и «врата Господни», и «женоподобный бог» - ироничный намек на русский стереотип о том, что евреи - это плаксивые люди, не имеющие своего отечества[3].

---

[1] «Публичная библиотека» и «Девять».

[2] Помимо трех уже упомянутых рассказов, это «Вдохновение» и «В щелочку». Рассказ «Doudou» был опубликован 13 марта 1917 г. также под рубрикой «Мои записки» в журнале «Свободные мысли», преемнике «Журнала журналов». Еще один рассказ, указанный без названия в содержании третьего номера за 1917 г., по неизвестным причинам напечатан не был. Возможно, он стал жертвой цензуры.

[3] См. подробно об этом: Verena Dohrn. In Erwartung eines literarischen Messias - der russisch-jüdische Schriftsteller Isaak Babel (1894-1940); Peter Kosta / Holt Meyer / Natascha Drubek-Meyer (Hrsg.): Juden und Judentum in Literatur und Film des slavischen Sprachraums. Wiesbaden, 1999. S. 185.

Уверенность Бабеля в себе укрепилась еще и потому, что, будучи внештатным сотрудником журнала, он имел возможность обмениваться опытом с другими начинающими журналистами и писателями. Среди них были уже упоминавшийся однокурсник Михаил Кольцов, а также Ефим Зозуля, который, как и Бабель, закончил школу в Одессе. Позже Зозуля вместе с Кольцовым учредили журнал «Огонек», ставший позже влиятельным и популярным.

Накануне Февральской революции Бабель полностью забросил учебу. Он попросил институт о предоставлении ему отпуска в связи с «воспалением слизистой оболочки верхней части правого крыла легких». К письму прилагалась медицинская справка от врача, который рекомендовал «особое и длительное лечение в санатории»[1]. Трудно представить, что Бабель действительно последовал этому совету, особенно в то время, когда события в Петрограде разворачивались все стремительнее, к тому же его стали публиковать. Скорее всего он хотел выиграть время, оттягивая свой призыв в армию, грозивший ему с 1915 г. Видя каждый день раненых и сбежавших с фронта солдат, вряд ли он испытывал большое желание отправиться на войну.

Однако попытка эта, по всей видимости, не удалась, поскольку в одном из своих писем Анне Слоним в 1918 г. он пишет: «Я приезжал, уезжал, был болен и призывался»[2]. При этом он имел в виду экспедицию на Волгу, предпринятую с целью добыть продовольствие для Красной Армии. Об этой экспедиции он пишет в автобиографическом рассказе «Иван-да-Марья»[3]. Кроме того, в «Автобиографии» Бабель упоминает о том, что «был солдатом на Румынском фронте», а в рассказе «Дорога»[4] описывает свой уход «с развалившегося фронта в ноябре семнадцатого года». Однако более точных сведений об этом периоде он не дает, вероятно, из-за недовольства, что упустил события Февральской революции, последствия которой предопределили целое столетие.

Эта революция началась с Международного женского дня 23 февраля 1917 г.[5] Вместо празднования рабочие бастовали: из-за

---

[1] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

[2] Письмо Бабеля от 7 декабря 1918 г.// Бабель И. Сочинения: В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 236.

[3] Впервые напечатан в: 30 дней. 1932. № 4.

[4] Впервые напечатан в: 30 дней. 1932. № 5.

[5] После перехода от Юлианского к Григорианскому календарю в России, как и в других странах, Женский день отмечается 8 марта.

катастрофического положения с продовольствием их женам изо дня в день приходилось подолгу стоять в очередях у лавок. Армия и полиция, следуя приказу царя, стреляли по демонстрантам. Погибло более тысячи человек. Однако многие блюстители порядка перешли на сторону бастующих, Николай II отрекся от престола, а власть перешла одновременно к Петроградскому совету представителей рабочих и к буржуазно-либеральному Временному правительству. Двуглавый орел, символ прежней власти, был сорван со стен зданий. При этом по незнанию были сорваны и некоторые гербы с американским орлом.

Первую стадию революции Бабель еще застал. Об этом свидетельствует тот факт, что в тот день, 23 февраля, он получил разрешение на отпуск для отдыха[1]. К тому моменту оба вождя большевиков - радикального крыла русской социал-демократии - в город еще не прибыли.

Владимир Ильич Ленин вернулся из эмиграции в Швейцарии лишь 3 апреля, а высланный царской охранкой Лев Давидович Бронштейн, известный как Троцкий, узнал об этих событиях, находясь в далеком Нью-Йорке. Он тут же отправился в путь, но был перехвачен британской спецслужбой MI 5 (внутренняя разведка) в Халифаксе (Канада) и арестован под предлогом осуществления революционной деятельности. Затем по просьбе MI 6 (внешняя разведка) он был отпущен за «недостаточностью улик»[2]. Спустя ровно две недели после Ленина Троцкий тоже прибыл в Петроград.

По его приказу 25 октября, в день, когда Троцкому исполнилось 38, революционные штурмовые группы захватили Центральный телеграф, Государственный банк и Зимний дворец. Без особого труда большевики взяли власть в свои руки, которая с февраля буквально «лежала на дороге». Октябрьская революция стала лишь символическим окончанием процесса, длившегося восемь месяцев, в течение которого прежние структуры постепенно упразднялись. Наводившая на всех страх тайная полиция была расформирована, губернских управ больше не существовало, а Петроградский совет парализовал армию.

Как часто бывает в таких случаях, на улице в тот холодный и неуютный день мало что свидетельствовало о событиях, имевших в последующем грандиозное историческое значение. По-прежнему ез-

---

[1] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432.

[2] Это подтверждается документами службы MI 5, опубликованными в 2001 г. См.: The Guardian. 2001. 5 июля.

дили трамваи, были открыты лавки, - писал американский журналист и социалист Джон Рид. Вечером того дня он спокойно ужинал в отеле «France», неподалеку от Зимнего дворца, пока нервничающий официант не попросил его перейти во внутренний зал, объяснив: «Будет большая перестрелка»[1].

По меньшей мере был один громкий выстрел крейсера «Аврора», стоявшего на якоре против Зимнего дворца. Этот выстрел был слышен даже в Мариинском театре, где в это время шел балет Чайковского «Щелкунчик»[2]. Вооруженные повстанцы приняли сигнал и пошли на штурм Зимнего, не встретив особого сопротивления. Переворот остался практически незамеченным в городе. На следующий день «Нью-Йорк таймс» в небольшой статье на первой странице сообщила: «Общественная жизнь в городе протекает спокойно и движение транспорта на улицах не нарушено».

Тем не менее на следующее утро люди проснулись в другом государстве. У власти стоял уже Совет народных комиссаров под председательством Ленина, который еще до этого обещал вызволить Россию из войны, экспроприировать имущество помещиков и дать рабочим контроль над производством.

Наступили дни хаоса. Захватчики Зимнего дворца забавлялись в царских погребах, выпивая любимое вино царя, самое знаменитое сладкое «Chateau d 'Yquem» из Бордо. Перед новоявленными министрами захлопнули дверь перед самым их носом: Троцкого подняли на смех, когда он в министерстве иностранных дел представился новым руководителем. А сотрудников Государственного банка лишь под дулом пистолета удалось заставить открыть большевикам сейфы. Пресса с издевкой окрестила новых властителей «калифами на час»[3].

Однако столь вызывающей критике вскоре был положен конец: была введена цензура печати. В своей рубрике «Несвоевременные мысли» Горький подверг правительство резкой критике за это, считая, что Ленин, Троцкий и их соратники уже отравлены ядом власти[4]. В отличие от многих, ему в течение нескольких следующих месяцев удавалось печататься без цензуры. Он был лично знаком с Лениным и другими высокопоставленными большевиками, и они его пока не трогали.

---

[1] Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. Берлин, 1983. С. 129.

[2] См.: Волков С. Санкт-Петербург. Нью-Йорк, 1997. С. 204.

[3] См.: Figes. A People's Tragedy. P. 494.

[4] См.: Горький М. «Несвоевременные мысли» о культуре и революции. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 88. (Эта статья была напечатана в «Новой жизни» 7 [20] ноября 1917 г.)

Горький был шокирован тем, каким образом произошел переворот в России. Он мечтал о революции, которая принесет свободу. Вместо этого ему пришлось увидеть насилие и террор. Вне себя от происшедшего, Горький сравнивал Ленина с сумасшедшим ученым. Как химик, используя мертвый материал, получает ценные результаты для жизни, так и Ленин, оперируя живым материалом, ведет революцию к краху[1]. Но это, пожалуй, не было удивительным для Горького, так как еще в 1909 г. он обвинял Ленина в том, что человек для него - дудка, на которой тот играет ту или иную мелодию[2].

Именно в эти дни Бабель вернулся в Петроград. В рассказе «Дорога» он описывает эту поездку, хотя и здесь невозможно проверить, где проходит грань между вымыслом и действительностью. Он пишет о невинных евреях, которых расстреливали без суда и следствия, о том, как герою приходится добираться босиком по снегу до ближайшей больницы. Фельдшер, бинтуя его отмороженные ноги, вопрошает: «Куда? Куда вас носит?.. Зачем она едет, ваша нация?.. Зачем мутит, турбуется?..»

Эти мучительные, в сущности, вопросы Бабель задает себе и всем евреям. В то же время это риторические вопросы, которые автор вкладывает в уста русского, не понимающего, в сколь трудных условиях живут евреи не только в России, но опасающегося того, что они могут возыметь губительное влияние на новое государство после свержения царя.

Куда ведет евреев дорога? В никуда. Этого положения не изменило даже письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Джеймса Бальфура, в котором он, осторожно подбирая слова, обещал лондонскому сионисту Лионелю Вальтеру Ротшильду собственное государство в Палестине. Ближний Восток нужен был Лондону как мост в Индию, и еврейское государство именно это и дало бы.

Бабель был занят совершенно другими заботами. Ему нужно было зарабатывать деньги на жизнь. Поэтому после возвращения он отправился в дом № 2 на Гороховой. В этом неприглядном здании XVIII в., прямо напротив Адмиралтейства и в непосредственной близости от Зимнего дворца, располагалась «тайная полиция» Советов - ВЧК[3]. Ее первый руководитель Феликс Дзержинский был

---

[1] Горький М. Несвоевременные мысли. С. 98. (Эта статья была напечатана в «Новой жизни» 10 [23] ноября 1917 г.)

[2] См.: Ваксберг А. Гибель Буревестника. М., 1999. С. 10.

[3] Всероссийская чрезвычайная комиссия, создана 7 (20) декабря 1917 г.

ответственным за красный террор и связанные с ним массовые расстрелы в первые месяцы после прихода новой власти.

Разумеется, это было далеко не самое подходящее место для начинающих писателей. Однако, по словам Бабеля, он смог здесь устроиться на работу. Документов, подтверждающих это, не существует[1], поэтому достоверность данных им сведений является спорной. Женя Гронфайн всегда сомневалась в том, что он действительно работал на ЧК, в то время как Антонина Пирожкова, его вторая жена, утверждает, что Бабель был «переводчиком французских писем»[2]. В Первой мировой войне Россия была на стороне Франции, поэтому существовала обширная переписка между Москвой и Парижем, а Франция с начала XX в. была излюбленным местом эмиграции русской интеллигенции, отношения внутри которой представляли определенный интерес для Советской власти. Кроме того, связь с ЧК в то время не представлялась столь необычной, как можно теперь предположить. Писатель Осип Брик, к примеру, работал там в качестве эксперта по праву, Юрий Тынянов, друг Горького, как, возможно, и Бабель, - переводчиком.

Бабель проработал на ЧК, вероятно, внештатным сотрудником, по меньшей мере, несколько месяцев[3]. При этом, по словам Пирожковой, он, по всей видимости, видел своими глазами расстрелы в подвале здания.

Где, как не здесь, в стенах этого ведомства, которое со всей жестокостью устанавливало диктатуру пролетариата, он мог наилучшим образом последовать совету Горького «пойти в люди»? Сотрудники ведомства могли творить все, что хотели. Они считались умными и утонченными, носили меха и золотые часы[4]. Они были «стражами революции», которым не нужны были никакие улики[5]. Без ЧК

---

[1] Как мне объяснили в сентябре 2001 г. сотрудники Федеральной службы безопасности России, правопреемницы КГБ, Бабель на ЧК не работал, поскольку никаких письменных подтверждений этому не имеется.

[2] Из личной беседы с Антониной Пирожковой в Сильвер Спрингсе, штат Мериленд, США, 28 ноября 2000 г.

[3] Как пояснили сотрудники ФСБ, внештатная работа на ЧК в 1917 и 1918 гг. была обычным явлением. Кроме того, французский историк русского происхождения Борис Суварин (Boris Souvarine) считает, что практически не могло быть, чтобы советские органы не отреагировали на письменное заявление Бабеля работать на ЧК. См.: Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем // Kontinent. Мюнхен, 1980. № 23. С. 370.

[4] См.: Viktor Schklowski. Sentimentale Reise. Frankfurt am Main, 1974. S. 235.

[5] См.: Peter Scheibert. Lenin an der Macht. Weinheim, 1984. S. 79.

Ленину и Сталину не удалось бы столь бесцеремонно реализовать свою идею социализма; доступ к ЧК был равносилен доступу к информации, не предназначавшейся для общественности и лишь в редких, исключительных случаях доходившей до нее. Бабель поражался этому могущественному секретному ведомству, оно интересовало его всю жизнь, но и оно же несет часть ответственности за его смерть.

Хотя Бабель работал на ЧК и, таким образом, на новых правителей, но писал он для оппозиционной газеты «Новая жизнь». Руководил ею Горький, который своим острым пером атаковал большевистское правительство во главе с Лениным, порой подвергая критике и себя самого: «Наша интеллигенция богата книжными знаниями и бедна знанием русской действительности»[1].

Удручающую картину этой действительности Бабель рисует в своем очерке «О лошадях». Если раньше в день на убой шло не более сорока лошадей, то сейчас забивают до шестисот, и это при том, что срочно требуется «живая лошадиная сила»; глупость нового правительства и последствия войны заставляют людей идти на крайности.

В семнадцати миниатюрах Бабель описывает начало бесконечно серых советских будней, где «безмолвие пустоты таило мысль - легчайшую и беспощадную»: несмотря на кровопролитные бои, в Петрограде и в округе не хватает лечебниц; медсестрам приходится кормить младенцев, так как у их матерей нет ни сил, ни молока; госпитали забиты многочисленными трупами; в комиссариатах работают несведущие люди; на улицах царит анархия. Бабель вкладывает в уста старухи слова: «Народ устал»[2] и, отчаявшись, восклицает: «Почему ничего не делают?»[3]

Ему пришлось как репортеру окунуться с головой в этот омут, и несмотря на свой возраст, всего 23, не погибнуть в нем. Ошеломляющие впечатления он облекал в слова, не допуская при этом главной ошибки: не становясь на сторону ни той, ни другой стороны. Беспристрастно, как добросовестный летописец, он лишь наблюдал события в Петрограде. Темой его очерков было влияние войны и революции на простых людей, которым оставалось лишь беспомощно созерцать происходящее. Сообщений о собраниях рабочих, восхвалений великих вождей - Троцкого и Ленина - в текстах Бабеля нет. Его бывший сослуживец по «Летописи», Виктор Шкловский,

---

[1] Горький М. Несвоевременные мысли. С. 149. (Эта статья была напечатана в «Новой жизни» 16 марта 1918 г.)

[2] «Мозаика».

[3] «Битые».

хвалил его за отсутствие пафоса: «Только он один сумел во время революции сохранить стилистическое хладнокровие»[1].

Позднее Бабель так выскажется о своей работе в качестве репортера: «Журналистская работа дала мне необычайный материал и невероятное количество ценных фактов для моего творчества»[2].

Петроград того времени был настоящей находкой для Бабеля-писателя. С помощью незначительных событий он сумел запечатлеть конец царской и начало советской империй. Здесь он впервые столкнулся с образом мышления русского народа. Не в солнечной, открытой всему миру Одессе или в расположенном на периферии Киеве, а в столице, пронизанной бюрократизмом и несшей тяжелое бремя войны. В этом сумрачном туманном месте ему в тот период революции и надвигавшейся гражданской войны бросилось в глаза следующее: «Нищета и убожество наше поистине ни с чем не сравнимы»[3].

Электричество, если оно бывало, включали по вечерам не более чем на два или три часа, инфляция моментально уничтожала заработную плату. Не спасали и продовольственные карточки. Известный экономист и специалист по статистике Станислав Струмилин выяснил, что рабочий вместо обычных 3600 калорий в день получал всего лишь 740. В таких убогих условиях совершенно не удивительно, что в феврале 1918 г. разразилась эпидемия сыпного тифа, особенно свирепствовавшего в промышленных кварталах. Там, где раньше был институт, в котором учился Бабель, прямо на улицах лежали трупы[4]. В результате нищеты численность населения бывшей царской столицы резко сократилась с почти 2,5 миллионов в 1916 г. до 900 тысяч в 1919 г. Некогда роскошный город казался вымершим, Невский проспект и ходившие по нему люди были уже далеко не элегантными. Даже имя у него отняли, теперь он назывался Проспектом 25 октября - в честь революции. Сотни улиц по всему Советскому Союзу в последующие годы получили это лишенное всякого вкуса название.

Лавки были разворованы, дворцы разграблены. Бабель мог спокойно заночевать на диване в рабочем кабинете царя в Аничковом дворце, бывшей резиденции Александра III, и на радостях прихватить парочку папирос, как он сам пишет об этом в «Дороге». Даже если это правда, все равно этот дворец не годился в качестве места

---

[1] Шкловский В. Гамбургский счет. С.-Пб., 2000. С. 199.

[2] Литературная газета. 1932. 5 сентября.

[3] «Заведеньице».

[4] О послереволюционном состоянии Петрограда см.: Шишкин В.А. Петроград на переломе эпох. С.-Пб., 2000. С. 61-132.

для постоянного проживания. Бабель поселился в однокомнатной квартире в задней части дворца, владелицей которой до революции была княгиня Юсупова. На первом этаже некий Ганевич продавал дамскую и мужскую одежду, а некий господин Бычков - керосин, свечи и мыло[1].

Из меблированной комнаты Бабеля открывался вид на дворец, небольшой летний сад и фонтан. Дела у него шли по тем временам неплохо, зарабатывал на жизнь пером. Самовар всегда стоял под паром, часто был хлеб[2]. Отцовская помощь в те месяцы становилась все скуднее. И ЧК платила не так уж много, чаще продуктами. Выручали публикации в «Новой жизни». Когда денег не хватало, газета давала ему кредит. В ежемесячных бухгалтерских отчетах за ним порой числились долги[3].

Когда редакция в начале июля была закрыта новыми представителями власти, наступило безденежье. Происходило массовое вымирание русских газет. Причинами были цензура, запрет на размещение рекламных объявлений и ненасытная советская бюрократия, поглощавшая почти всю производившуюся тогда бумагу. Возникли трудности и у газеты Горького. Требовалась покорность, а не критические выступления, которые Горький всё еще себе позволял. В последнем выпуске «Новой жизни»[4] он выступил с опровержением предъявленного ему большевиками обвинения в том, что газета, якобы, имеет сомнительные денежные источники и поэтому является подкупной. Горький ответил, что сам ее финансирует и, в отличие от большевистской «Искры», никогда не нуждался в деньгах богатого мецената[5]. Вслед за этим в квартире Горького был произведен обыск, а сам он с этого момента находился под непрестанным наблюдением чекистов[6]. Однако он не стал доводить дело до полного разрыва отношений. Он, «Ной русской интеллигенции», спасал ученых и журналистов от «революционного потопа», создав места встреч, где они могли собираться и обмениваться мнениями: Дом писателей и Дом ученых.

Больших денег в распоряжении неофициального министра культуры не было, да и Петроград к тому времени уже лишился статуса

---

[1] См.: Schlögel K. Jenseits des Großen Oktober. Berlin, 1988. S. 177.

[2] Шкловский В. Гамбургский счет. С. 199.

[3] Главная книга газеты «Новая жизнь». Петроград, 1918. С. 196.

[4] Горький М. Несвоевременные мысли. С. 252. (Эта статья была напечатана в «Новой жизни» 2 июля 1918 г.).

[5] Горький имел в виду Савву Морозова, мецената революции.

[6] См.: Ваксберг А. Гибель Буревестника. С. 68; Шенталинский В. Рабы свободы. М., 1995. С. 320.

столицы. Переезд правительства в Москву секретным поездом под № 4001 был совершен в марте 1918 г. В это же время юлианский календарь был заменен на григорианский и была проведена реформа правописания.

В отношении прозы и поэзии большевиками пока еще не было разработано никаких программ. Некоторые поэты приходили в восторг от происходивших событий - Маяковский писал о «моей революции», другие были шокированы, например, ставший позже первым русским лауреатом Нобелевской премии Иван Бунин, который прекратил дружбу с Горьким за его сотрудничество с революционерами.

Писать о будущем русского искусства и литературы Бабель не хотел и не мог. Он продолжал писать очерки и рассказы, однако опубликоваться после закрытия «Новой жизни» стало практически невозможно. Небольшой рассказ «На станции»[1] был напечатан 16 июля 1918 г. в газете «Эра» за день до ее закрытия. А 13 ноября журнал «Жизнь искусства» опубликовал короткую историю «Концерт в Катериненштадте»[2]. На его основе позже появился рассказ «Иван-да-Марья», в котором Бабель изобразил свое участие в «продовольственной экспедиции». Так называлось изъятие зерна, несмотря на сопротивление крестьян, которые из-за инфляции скармливали его скоту, не желая отдавать за бесценок. Советская власть ввела продразверстку и выжила благодаря этому. В течение одного года около 10 тысяч экспедиторов изъяли одну пятую всей выращенной сельхозпродукции. Людей брали в качестве заложников, а в случае невыполнения требований - расстреливали.

Оставшись в Петрограде, Бабель, по-видимому, продолжал работать на ЧК. От нее он получил материал для написания одного рассказа, но который так и не написал, а лишь отредактировал[3].

Эта необычная криминальная история произошла в канун православного Рождества 1919 г. в Москве. Одним из героев был не кто иной, как сам Владимир Ленин, вождь пролетариата. Его противником был бандит по кличке Кошелек. В ту ночь Ленин ехал к жене Надежде Крупской, когда на его роллс-ройс напала банда Кошелька: «Стоять! Стоять! А то стрелять будем». Ленину, его шоферу Гилю и телохрани-

---

[1] За рубежом, впервые напечатан в парижской газете «Русская мысль» (1996. 15-21 февраля. № 4113).

[2] Двумя днями раньше в этой же газете был напечатан рассказ «На Дворцовой площади».

[3] Шенталинский В. Яшка Кошелек и Владимир Ленин // Новый мир. 1996. № 4.

телю Чабанову пришлось выйти из машины. Ленин спросил бандитов, знают ли они, с кем имеют дело. В ответ ему бросили: помалкивай. Кошелек не интересовался политикой. Бандиты обыскали Ленина: забрав бумаги и револьвер «браунинг», они исчезли. Ленин был вне себя от ярости. Специально созданная группа под руководством опытного чекиста Мартынова вскоре поймала предводителя банды.

Написать об этом или сделать обработку материала о происшествии поручили Бабелю и его коллеге - писателю Михаилу Булгакову. Как и когда они получили рукопись, неизвестно. То ли редакция журнала «30 дней» позже, в 20-е гг., передала эту рукопись Бабелю, то ли Мартынов лично[1] - неизвестно.

Тот богатый на события 1919 г. Бабель провел в Петрограде, проживая, как и раньше, на Невском. Более подробной информации об этом периоде его жизни не существует. В конце лета он приехал в Одессу, 9 августа[2] женился на Жене Гронфайн. Ее родители не очень-то обрадовались такому зятю, который был всего лишь начинающим писателем и, по их мнению, занимался не тем, чем надо, но уступили желанию дочери. Было небольшое, скромное торжество, полностью во вкусе Бабеля: материальные ценности никогда особо не прельщали его.

Вскоре после свадьбы Женя почувствовала, какую боль может причинить будущая жизнь с ее мужем: вместо того чтобы поехать с ней в свадебное путешествие, он уехал осенью назад, в Петроград, практически на фронт. Там верная царю северо-западная армия генерала Николая Юденича стояла на подступах к городу, но не смогла продвинуться дальше. Народный комиссар по военным и морским делам Троцкий мобилизовал достаточно войск, чтобы отбросить Юденича назад, к самой Эстонии.

Об этом событии Бабель ничего не написал. Однако ему вновь пришлось пройти школу жизни в сложнейших, наверное, опасных условиях, как того требовал Горький, которого Бабель считал примером для подражания. Он постоянно стремился пополнить свой жизненный багаж, собирая материал для творчества, и был одержим этим стремлением, как сам признавался, порой до нереального отношения к действительности. «Он жаждет правды, как другие водки», - писал о нем Маяковский.

---

[1] Ни рукопись, обработанная Булгаковым, ни вариант Бабеля «Бандиты» так и не были напечатаны. Таким образом, этот эпизод из жизни Ленина остался до сих пор неизвестным. При этом эти дела и рукописи хранятся в архиве ФСБ под № Н-215 и доступ к ним открыт.

[2] См.: Nathalie Babel. Introduction. S. XV.

Глава 3

ВОЙНА (1920)

Как мы несем свободу, ужасно...

Запись в дневнике

Когда Бабель поздней осенью 1919 г. вернулся в свою любимую Одессу, политическая ситуация там была весьма запутанной. Вначале город был оккупирован большевиками, затем в город вошли немецкие и австро-венгерские войска, затем высадились французские солдаты. Национальные украинские отряды под предводительством генерала Петлюры боролись за власть так же, как и армия верных царю белых под предводительством генерала Деникина. Лишь в январе 1920 г. власть в городе окончательно перешла к большевикам.

Родители Бабеля могли наблюдать за уличными боями из окон своей квартиры на Ришельевской улице, где они жили вместе со снохой. Женя была очень рада, что муж вернулся с фронта целым и невредимым, поскольку даже поездка на поезде стала небезопасной. Составы часто останавливали и обворовывали и красные, и белые, и просто бандиты, что трудно было себе представить при царе. Но народ привык и к этому, ему пришлось привыкнуть. Книг жалоб, которые имелись раньше на всех станциях, теперь не было. Из прежних правил остался лишь трехразовый гудок на перронах: первый гудок раздавался за пятнадцать минут до отбытия поезда, второй - через десять минут после первого и третий - при закрытии дверей. Под звуки гудков Бабель когда-то отправлялся на учебу в Киев и Петроград, и под эти же звуки теперь вернулся в Одессу.

В те революционные годы здесь жил Иван Бунин. От гнева и отчаяния из-за смены власти он уехал из Москвы на юг страны. Надеялся, что вдали от центра сможет писать свободно и спокойно. Какое заблуждение! Ситуацию он счел невыносимой. «С самого завтрака лежу с закрытыми глазами в постели, все все равно», - писал он в своем

дневнике, «это - не жизнь». Из-за непрекращающегося хаоса и от осознания того, что большевизм победил окончательно, он впал в отчаяние. На трудности ежедневного выживания смотрел с сарказмом. На улицу почти не выходил. Новую власть, которая плевалась семечками и ругалась самым ужасным образом, презирал всеми фибрами души. В феврале 1920 г. Бунин с женой покинули Одессу на корабле[1] .

Они бежали от так называемого «военного коммунизма», который беспощадно проводился по приказу Ленина, чтобы выстоять в Гражданской войне и в борьбе с голодом и контрреволюцией. Была введена всеобщая трудовая повинность и продразверстка, обязательная сдача сельхозпродукции, крупные предприятия были национализированы, а частная торговля запрещена. В качестве компенсации гражданам кое-что перепадало, даже почти бесплатно: электричество, так как знаменитое определение Ленина гласило: «Коммунизм - это Советская власть плюс электрификация всей страны». Правда, к концу «военного коммунизма» царил всеобщий голод, во время которого умерло почти 5 миллионов людей. Вынужденно Советы в начале 20-х гг. ненадолго вернулись к ненавистному капитализму - воцарился нэп.

В отличие от Бунина, Бабель приспособился к новым обстоятельствам в Одессе так же быстро, как и до этого в Петрограде. Он нашел себе работу в местном государственном издательстве, где был ответственным за беллетристику (что бы это в то время ни значило), и благодаря уже известному тогда Михаилу Кольцову устроился в Российское телеграфное агентство, а точнее - в Юг-РОСТА[2].

РОСТА было не просто телеграфным агентством, здесь все сообщения обильно пропитывались пропагандой, марксистско-ленинское мировоззрение необходимо было донести до народа. Это осуществлялось также с помощью пестрых плакатов на известных витринах - «Окнах РОСТА». В Москве такие плакаты рисовал от руки сам Маяковский, подражая средневековому русскому стилю «лубок», своего рода народным картинкам с сатирическим содержанием. В Одессе над ними работали в основном Борис Ефимов, брат Кольцова[3], а стихи писали Эдуард Багрицкий (лит. псевдоним Хаима Дзюбина) и Юрий Олеша[4].

---

[1] См.: Nathalie Babel. Introduction. S. 87.

[2] Южное бюро украинского отделения РОСТА.

[3] От своей еврейской фамилии Фридлянд они отказались, поскольку опасались возможных притеснений.

[4] См.: Erwin Wedel. Odessa als Wiege und Schauplatz der südrussischen Literatur im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts//Walter Koschmal (Hrsg.) Odessa, Regensburg/Passau, 1998. S. 96-131.

К Одесскому отделению агентства быстро присоединилась группа молодых поэтов, которые подписывались «Коллектив поэтов», - Валентин Катаев (Петров), Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Вера Инбер, Илья Файнзильберг (Ильф). Почти все они родом из Одессы, там они получали творческое вдохновение и там происходит действие их романов и поэтических сочинений. Вместе они ходили в иллюзион, в кинотеатр «Урания», и в расположенный в центре, неподалеку от порта, дворец аристократов, где с докладами и чтениями выступал и Бунин. После этого они бродили по набережной, читали стихи, обсуждали литературные эксперименты. Иногда к ним присоединялся Бабель, и вскоре он стал уже одним из них. Его публикации в «Летописи», дружба с Горьким и лестный отзыв последнего сделали Бабеля известным. Даже партийная элита ценила его. Более того, как вспоминает Катаев, бюрократы «обожествляли его, как лучшего писателя»[1].

Тогда же Бабель встретил Евгению Соломонову-Чаютину. Красивая и умная молодая женщина работала редактором в «Правде» и иллюстрированном еженедельном приложении[2]. Их длительная дружба переросла в любовь и стала еще одним элементом в сложной мозаике объяснения смерти Бабеля.

То, что происходило здесь, на окраине разрушенной империи, Шкловский позже назвал «юго-западной» или «южнорусской школой»[3]. Утесов с гордостью рассказывал об «одесских сорванцах», которые создали новую литературу, «нашу литературу»[4], а Илья Эренбург так писал об этом времени: «После революции юг устремился в русскую литературу - ярко, несдержанно, насмешливо и романтично». Эренбург, которому очень нравился Бабель, сохранил самые лучшие воспоминания об этих молодых авторах: «Они ослепляли нас, заставляли нас смеяться, вдохновляли нас»[5].

Бабель использовал такое же определение, что и Шкловский: «одесская, южнорусская школа»[6]. Специями этой изящной, иногда острой литературной кухни были легкий, веселый нрав, шутки и оригинальность. Больше всех перца подсыпал Бабель, который всег-

---

[1] Катаев В. Трава забвения. М., 1999. С. 207.

[2] Ефимов Б. Десять десятилетий. М., 2000. С. 65.

[3] Литературная газета. 1933. 5 января. Определение «юго-запад» восходит к одноименному стихотворению Багрицкого.

[4] Утесов Л. Спасибо... С. 11.

[5] Ilja Ehrenburg. Menschen, Jahre, Leben. Berlin, 1982. T. 1. S. 297.

[6] О творческом пути писателя//Бабель И. Сочинения. М., 1992. Т. 2. С. 403.

да был ироничен, любил розыгрыши, чем приводил людей в замешательство. Это было частью его чувства юмора. Посреди улицы он мог начать подпрыгивать, заглядывать в лица прохожих, веселиться над их возмущением или недоумением. Или мог ответить по телефону женским голосом. Просто так, по настроению.

Однако Бабель любил шутить не только из-за веселого нрава, но и из-за скрытности характера. За маской шутника с искринкой в глазах скрывался вдумчивый и глубокомысленный писатель, уверенный в себе, но тем не менее ранимый. Последующие его прозаические произведения были посвящены мрачной теме. В первом номере культурно-политического журнала «Лава» в 1920 г. он опубликовал цикл «На поле чести»[1]. В четырех рассказах Первая мировая война изображена глазами французских солдат. В качестве образца Бабелю послужила изданная в 1918 г. в Париже книга Б. Гастона Видала «Герои и истории великой войны»[2], которые не являлись политическими рассказами, как следовало из названия. Это печальные миниатюры о жестокости и безумии войны.

Бабель использовал сюжетную канву этих историй, как он откровенно пишет во введении, но оценку дает свою. При этом мог пригодиться собственный опыт пребывания на фронтах в Румынии и Петрограде. Он анализирует противоречия и странности, которые несет с собой война, и поднимает вопрос о нравственности. Так, например, изображается офицер, хороший семьянин, но вынужденный расстрелять двадцатилетнего дезертира со словами: «Пять таких солдат, как ты, и рота отравлена»[3]. Или квакер, который рискует своей жизнью ради лошади, и при этом погибает[4].

Эти пересказы были для Бабеля больше, чем просто работа над стилем. С момента возвращения ему почти каждый день наглядно демонстрировалась бессмысленность убийства: не последствия войны между чужими странами, а война друг против друга граждан одной страны. Война красных против белых в России шла полным ходом, перестрелки в Одессе стали уже привычными. После того как большевики все-таки одержали верх, Одесса стала всего лишь второстепенным местом действия вдалеке от событий всемирно-исторического значения. Россия была вздыблена, власть Сове-

---

[1] Так же называется и первый рассказ. Названия других рассказов цикла: «Дезертир», «Семейство папаши Мареско» и «Квакер».

[2] B. Gaston Vidal. «Figures et anecdotes de la grande guerre».

[3] «Дезертир».

[4] См.: «Квакер».

тов окончательно не сформирована, а на Западе армия восставшей Польши под предводительством Юзефа Пилсудского оккупировала украинские города и продвигалась дальше.

Бабелю не хотелось следить за событиями, сидя в издательстве, он рвался на фронт. Там не нужно было долго искать сюжета для рассказов. Война сама была ужасным спектаклем, только успевай записывать. Как и многим другим военным репортерам, ему не раз приходилось испытывать счастье, выживая в опасных ситуациях. И потому предложение Михаила Кольцова делать репортажи для Юг-РОСТА о польско-русской войне пришлось как нельзя кстати[1]. Женя вряд ли всерьез пыталась остановить его. Ее муж не был писателем, сочиняющим свои рассказы в тиши кабинета. Он всегда стремился добраться до сути. Он был одержим этим.

Благодаря предложению Кольцова для Бабеля не только открылась возможность собрать новый материал, он мог также участвовать в походе, который казался ему правым делом, так как поляки захватили исконно русскую землю и стояли уже в Киеве, родине семьи Гронфайн. К тому же появились слухи, что польские солдаты устраивают погромы. Может быть, Бабель надеялся, что Красная Армия положит конец этому ужасу.

Весной 1920 г. Бабель получил удостоверение военного корреспондента Юг-РОСТА на имя Кирилла Васильевича Лютова. Эта фамилия должна была олицетворять энергичного русского человека и скрыть его национальную принадлежность. Причина понятна: Исаак Эммануилович Бабель должен был находиться при армии, в которой нежелательно было выделяться как еврей.

Первая Конная армия под предводительством Семена Михайловича Буденного была необычной армией. Эта была самая успешная военная машина большевиков в Гражданской войне, чудо-оружие. Создана 17 ноября 1919 г. Реввоенсоветом. В ее состав входили, главным образом, лихие бойцы, которые были мастерами верховой езды, умели четко выполнять приказы - в любое время, в любых условиях. А Буденный, обладавший талантом увлечь за собой массы, малограмотный сорвиголова из южной Донской (Ростовской) области, служивший при царе штабным унтер-офицером, был для них примером. Так же, как и он, многие не были привязаны к семьям, а наличие классового сознания, по Марксу, не ставилось в качестве предварительного условия.

---

[1] Помяновски Е. История, спущенная с цепи // Русская мысль. Париж. 1998. № 4215.

Этот тип бойца никто не мог воплотить лучше, чем казаки, стражи Российской империи. Большинство из них, однако, вначале воевало на противоположной стороне: они весьма скептически наблюдали за революционными событиями, требовали особых привилегий, присоединялись к добровольческим армиям мятежных генералов Врангеля и Деникина. Против них воевала армия Буденного, в состав которой входил также корпус Красной кавалерии из перебежавших донских и кубанских казаков. Армия Буденного нанесла противникам сокрушительное поражение на Кавказе. Когда Буденный получил приказ отправиться в Польшу, в ее рядах служило уже намного больше казаков, чем прежде.

Эти бойцы со своеобразным головным убором, напоминающим луковицу[1], должны были показаться возрождением орд Чингиз-хана не только полякам. Уже в конце 1919 г. военный комиссар В. Н. Черный сообщал правительству в Москву о том, что Буденный попустительствует разбою.

Дисциплины по отношению к врагу, главным образом к гражданскому населению, не было: поджигали дома, насиловали женщин, грабили целые деревни[2]. В одном из рапортов грабежи оправдывались просто тем, что «в дивизионном движении находилось много алкогольных фабрик»[3]. Настоящая причина краж заключалась в том, что казаки пошли на войну со своим оружием и на своих лошадях. Провиант должны были находить сами. Лишь позже, к концу Гражданской войны, они официально были включены в состав Конной армии. Для них, привыкших к смерти в ходе долгих боев, человеческая жизнь, как и своя собственная, не значила ничего. Тем более жизнь еврея, как в этом вскоре убедился Бабель.

В распоряжении Конной армии, когда она отправилась с Северного Кавказа на польский фронт, находившийся на расстоянии более тысячи километров, имелось 16884 сабли, 18964 лошади и 349 пулеметов[4]. Согласно военной задаче, поставленной Москвой,

---

[1] Повсеместно была известна как «буденовка».

[2] См. послесловие Петера Урбана (Peter Urban): Isaak Babel. Die Reiterarmee. Berlin, 1994. S. 289. Урбан ссылается на документальный материал, опубликованный в «Независимой газете» (1993).

[3] Рапорт командира шестой кавалерийской дивизии Первой Конной армии от 5 октября 1920 г.// Государственный военный архив Русской армии. Ф. 245. Оп. 3-303.

[4] Доклад Климента Ворошилова о состоянии Первой Конной армии в конце марта 1920 г., датированный 17 октября 1938 г.// РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 73.

вначале нужно было выдворить Пилсудского из Киева. Он мечтал о Польше от берега до берега - от Балтийского моря до Черного - такой была Польша некогда в период расцвета литовско-польского княжеского дома. Киев не был целью его завоевательного похода, а был лишь промежуточной станцией. Его поддерживала Франция, рассматривавшая Польшу в качестве полезного форпоста в борьбе против большевизма.

Война быстро приобрела, таким образом, международный характер. К началу крупного наступления русских командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский 2 июля отдал приказ № 1423: «На запад». Путь к мировой революции пролегал «по трупам Белой Польши», малозначащей буржуазной республики[1].

Когда Бабель точно был в Конной армии, неизвестно. Вероятно, в апреле-мае 1920 г.[2] Во всяком случае, в конце мая, когда Буденный продвинулся с юга к городу Житомиру, корреспондент из Одессы был уже там.

Конная армия вела своего рода молниеносную войну. 5 июня 1920 г. она нанесла польской армии неожиданный удар и овладела Житомиром. Это была первая победа советской армии над европейским оружием[3]. За последующие десять недель Буденный и его бойцы почти беспрепятственно продвигались в направлении запада, к Польше. Территория была хорошо обозреваема, на пути никаких естественных преград у армии, кроме отдельных лесов, не было. Дожди и холода начались позже. 10 июля был взят город Ровно, находившийся почти в 200 километрах от Житомира. Город Дубно, находившийся в пятидесяти километрах западнее, был взят после нескольких попыток 21 июля. Через два дня большевики открыли «Польское бюро», чтобы создать Временный польский революционный комитет. Коренной поляк Феликс Дзержинский, основатель ЧК, видел себя уже московским наместником в Варшаве.

За распространение сообщений о победе отвечал Бабель, он же Лютов - еврей в русском обличье. Маска Лютова часто спасала Бабеля. Причем не только в непредсказуемых ситуациях на войне, но

---

[1] См.: Davies R.W. White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War 1919-1920. London, 1972. P. 145.

[2] То, что Бабель примкнул в Первой Конной армии в апреле, предполагает Ушер Спектор: И. Э. Бабель - публицист, прозаик, драматург // Исаак Бабель. Пробуждение. Тбилиси, 1989. С. 9. В противовес этому, Агнесс Геребен указывает месяц май. См.: Agnes Gereben. Isaac Babel's Diary and his «Red Cavalry» // Hungaro Slavica. Budapest, 1983. P. 55.

[3] См.: Davies R.W. White Eagle. Red Star. P. 124.

и от откровенной неприязни своих товарищей, с которыми Бабель провел добровольно около четырех месяцев. От некоторых все-таки не удалось скрыть, что он еврей, но на большинство солдат эта маскировка действовала.

В качестве корреспондента Юг-РОСТА и относившейся к нему газеты «Красный кавалерист», «воинственной газеты», как писал Бабель, полной «храбрости и грубого юмора»[1], он имел небольшие привилегии. От многих ежедневных солдатских обязанностей Бабель был освобожден; ему не обязательно было находиться на передовой, он мог спокойно собирать материал и в тылу. Главное, чтобы регулярно отправлял сообщения. Он должен был распространять «сказки о большевизме»[2]. Работу его оплачивали по обычному тарифу.

У него был доступ в штаб шестой дивизии Конармии и в бронепоезд политпросвещения «Правда», в котором размещались редакции газет и радиостанции. Здесь также печаталась газета «Красный кавалерист». Вначале как листовка, затем как газета с тиражом в 300 000 экземпляров. Она должна была нести в народ положительный образ красноармейца.

Наряду с этим в записную книжку он вносил ежедневные наблюдения, не предназначенные для публикаций. С помощью этих дневниковых записей мастерское описание войны в поздних рассказах «Конармии» приобрело еще больший масштаб.

«Я именинник. 26 лет. Думаю о доме, о своей работе, летит моя жизнь. Нет рукописей. Тупая тоска, буду превозмогать. Веду свой журнал, будет интересная вещь»[3]. Настолько интересная, «что вскоре после окончания войны ему придется спрятать» свои записи в надежном месте. При встрече с молодыми писателями в 1938 г. он заговорил о своем дневнике, но тут же добавил, что «к сожалению, большая часть его погибла»[4].

На самом деле он отправил дневник своей знакомой Марии Овруцкой в Киев[5]. Она спасла его в сталинские времена. Позже передала его другой знакомой Бабеля, переводчице Татьяне Стах[6],

---

[1] Рассказ «Вечер». См.: Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 77. (Этот рассказ не следует путать с одноименным очерком из Петрограда.)

[2] Запись в дневнике от 24 июля 1920 г.//Бабель И. Дневник 1920 г. Берлин, 1990. С. 65. Издан Петером Урбаном (Peter Urban).

[3] Запись в дневнике от 13 июля 1920 г.//Бабель И. Дневник. С. 36. Упомянутые рукописи, возможно, относились к «Одесским рассказам».

[4] Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 464.

[5] Антонина Пирожкова предполагает, что это был 1927 г., когда Бабель после смерти своего тестя продал дом в Киеве.

[6] Полностью весь дневник был опубликован в России лишь в 1990 г.

которая затем передала эти ценные записи Антонине Пирожковой. В них не хватает лишь первых 54 страниц, записи начинаются лишь с 3 июня. Кроме того, утеряна 21 страница с датами от 7 июня до 11 июля. Может быть, Бабель вырвал их из страха перед возможной проверкой, возможно, Овруцкая сама устранила особо изобличающие места. Она и без того проявила огромное мужество, сохранив эти воспоминания в своей квартире. Если бы их нашли, она была бы сурово наказана за «антисоветскую пропаганду».

В этих записях Бабель без прикрас описал бои, жестокость которых была необычайной даже для военного времени. Хотя стреляли из пулеметов, в ход часто шли и сабли, и штыки, нередко переходили в рукопашную один на один. Пленных почти не брали, евреев по обе стороны мгновенно убивали. Как Бабель лаконично замечает: «Житомирский погром, устроенный поляками, потом, конечно, казаками»[1]. С осатанением наносились смертельные раны. «Глотка его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца»[2]. И Бабель всё это видел своими глазами.

Летом 1920 г. 8 из 16 советских армий воевали против Польши. В течение года на Западный фронт было отправлено в общей сложности 800 тысяч человек[3]. В своей речи «Советская Россия и буржуазная Польша» в белорусском городе Гомель главнокомандующий Троцкий под громкие аплодисменты сказал: «Мы будем вести войну так, что во всей Польше, во всей Европе, во всем мире затрещат чубы польских панов»[4]. В этой войне речь уже не шла о возвращении к статусу *кво анте*. Россия шла на эту войну с далеко идущей целью, выходившей за пределы прежней царской империи.

В начале августа Конная армия начала наступление на Броды, по ту сторону границы бывшей габсбургской Галиции. Небогатый город, но, по сравнению с русским приграничным городком Радзивиловым, зажиточный. Бабель честно удивлялся тому, что «здесь были американские доллары, апельсины, сукно»[5].

---

[1] Запись в дневнике от 3 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 17. Запись датирована 3 июня, однако город Житомир был взят лишь через пять дней. Поэтому некоторые литературные критики предполагают, что Бабель ошибся при указании даты римскими цифрами. См.: Charles Rougle (Hrsg.), Red Cavalry. Evanston, 1996. P. 8. (Прим. 13. К тому же субботой было не 3 июня 1920 г., как сказано в этой дневниковой записи, а 3 июля.)

[2] «Переход через Збруч».

[3] См.: Davies R.W. White Eagle, Red Star. P. 274.

[4] Trotzki L. Sowjetrussland und das bürgerliche Polen. Berlin, 1920. S. 15.

[5] Запись в дневнике от 30 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 77.

Бабель видит перед собой разрушенный город, почти 20 тысяч жителей, из них лишь 15 процентов христиан, - еврейский город. Названия некогда хороших отелей говорят о близости к Западу: «Бристоль», «Европа». И что делает Бабель? Он идет в немецкий книжный магазин. На один час. Бабель радуется новым книгам, перелистывает историю Польши. При этом почти ничего не видит, так как рассвет только начался. Когда трофейная комиссия Красной Армии начинает, в соответствии с предписанием, грабить, он прячется[1].

Здесь, в самом восточном уголке бывшей Австро-Венгерской монархии, родился Йозеф Рот - в том же году, что и Бабель. Это не было чистой случайностью, что он тоже делал репортажи о польско-русской войне. Но встретиться им тогда не довелось[2]. Рот описывал Буденного как одного «из самых надежных командиров советского правительства и любимого во всех кавалерийских войсках». Возможно, это и так. Однако изображение Ротом встречи между евреем и казаком, если сравнить записи дневника и рассказы Бабеля, кажется сказкой: «Еврей очень хочет купить кожаный ремень, а казак не продает, но берет нагайку, и лишь смеется, смеется: Нет, батюшка, нет...»[3].

Нет, так дружески и цивилизованно на этой войне ничего не происходило. Скорее, как на «непрекращающейся панихиде»[4]. 18 августа Бабель записал: «Как мы несем свободу, ужасно»[5]. Для чего он придумал себе новую национальность - русского, фамилию Лютов? Он хотел увидеть и описать, как русские коммунисты обращались с евреями. С одной стороной его связывала тысячелетняя культура, с другой - самые новые надежды. Он причислял себя к обеим культурам. Однажды он написал: «Я не выбирал себе национальность. Я еврей, я жид»[6]. А в другой записи признается, что русский[7]. Этот конфликт с национальной принадлежностью преследовал Бабеля не

---

[1] Запись в дневнике от 30 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 77.

[2] Также не состоялась запланированная встреча осенью 1926 г. В письме «товарищу» Роту от 25 октября Бабель сожалеет об этом и одновременно хвалит его статьи: «В них есть много умного и тонкого, написаны они блестяще отточенным стилем». См.: Joseph Roth, Reise nach Russland, Köln 1995. S. 286.

[3] Joseph Roth. Berliner Saisonbericht. Köln, 1984. S. 40. Эта статья была напечатана в газете «Neue Berliner Zeitung» (Новая Берлинская газета) 5 августа 1920 г.

[4] Запись в дневнике от 6 августа 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 95.

[5] Запись в дневнике от 18 августа 1920 г.// Там же. С. 122.

[6] Паустовский К. Время больших ожиданий. М., 1960. С. 151.

[7] Запись в дневнике от 24 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 64.

только во время его службы в Конной армии. Возврат в прошлое был невозможен, и для него был открыт лишь один путь - в коммунизм. И должен он идти по нему как еврей - почти безысходная ситуация, так как вскоре выяснилось, что новое общество еще ужаснее, чем старое.

Столкновение миров, которые пережил Бабель, произошло в Галиции, состоявшей из равнинных полевых угодий и пастбищ и считавшейся самой бедной частью Европы из-за высокой плотности населения и низкой урожайности. Территория с официальным названием «Королевство Галиции и Лодомерии» с площадью около 80 тысяч квадратных километров была чуть меньше, чем сегодняшняя Австрия, перешла после первого раздела Польши императрице Марии Терезии из династии Габсбургов, а с окончанием Первой мировой войны к ставшей на короткое время независимой Украине; затем - к полякам, перед тем как солдафоны Буденного захватили ее для России.

Важных стратегических объектов там не было. Зато было достаточно мишеней для ненависти. Между Киевом и Варшавой находился центр еврейских общин Восточной Европы, штетлы. На эти маленькие городки во время Гражданской войны напали сначала поляки, затем Конная армия. В 530 штетлах было учинено более 1200 погромов. При этом погибли 60 тысяч евреев, полмиллиона остались без крова[1], в основном в Галиции.

Мир восточноевропейских евреев Бабель знал лишь по рассказам и встречам на Молдаванке, городском квартале Одессы. Образ жизни в таком штетле - нищета, грязь, стесненные жилищные условия - поначалу действовали на него отталкивающе: тощие дети, прилегающие вплотную друг к другу хижины, бездорожье, громыхающие деревянные тележки, которые тянут тощие волы или лошади, люди, одежда которых не заслуживала такого названия, так как лохмотья не одевают, ими лишь прикрываются. «Евреи, не спавшие ночью, стоят жалкие, как птицы, синие, взлохмаченные, в жилетах и без носков»[2].

Это было результатом целенаправленной государственной политики: евреев постоянно подвергали притеснениям. В христианских деревнях, там, где они могли еще заработать пару рублей, их не терпели. Проточной воды, газа, канализации для них не было. Если им вообще это удавалось, они ездили в поездах только третьего класса.

---

[1] Lustiger A. Rotbuch. S. 58.

[2] Запись в дневнике от 23 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 59.

Иллюстрированный путеводитель «Хартлебен» рекомендовал своим читателям ездить по Галиции только в субботу, шаббат, чтобы не видеть переполненных вагонов, «так как в этот день евреи не ездят»[1].

В Одессе Бабель привык к другому. Он общался чаще с зажиточными, открытыми миру ассимилированными евреями. Хотя они были, как самокритично отмечает Бабель, «пузатыми, пузырящимися, как дешевое вино», но и не носили «этих желтых и трагических бород»[2]. Однако в ходе войны он со все большим уважением смотрел на измученных, но гордых людей, чувствовал тягу к раввинам-чудотворцам и к хасидизму, центр которого располагался в галицийском городке Бердичеве. Хасиды придавали большое значение братству, вдохновению и радости. Говоря словами лауреата Нобелевской премии Эли Визеля, «празднику жизни»[3].

При этом будни их проходили в тяжелых погодных условиях: проливные дожди размывали дороги, а ветер не встречал никакого сопротивления, кроме людей и домов: маленькие деревянные домики стояли, согнувшись, как люди, справа и слева от дороги. Лишь дубы и грабы стояли прямо. «Лица, вот гетто, и мы, старый народ, измученные, есть еще силы»[4], пишет Бабель в своем дневнике.

Говоря «мы», он отождествляет себя с евреями, с которыми любит поговорить: «они меня понимают». Мечтает о синагоге в деревне Боратин, «великолепный разрушенный старый храм»[5]. В те дни Бабель увидел много больших, многоэтажных, часто расположенных в центре молельных домов из жженного кирпича или дерева - в Бродах, Буске, Ровно[6], а также в окружном городе Дубно. Он считает, что от вечернего посещения одной из синагог там «невозможно удержаться». Их простой интерьер может понять только «душа еврея». В молитве Бабель находил несколько минут покоя и силы.

Есть ли у евреев вообще будущее, - вопрошает он пессимистично, - неужто именно в наше столетие они погибнут?[7] И отвечает

---

[1] Путеводитель, изданный в 1914 г. в Вене и Лейпциге, был переиздан в 1989 г. издательством «Helmut Scherer Verlag» в Берлине. См. с. 46 в разделе «Praktische Bemerkungen» (Практические примечания).

[2] «Учение о тачанке».

[3] Elie Wiesel. Chassidismus - ein Fest für das Leben. Freiburg, 1988. Поразительно, но жизнь в штетле все еще романтизируется. См.: Yvonne Kleinmann. Aufgepasst, Ihr Talmudschüler, wenn Ihr bei den Wohltätern speist! // Frankfurter. Allgemeine Zeitung, 2. August 2001.

[4] Запись в дневнике от 21 июля 1920 г. // Бабель И. Дневник. С. 55.

[5] Там же.

[6] См.: Синагоги Украины. Львив, 1998.

[7] Запись в дневнике от 23 июля 1920 г. // Бабель И. Дневник. С. 62.

на свой вопрос описанием убогого еврейского поселения в местечке Верба. Там «жалкая, немощная, умирающая жизнь» не исчезла, а даже «пульсирует». Однако противоречие для ассимилированного, городского еврея сохранилось. С одной стороны, он гордится древней историей, традициями своих предков, однако люди, согнутые судьбой, чужды ему. Они живут в своем мире, беззащитны перед произволом грозящих им опасностей, но не сопротивляются им.

Станут ли евреи в будущем способными к сопротивлению? Как и многие из них, Бабель тоже очень надеялся на революцию. Он знал искренних коммунистов, которые боролись всеми силами за лучшее будущее. Они были уверены в себе, им можно было позавидовать. Они обладали необходимым мужеством, ненавистью к врагу и авантюризмом. Однако Бабель быстро понял, что он к ним не относится - «я чужой». Красноармеец не дал ему куска хлеба, ответив: «с евреями не имею дело»[1]. Маска Лютова срабатывала не всегда.

Разочарованный Бабель наблюдал за тем, как повторялся виток истории. В XVII в. запорожские казаки под предводительством Хмельницкого вырезали польских евреев, а теперь это делают солдаты под предводительством Буденного - «несчастное еврейское население»[2]. Бабель писал, что в ушах звучали пулеметные очереди и крики изнасилованных женщин, что «наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы»[3]. Если бы до Буденного дошли эти слова, то Бабеля, вероятно, сразу бы расстреляли.

В дневнике, который Бабель с удивительной дисциплинированностью вел ежедневно, он все больше становится пленником войны, неспособным думать о чем-либо другом. Почти каждая запись свидетельствовала о страшных событиях, бесчеловечности, вещах, которые его разум отказывался понимать. «До этого - страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце...»[4]. И в конце похода Бабель сам попадает под обстрел: «Заснул к четырем часам, стук в дверь - ехать. Паника, неприятель у местечка, стрельба из пулеметов, поляки приближаются. Всё скачет»[5]. Даже если об этом не упоминается явно, он определенно испытывал страх перед смертью.

---

[1] Запись в дневнике от 3 августа 1920 г.//Там же. С. 88.

[2] Запись в дневнике от 18 июля 1920 г.//Там же. С. 47.

[3] Запись в дневнике от 21 августа 1920 г.//Там же. С. 127.

[4] Запись в дневнике от 3 августа 1920 г.//Там же. С. 87.

[5] Запись в дневнике от 29 июля 1920 г.//Там же. С. 76.

Бабель пережил почти все ужасы, с которыми приходилось сталкиваться на войне. Хотя он нашел много друзей среди военных высокого ранга, ему приходилось рассчитывать только на самого себя. О хорошей, мирной революции он никогда не мечтал, но мечтал о переоценке человеческих ценностей в России. Бабель верил в лучшее будущее, но не в личное счастье.

На фронте это не чувствовалось, острие копья авангарда боролось всеми средствами против врага и евреев.

Мир, о котором пишет участник войны и журналист Исаак Бабель в своем дневнике, сегодня больше не существует, навсегда уничтожен в результате Холокоста (Шоа) через каких-то 25 лет. Уже поэтому его дневник является уникальным документом. Но как изображает писатель Исаак Бабель польский военный поход в «Конармии», созданном позже цикле из тридцати четырех рассказов, сделавших его всемирно известным? Находится ли его автор Лютов, кандидат права Петербургского университета[1], в той же безвыходной ситуации, имеет ли он право так же свободно выражать свои мысли или Бабель позволяет ему найти компромисс, соответствующий больше надежде, чем реальности?

Сначала возникает впечатление, что атлетически сложенные солдаты, главным образом казаки, импонируют Лютову: какой контраст со слабыми, согбенными евреями Галиции! Бойцы Буденного умели ездить верхом, умели ругаться и умели убивать. Им это прощалось, их даже хвалили за это.

Приспособиться к этому чуждому миру «четырехглазому» - такое прозвище дали Лютову за его очки - было бесконечно трудно. Начальник дивизии называет его с издевкой «киндербальзамом» и добавляет: «Какой паршивенький». В довершение один из казаков демонстративно повернулся к нему задом «и стал издавать постыдные звуки». Лютов завоевывает уважение, убив гуся. Солдаты приняли его, в то время как сердце его «скрипело и текло». Он гордится своим поступком и стыдится одновременно. Ведь он стоит всегда по обе стороны, его восхищают теории Маркса и Энгельса, и в то же время он не может просто так вычеркнуть свою принадлежность к иудаизму[2], которому тоже привержен[3]. Таким образом, рассказы соответствуют тону дневника.

---

[1] «Мой первый гусь».

[2] См.: Alice Stone Nakhimovsky. Russian-Jewish Literature and Identity. Baltimore, 1992. P. 78.

[3] Маркиш Ш. Бабель и другие. М.-Иерусалим, 1997. С. 6-28.

А в них действие разворачивается жестоко. Прищепа, кубанский казак, «неутомительный хам, вычищенный коммунист, будущий барахольщик, беспечный сифилитик, неторопливый враль»[1], мстит за своих родителей, которых убили во время смуты Гражданской войны, а дом разграбили. Везде, где он находит вещи, принадлежавшие им, он устраивает кровопролитие, затем убивает любимую корову и запивает на двое суток. Дом родителей он поджигает. Всё бессмысленно.

Сочетание коммунизма и еврейства, о котором мечтал Бабель, в «Конармии» тоже не удалось. Бабель описывает это одинаково на примере Ильи Брацлавского, красноармейца и «сына рабби»[2] в одноименном рассказе. Этот умирающий еврей протягивает «грязную мертвую руку» за листовкой Троцкого. Напрасно. Строки его не спасли. Пятикнижие Моисея и произведения Ленина, любовь и ненависть, молитвенные стихи и красный флаг просто несовместимы.

Седьмое издание книги «Конармия» в 1933 г. он завершает новым, тридцать пятым рассказом «Аргамак». Возможно, по распоряжению издательства, которое Бабель не мог не выполнить. В рассказе Лютов на некоторое время отбрасывает свой иудаизм. Его мечта исполняется: «Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь». Почему? Потому что он научился тому, что его очень сближает с казаками - хорошо ездить верхом. Символически Лютов меняет еврейскую гуманность на насилие казаков.

Для евреев он, однако, однозначно остается евреем, как Бабель пишет в своем рассказе «Их было девять»[3]. На стороне казаков Лютов сопровождает девятерых пленных, которые должны быть расстреляны. Один из них, еврей Адольф Шульмейстер, узнает в нем своего и радостно кричит «Вы Jude [еврей], пане, Вы Jude».

Среди своих Лютов чувствует себя хорошо, может говорить открыто. Например, с евреем Гедали, владельцем лавки, в которой можно было найти всё, что никому не нужно на войне: сломанную кастрюлю, золоченые туфли, чучело орла. Гедали берет на себя роль несведущего, который не понимает революцию: поляк стреляет, потому что он контрреволюционер, а русский - потому что он революционер. «А революция - это же удовольствие». И затем следует простое логическое заключение, которое Бабель вкладывает в уста своего героя, хотя сам его не может решить: «Хорошие дела делает

---

[1] «Прищепа».

[2] «Сын рабби».

[3] Этот рассказ не входит в цикл «Конармия», но, тем не менее, причисляется к нему.

хороший человек. Революция - хорошее дело хороших людей». Хорошо. И поскольку Гедали подразумевает пятую заповедь «не убий», он продолжает: «Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди».

Для Бабеля в «Конармии» важно было художественное описание этой революции, ее осуществления и ее последствий, прежде всего, для евреев. Драматургия войны, военные цифры, названия и местности были не важны.

Уже в начале цикла «Конармии», в рассказе «Переход через Збруч» содержатся некоторые фактические ошибки, которые совершены, без сомнения, намеренно. Новоград-Волынский расположен не на Збруче, а на Случе. Но только Збруч на юго-востоке от города Ивано-Франковск (Станислав) символизировал разделительную линию между двумя мирами, Востоком и Западом. После первого польского раздела в 1772 г. он определил восточную границу Австрии. В Рижском мирном договоре, заключенном в 1921 г., Збруч вновь был установлен как граница, на этот раз между Польшей и Россией. «Переход» напомнил к тому же русско-французскую войну и победу над войсками Наполеона[1]. И большая дорога, идущая от Бреста до Варшавы, «построенная на мужичьих костях Николаем Первым», находится почти на 300 километров северо-западнее от изображаемого места действия.

Бабель был писателем, не солдатом и не историком. Хотя он всегда обращал внимание на факты, но не подстраивался под них. Он создает видимость точности, указывая в некоторых рассказах место действия и год, однако они не всегда совпадают с действительностью. Позже Горький писал в своем письме, с какой фантазией изображены герои Бабеля, именно это делает их «неотразимо живыми»[2]. Героев, таких как начальник конзапаса Дьяков[3] или соратник Бабеля Грищук[4], он описал так, как в своем дневнике. Дьяков носит «красные шаровары с серебряными лампасами», Грищуку тридцать девять лет и пять лет он «провел в немецком плену». Но

---

[1] См.: Wolf Schmid. Das nicht erzählte Ereignis in Isaak Babel's «Übergang über den Zbruc» //«Ornamentales Erzählen in der russischen Moderne». Frankfurt am Main, 1992. S. 142. (Прим. 17.)

[2] Письмо Горького Константину Федину, 12 декабря 1924 г.// Литературное наследство. Т. 70 (Горький и советские писатели). М., 1963. С. 483.

[3] «Начальник конзапаса». См. запись в дневнике от 13 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 37.

[4] «Учение о тачанке». См. записи в дневнике от 14 и 19 июля 1920 г.// Там же. С. 40 и 50.

яркие образы Гедали, с которым беседует Лютов, и пана Аполека, за которым он наблюдает, в дневнике не встречаются. Бабель, видимо, встречался с похожими людьми и описал их с помощью стилистических приемов, которые использует в своих автобиографических рассказах: заострение и преувеличение в сочетании с фантазией.

Сообщения репортера Лютова были чистой военной пропагандой, которую Бабель обязан был создавать. Лютов негодует против поляков, призывает в статье «Рыцари цивилизации»[1] к их уничтожению, потому что поляк - «злая, бешеная собака». Правда, Буденный едва ли мог понять обоснование: поляки зверски убивают одного еврея. «Недобитые убийцы»[2] раскрывают зверства поляков и заканчиваются призывом: «Добейте их, бойцы Конармии! Заколотите крепче приподнявшиеся крышки их смердящих могил!» А что еще должен был писать Лютов? То, что от него требовали. Сам Бабель имел совсем другое представление о войне, о чем свидетельствует его дневник.

Не всегда он получал подтверждение, дошли ли его сообщения в Одессу или Москву. Он, корреспондент, к концу войны был отрезан от внешнего мира. В письме в редакцию газеты «Красный кавалерист» он пишет: «Живем, как в лесу»[3] и требует прислать газеты, в том числе и со своими публикациями.

Успехи Конармии закончились так же неожиданно, как и начались. В середине августа Буденный находился всего лишь в нескольких километрах от Лемберга, русского Львова, украинского Львива, до 1918 г. столицы Королевства Галиции и Лодомерии. Своими мощеными улицами, трамваями, варьете и роскошным отелем «Георг», в котором был даже лифт, современный город производил впечатление оазиса, окруженного вязкой, окровавленной землей, сожженной солдатами и орудиями.

Однако Лемберг взять не удалось. Бабель с удивлением записал в своем дневнике 18 августа: «Что это - безумие или невозможность взять город кавалерией?». Он не знал, что двумя днями ранее Пилсудский начал в Варшаве контрнаступление и совершил «чудо на Висле».

Польский поход Красной Армии потерпел поражение. Лорд Д'Абернон, британский посол в Берлине, назвал в своем дневнике то время «восемнадцатой решающей битвой всемирной истории».

---

[1] Красный кавалерист. 1920. 14 августа.

[2] Там же. 1920. 17 августа.

3 Письмо Лютова в газету «Красный кавалерист» от 11 сентября 1920. См.: Babel. Die Reiterarmee. Berlin, 1994. S. 223.

Она спасла Центральную и частично Западную Европу от «фанатичного деспотизма Советов»[1]. Бабель тогда не знал, что не столько Буденный, которого Ленин назвал «самым блестящим полководцем в мире», сколько Сталин нес основную ответственность за неожиданное поражение.

В то время как командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский надвигался с севера на Варшаву, Конармия всё еще стояла в 300 километрах юго-восточнее, перед Лемборком. Приказ о выступлении на север был выполнен не сразу: то ли по технической причине, то ли из личных соображений - военный комиссар Сталин был, вероятно, заинтересован в том, чтобы войти в русскую историю как завоеватель Лемберга[2]. Центральный комитет вызвал его в Москву и потребовал объяснений, которые счел недостаточными: по решению ЦК и Политбюро Сталина исключили из Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

У Ленина и главнокомандующего Красной Армией Троцкого планы были грандиозные. В июле, когда армия еще продвигалась быстро, Ленин передал по телеграфу сообщение Сталину о том, что «необходимо тотчас же начать революцию в Италии». То же самое относилось к Венгрии, «возможно, также к Чехии и Румынии»[3]. Был запланирован поход Красной Армии на Запад. Мировая революция, считавшаяся предпосылкой выживания Советской России, казалась уже близкой. Конармия также была «частью великой армии всемирного коммунизма», как позже объявил Буденный. Бабель иронично записал в своем дневнике: «Пойдем в Европу, покорять мир»[4].

Вина Сталина в провале похода на Польшу замалчивалась, словно он к этому не имел никакого отношения. Спустя месяц Ленин решил предоставить историкам возможность изучить причины поражения. Однако им это по существу не дали сделать. В 1925 г. Сталин, будучи к тому времени уже генеральным секретарем ЦК, затребовал из Киевского государственного архива документы Революционного военного совета Юго-Западного фронта: секретные записи, записи телефонно-телеграфных переговоров, приказы во время решающих дней похода на Польшу. Документы он не вернул[5].

---

[1] Davies. White Eagle. Red Star. P. 264.

[2] См.: Robert Conquest. The Great Terror. New York, 1990. P. 184; Davies. White Eagles. Red Star. P. 210.

[3] Richard Pipes (Hrsg.). The Unknown Lenin. Yale, 1996. P. 90.

[4] Запись в дневнике от 8 августа 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 102.

[5] Dimitri Wolkogonow. Stalin. Düsseldorf, 1993. S. 483.

Позор поражения оставался для него открытой раной. Ему было еще больнее от того, что эту войну Бабель запечатлел почти еретически. Хотя автор его ни одним словом не упоминал, однако для посвященного история Конармии тесно связана не только с именем Буденного, но и Сталина, и позже он велел официально отмечать его как ее создателя.

Русская пословица гласит: «Месть – это блюдо, которое подают холодным». Сталин усвоил эту истину и зачастую применял ее одинаково и к врагам, и к друзьям, часто со смертельным исходом для них. Тухачевскому, который меньше всего был виновен в поражении на Висле, тоже было суждено умереть в 1937 г. С этой точки зрения Бабель не был исключением.

Участие Бабеля в походе бок о бок с бойцами Буденного способствовало обретению им многочисленных друзей и знакомых, что позже помогало ему без помех работать во многих уголках Советского Союза. У него были налажены контакты от Кавказа до Средней Азии. Наряду с военнослужащими это были и партийные секретари, и сотрудники спецслужб, а также учителя, руководители фабрик, конных заводов, что в Конармии было вовсе неудивительно.

Лошади стали страстью, охватившей Бабеля в Конармии. Он влюбился в них до безумия, после того как в первый день своей службы выдержал генеральную репетицию. Необходимо было проехать более 80 километров. А он впервые сел в седло. Ловким наездникам-кавалеристам было, наверное, смешно смотреть на напряженную осанку гражданского наездника. Карикатуристы того времени шутили, изображая Бабеля в седле. Но Бабель таким образом добился статуса равного среди казаков и отмежевался от слабых, непрактичных евреев из городков-штетлов. В кавалерии его восхищала «любовь к лошадям, лошадь занимает четверть дня»[1]. Необычная симпатия в условиях холодной и жестокой войны.

Конармия продвинулась еще до города Замощь в Люблинском воеводстве Польши, затем Буденный стал отступать. Мораль в армии разлагалась, решающая битва была проиграна: «Русский красноармеец-пехотинец – босой», – пишет Бабель 12 сентября 1920 г. в своем дневнике, который он через три дня закончил.

Физически полностью истощенный, с впавшими щеками Бабель, считавшийся уже погибшим, вернулся в Одессу. После того как его отцу позвонили из Юг-РОСТА, сообщив, что его сын, вероятно, погиб, Женя добралась до самого фронта, нашла мужа и

---

[1] Запись в дневнике от 18 июля 1920 г.// Бабель И. Дневник. С. 48.

привезла его домой[1]. Он страдал хронической астмой и был «усыпан насекомыми»[2].

Его поездка в центр Гражданской войны была в человеческом и творческом отношении довольно плодотворной. А в идеологическом плане? К коммунизму он стал относиться скептически, к евреям проникся большой симпатией. Но не мог принять полностью ни одну, ни другую ипостась. Эта двойственность не деморализовала его, напротив, в ней он черпал силу. Его и дальше тянуло к необычным событиям, к тому, чтобы докопаться до сути, до истины. Познать не только правду, светскую правду, но и истину, божественную истину. А где же можно было с успехом вести ее поиски, как не в Советском Союзе, развивавшемся захватывающими дух темпами?

---

[1] Воспоминания его сестры Мэри. См.: Спектор У. Образ Грузии живет в моей душе // Литературная Грузия. Тбилиси. 1979. № 3.

[2] Nathalie Babel. Introduction. S. XV.

Глава 4

ГОЛОС (1921–1924)

Сравнение должно быть точным, как логарифмическая линейка, и естественным, как запах укропа.

Бабель о писателе Константине Паустовском

Большие табачные и чайные ярлыки, оставшиеся с царских времен, валялись в избытке на складах Одессы. То, что они должны были скреплять, к концу Гражданской войны стало дефицитом. Не хватало также и других изделий, прежде всего продуктов питания.

Но какое дело было Бабелю до этого? Для него эти прозрачные, пожелтевшие листы вдруг стали очень полезными: редакции газет и журналов стали использовать их «не по назначению» - на них печатали новости и книги. Так Бабель получил работу в «7-й Советской типографии», а во «2-й Советской» был набран первый из его «Одесских рассказов» - «Король»[1]. Впервые он появился в 1921 г. в популярной газете «Моряк», имевшей в литературной жизни Одессы большое значение, и сразу же был переведен на английский, французский и итальянский языки. Местом, где разворачиваются события, является не замок и не крепость, а бедный еврейский квартал Молдаванка, и правит там не отпрыск какого-либо древнего царского рода, а король налетчиков Беня Крик.

Квартал, в котором Бабель появился на свет, с тех пор пришел в еще больший упадок. Паустовский насчитал «две тысячи одесских

[1] Впервые напечатан: Моряк. Одесса. 1921. 23 июня. О деталях относительно различных вариантов этого рассказа см.: Розенбойм А. Бабель и его «Король».

бандитов и грабителей», для которых базой служила Молдаванка. Бабель преувеличил это число до невероятных размеров - до 40 тысяч. Одесса, насколько это соответствует истине, еще до революции считалась городом бандитов и мошенников, а разбойники в России на рубеже веков были популярны: в глазах населения они вели справедливую борьбу против правительства, против царя[1] и, кроме прочего, еще помогали народу.

Прототипом главного героя Бабелю послужил известный в городе бандит Мишка Япончик[2]. Его банду обвиняли в убийствах, вооруженных грабежах и вымогательстве. Благо добычи в торговом городе, в который богатые купцы привозили товары со всего мира, было достаточно: маслины из Греции, масло из Марселя, японский шелк, кокаин, табак из Вирджинии, ром из Ямайки и апельсины из мест, близких Иерусалиму.

О судьбе Япончика ходили разные слухи. Газета «Одесская почта» сообщила 5 февраля 1919 г., что его арестовали. По другой версии, он хотел в 1919 г. объединиться с двумя батальонами Красной Армии. Командующий 45-й стрелковой дивизией согласился лишь формально. Япончика заманили в засаду, где и застрелили. Этот командир по имени Иона Якир был позже другом и соратником Бабеля по Конармии[3]. Его воспоминания о конце Япончика Бабель не стал использовать в своих рассказах. Они пригодились ему позднее, для сценария немого фильма «Беня Крик».

С самим Мишкой Япончиком Бабель знаком не был. Зато, возможно, знался с другим разбойником и мошенником, Григорием Котовским, которому в революционную смуту удалось избежать смертной казни. Подвыпив, тот начинал хвастать своими преступлениями, а на аукционе, устроенном другом Бабеля Утесовым, продал наручники, которые носил как «приговоренный к смерти».

Бабель отправился в низы общества изучать нравы Молдаванки. Он часто упоминал в своих рассказах улицу Дальницкую, дом, в котором родился. Здесь Бабель и попытался снять комнату у Цирeса[4]. Хозяин, квартира которого находилась под наблюдением, вспомнил

---

[1] См.: Rachel Rubin. Jewish Gangsters of Modern Literature. Chicago, 2000.

[2] По другим источникам, его звали Колька Японец. См.: Walter Koschmal (Hrsg.). Odessa. S. 103. (Прим. 23 и с. 122, прим. 84.)

[3] Командир Якир. М., 1963. Подобным образом пишет Аркадий Львов не называя своих источников. Arkadi Lwow. Babel the Jew // Commentary. 1983. № 3. S. 48. .

[4] См.: Паустовский К. Рассказы о Бабеле // Воспоминания о Бабеле. С. 15-19.

родителей Бабеля, чем польстил ему, но сразу же постарался от него отделаться: мол, здесь ему нечего изучать, здесь можно лишь «заработать полный карман неприятностей».

Бабель тотчас же понял, что находится в нужном месте, и часто захаживал сюда, иногда ночевал у старого Цireса, пока того не убили. Начальник угрозыска, которому было поручено расследовать это дело, посоветовал Бабелю покинуть Молдаванку как можно быстрее, иначе он не гарантирует ему безопасность. Позже Бабель узнал, что Цирес был участником одной преступной группы и заколот своими же.

Беня Крик - главный герой трех из четырех рассказов цикла «Одесские рассказы» - «Король», «Как это делалось в Одессе»[1] и «Отец»[2]. Только в рассказе «Любка Казак»[3] Беня Крик не встречается. Остальные пять рассказов, появившиеся позже, также вошли в данный цикл, поскольку их действие происходит в Одессе, однако при жизни Бабеля вместе они не публиковались[4].

Герой Бабеля говорит на необычном языке, смеси русского и идиш, но чаще на одесском и воровском жаргоне. Речь одесситов была приветливой, полной юмора и мелодики, при этом грамматикой особо неперегруженной. Как-то Бабель сказал поэту Семену Липкину, что с удовольствием бы еще раз съездил в Одессу и попросил бы у киоскера: «Подарите мне, пожалуйста, стакан вода»[5]. Для Бабеля это были любимые звуки его родины.

В противовес устоявшемуся в России мнению, что преступник - несчастный человек, Бабель подарил своему герою радостный, почти озорной характер. Беня Крик у него - положительный герой, это сильный еврей, которому никто ничего не может возразить. Когда на свадьбе его сестры должна появиться облава, он не бежит, а идет в наступление: просто велит сжечь полицейский участок. А когда во время грабежа один из его людей в пьяном виде застрелил ограбленного лавочника, еврея, Беня Крик организует пышные похороны - «мир таких похорон не увидит» - и велит казнить убийцу. Одному из героев, шепелявому Моисейке, Бабель вкладывает в уста почтительную характеристику: «король».

---

[1] Впервые напечатан: Известия. Одесса. 1923. 5 мая.

[2] Впервые напечатан: Красная новь. М., 1925. № 5.

[3] Впервые напечатан: Красная новь. М., 1925. № 5.

[4] «Закат», «Конец богадельни», «Карл-Янкель», «Фроим Грач» и «Справедливость в скобках».

[5] Интервью с Липкиным 19 мая 2000 г. в Переделкино. О языке Одессы: Erwin Wedel. «Odessisch» - Bemerkungen zum heutigen Russisch von Odessa // Festschrift für N. Salnikov. Frankfurt am Main 1998.

Евреи в «Одесских рассказах» не имеют ничего общего с евреями, которых Бабель изображает в своих описаниях польского похода. Жизнь евреев в Галиции подается в мрачных тонах, в Одессе же, напротив, царит ослепительная жизнерадостность; бандиты похожи скорее на казаков, однако насилие Бени Крика Бабель изображает чуть ли не с симпатией, в то время как у казаков - всегда как угрозу.

Бабель, без сомнения, идеализировал свой родной город. Это отметил даже Утесов, сам ревностный одессит: когда Бабель пишет об Одессе, он становится романтиком. Это суждение относится и к Бене Крику, чей реальный прототип был преступником, а не благородным Робином Гудом, и к Молдаванке, где жизнь была не такой уж жизнерадостной и пестрой, как это представляется в рассказах Бабеля.

Совсем другую Молдаванку рисует Йозеф Рот в своем эссе «Евреи в перемещении»: «Своими самыми грустными переживаниями я обязан моим прогулкам по Молдаванке, еврейскому кварталу в Одессе». Там «бродит тяжелый туман, как судьба», а из окон «плачет мрачный, желтый свет, ...нечто вроде мрака со светлым ядром»[1]. Наблюдения Рота были наблюдениями человека со стороны, так же как и его изображение польско-русской войны, и на этот раз они были ближе к реальности, чем рассказы Бабеля. Но их и не следует воспринимать как реалистические описания. Бабель хотел их противопоставить тяжелым и мрачным произведениям писателей из Петербурга и Москвы. Солнце, а не дождь или снег, воспевание евреев, а не русских или казаков.

В четырех основных «Одесских рассказах» действие происходит большей частью незадолго до Первой мировой войны, в пяти остальных - после революции. Наряду с «Конармией» они относятся к самым известным произведениям Бабеля. Они закрепили за ним репутацию «певца родины», ярко отобразившего Одессу, так же как Джеймс Джойс - Дублин или Альфред Дёблин - Берлин. Бабель был самым «большим одесситом» среди одесских писателей. Мой стержень, писал он однажды, сформирован, как и у всех людей, из глины, но в глине Одессы сидит некое неведомое ископаемое древности. Последний из тех рассказов - «Фроим Грач» - Бабель закончил в 1934 г., но опубликован он был лишь после его смерти. Главного героя, одного из «главарей» Одессы, расстреливает чекист из Москвы. Ясная и неприкрытая символика: гибель мира, к которому Бабель относился с большой симпатией.

---

[1] Joseph Roth. Jüden auf Wanderschaft. Köln, 1985. S. 70.

Бабель не то чтобы выступал за организованную преступность, нет. Ему нравился еврей, который мог постоять за себя и не боялся носить костюм оранжевого цвета, красные полусапожки, бриллиантовый браслет. Тот, который не прячется, а бросается в глаза и хочет бросаться в глаза. Подобные люди советскому обществу были не нужны. Его девиз: «коллектив вместо индивидуума». Означало ли это больше прогресса, больше справедливости? В любом случае, это означало конец Фроима Грача с «его изворотливостью, неуловимостью и презрением к ближнему».

Если ранние одесские рассказы романтизируют еврейскую жизнь, то более поздние уже ставят проблему влияния коммунизма и Советов на традиционный иудаизм. В рассказе «Карл-Янкель»[1], появившемся в 1931 г., происходит открытый конфликт. Зять подает в суд на свою тещу, потому что та, не посоветовавшись с ним, отнесла его сына Карла-Янкеля для совершения обряда обрезания. А это ставит под угрозу его шансы сделать карьеру. Уже само имя младенца свидетельствует о культурной раздвоенности: Карл - это имя Маркса, а Янкель восходит к библейскому имени Яков, то есть к еврейской традиции[2]. О развязке читатель ничего не узнает, данный случай не находит своего решения. Однако то, как должно выглядеть будущее, Бабель изображает выразительной сценой: киргизка кормит грудью еврейского ребенка в «красном уголке», окруженная знаменами и оружием, под портретом Ленина. При этом виде автор шепчет себе, как заклинание: «Не может быть, чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...»

В летние месяцы 1921 г. Бабель, которому исполнилось уже 27 лет, отдыхал от своих фронтовых мытарств на берегу Черного моря. Вместе с женой Женей и своей сестрой Мэри он жил в маленьком домике возле остановки Фонтан, 9, недалеко от Одессы. В отпуск, чтобы насладиться солнцем, сюда приезжали со всей России. Настроение у него было превосходное, он даже нашел положительные стороны в езде на медленном и неудобном транспортном средстве - телеге, поскольку мог спокойно наблюдать за людьми, но чаще осваивал километры дороги пешком, потому что телеги с последней остановки сразу возвращались назад.

За материалом для творчества Бабель регулярно ездил в Одессу. Кроме «Одесских рассказов», он занимался уже разработкой

---

[1] Впервые напечатан: Звезда. Л. 1931. № 7.

[2] См. подробный анализ: Carol J. Avins, Jewish Ritual and Soviet Context in Two Stories of Isaac Babel // American Contributions to the 12th International Congress of Slavists. Cracow: August-September, 1998.

структуры «Конармии». Несмотря на то, что оба произведения были совершенно разными, Бабель умудрялся работать над ними одновременно[1].

В те дни он познакомился с молодым писателем Константином Паустовским, потомком запорожских казаков, таким же не очень рьяным поборником революции, как и Бабель. Вместе с ним и старым школьным товарищем Изей Лившицем Бабель проводил много часов на берегу моря. Он развлекал их своими рассказами о революционном Петрограде и штетлах вокруг Бродов, за которые велись бои. Паустовский был поражен этими рассказами. Впервые Бабель смог обсуждать невообразимый ужас войны с друзьями, и не в холодном доме в разрушенном городе, где постоянно присутствовала опасность быть убитым за просто так каким-либо казаком, а под родным голубым небом, под шум волн.

Это был отдых для души, но прежде всего для изможденного организма. Морской воздух должен был излечить астму Бабеля, которая обострилась во время войны, его осунувшееся лицо постепенно стало округляться.

В конце лета Бабелю предложили работу в одной из новых газет в Грузии. Втроем - он, Женя и Мэри - они решили перебраться в Батуми, столицу Аджарии. Решающую роль в выборе Батуми сыграли мягкий климат и красоты романтического горного ландшафта, к которому всегда тянуло русских писателей. Пушкин, Лермонтов, Толстой и многие другие приезжали сюда за вдохновением, здесь же Пастернак позже открыл свою любовь к Грузии.

Первозданная природа, своенравный и гордый народ. Чтобы наставить его на большевистский курс, требовался печатный орган. Местное правительство получило из Москвы деньги для финансирования выпуска массово-политической газеты. Ей дали поэтическое название «Заря Востока». Головной центр редакции находился в столице Грузии Тифлисе (Тбилиси). К сотрудничеству были приглашены известнейшие писатели и поэты новой России: Владимир Маяковский, Константин Паустовский, Лидия Сейфуллина, Эдуард Багрицкий и Сергей Есенин.

Итак, Исаак Бабель вместе с Женей и Мэри отправились в Грузию. Они разместились несколько севернее Батуми, на Зеленом Мысе, небольшом изысканном курортном городке у самого моря, в 20 километрах от границы с Турцией. В этой прекрасной местнос-

---

[1] См.: Белая Г., Добренко Е., Есаулов И. «Конармия» Исаака Бабеля. М., 1993. С. 20.

ти Бабель жил с женой и сестрой почти полгода. Жене пришлось учиться вести домашнее хозяйство. В сельской местности это было непросто. Продукты можно было купить на рынке, но дорога туда была длинной и небезопасной. Бабель не мог ей помогать. Из-за своей астмы он был не в состоянии ходить пешком по извилистой горной дороге. Обеды Жени его не устраивали, все выходило как-то неудачным. Когда однажды суп получился слишком густым, Бабель полушутя выхватил нож, чтобы разрезать его, как закуску. В конце концов он нашел одного татарина, который научил его жену готовить плов из баранины.

Хотя у Бабелей были деньги - отец Гронфайн сунул им банкноту в тысячу рублей - однако в близлежащих деревнях никто не мог им разменять купюру. Она так и осталась спрятанной в расческе. И хотя Бабель еще не начал работать в «Заре Востока», они как-то перебивались. Для Жени это были самые лучшие месяцы ее семейной жизни. Ей приходилось нелегко: она была неопытной в быту, привыкла жить на всем готовом и в уюте, грезила искусством, в то время как ее муж стал предприимчивым и отстраненным. Война его изменила. Жить бездумно, не заботясь о завтрашнем дне, так, как он жил студентом в Киеве, ему больше не удавалось. Для этого он слишком многое повидал и многое пережил. Несмотря на это, они страстно хотели ребенка. Женя забеременела, но у нее был выкидыш. А вскоре ей опять пришлось привыкать к жизни без мужа.

В один из июньских дней 1922 г. Бабель сел в Батуми на поезд и поехал в Тифлис. Вскоре должно было начаться издание газеты «Заря Востока». Он снял комнату в центре, на улице Грибоедова, 13. Здесь находились лучшие магазины, роскошный отель «Мажестик», театр. Великолепные дома в стиле модерн украшали главный проспект столицы Шота Руставели.

Бабель изучал характер Тбилиси, чарующую смесь восточных и западных традиций. Летом жизнь здесь проходила под открытым небом, в ресторанах, парках, кофейнях. Их названия отражали дух приподнятости и надежды на лучшее: «Эльдорадо», «Фантазия», «Сан Сусси». Пахло жареной бараниной, хачапури (горячей лепешкой с сыром), тархуном и кориандром. К столу подавалось красное кахетинское или имеретинское вино, хранившееся в глиняных кувшинах. Играли небольшие оркестры, приглашая к танцу.

С приходом сюда в 1921 г. Красной Армии население быстро смирилось, хотя это непривычно стесняло свободную жизнь, которой народ жил до этого на протяжении года. За недолгий период своей независимости Грузия установила контакты с Западом, от-

крыла дипломатические представительства во Франции, Италии и Великобритании. Большевистское «освобождение Тбилиси» положило конец начавшему было процветать грузинскому авангардизму. Новая бюрократия предпочитала абсолютную серость. Когда художники из Тбилиси стали усердно разрисовывать агитпоезд пестрыми красками, их быстро призвали к порядку - яркое многоцветие уступило место однотонной зелени.

Затем на таких поездах либо на конках, либо на автомашинах разъезжали сотрудники «Зари Востока»: уроженец Грузии и посланник революционной культуры из Москвы Маяковский, с которым Бабель, правда, познакомился позднее, лирик Есенин, друг Бабеля Паустовский и другие. Все они были в восхищении от первозданной экзотики Кавказа, мягкого климата и южного колорита Тбилиси[1].

За семь месяцев 1922 г. у Бабеля вышло девять грузинских очерков[2]. Главная редакция «Зари Востока» ждала сообщений о героическом труде по восстановлению Грузии. Для этого Бабель должен был объездить всю республику. Он воспользовался шансом набраться нового опыта и усовершенствовать свой стиль. Оглушительной политической пропаганды он избегал. Хотя в выборе тем Бабель был ограничен намного больше, чем в период своей работы в газете «Новая жизнь» в послереволюционном Петрограде, свои статьи в основном он посвящал не партийным работникам, партийным съездам и партийным успехам, а неизвестным простым людям: матросам, работникам чайных фабрик, сборщикам табака, служащим. Любое доброе начинание, по его мнению, заслуживало того, чтобы об этом был написан очерк.

Большую часть времени он проводил в Батумском порту. Написал о двух конфискованных иностранных пароходах. Теперь на их флагштоках развевался красный флаг Советского Союза, а матросы радовались своей начищенной до блеска добыче[3].

От Батуми дорога вела дальше, в Абхазию, самую северную область Грузии. Бабель детально описал торговлю табаком[4], которая процветала там до гражданской войны. Однако за годы революции

---

[1] См.: Никольская Т. Фантастический город. М., 2000; Luigi Magarotto u. a. (Hrsg.): L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982.

[2] Спектор У. Образ Грузии живет в моей душе. С. 123. Первый очерк «В доме отдыха» был напечатан 24 июня, последний «Ремонт и чистка» - 14 декабря 1922 г.

[3] «Камо» и «Шаумян» // Заря Востока. 1922. 31 августа.

[4] «Табак» // Заря Востока. 1922. 29 октября.

плантации пришли в упадок, «к большому вреду для федерации». Вообще предстояло еще многое сделать в Абхазии. Позже она стала одним из красивейших мест Советского Союза. Генеральные секретари отдыхали здесь от суетливой Москвы. Апельсиновые и мандариновые рощи распространяли чарующий аромат и придавали пчелиному меду особый вкус. Несмотря на летнюю жару, с моря всегда дует прохладный ветер. Согласно старинной абхазской легенде, когда Бог раздавал земли всем народам, он забыл про абхазцев, и в качестве искупления подарил им частицу своего небесного царства.

Сухуми, столица Абхазии, со своими пальмами и пляжами, так же, как и Гагры, красивейший курорт на Черном море, были местами, которые Бабель особенно стремился посетить. Здесь он столкнулся с первыми плодами нэпа, которую Ленин был вынужден ввести в 1921 г., чтобы устранить разрушительные последствия «военного коммунизма». С помощью нэпа и программы электрификации Советы хотели поднять пришедшую в упадок экономику страны. «Приезжайте через три года в Сухуми, - говорил руководитель местного городского управления Бабелю, - Вы его не узнаете». И Бабель сообщает читателям, что совершенно убежден в «правдивости этих гордых слов»[1].

Над статьями Бабель работал в главном офисе газеты «Заря Востока». Зачастую там задерживался, оттачивал свой слог тщательнее, чем это было принято в журналистской практике. Готовые статьи он подписывал фамилией Лютов - репортер Конармии вновь ожил. Для многих коллег в редакции его национальность долгое время оставалась тайной[2]. Для разрядки он с удовольствием посещал ресторан «Химериони», постоянным посетителем которого были, в основном, представители богемы. К хорошему грузинскому вину он оставался равнодушным, предпочитая ему крепко заваренный черный чай, так называемое «шампанское для бедных».

Позже в письме в редакцию по случаю пятнадцатилетия газеты Бабель писал, что пребывание в Грузии стало для него «началом литературной деятельности»[3]. С одной стороны, он имел в виду свои грузинские репортажи, в которых уже проглядывал блеск его будущих произведений, с другой стороны, подразумевал «Конармию». Бабель постоянно носил с собой тетрадь размером 16,2 х 20 см из магазина отца, полную записей, и любую свободную минуту изучал их. Это был дневник польско-русской войны. Какую форму придать

---

[1] «Ремонт и чистка».

[2] См.: Спектор У. Образ Грузии живет в моей душе. С. 122.

[3] Письмо от 16 июня 1937 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 355.

им? Романа или коротких рассказов? И какой комментарий был бы уместным? У моря, у подножия мощных Кавказских гор, Бабель занялся литературной обработкой своих фронтовых впечатлений. Сделал первые наброски. Лучшим слушателем была Женя, которой он зачитывал каждый вариант, причем неоднократно. Даже спустя тридцать лет она ничего не забыла из этих рассказов[1].

Осью, скрепляющей репортажи из Грузии и рассказы «Конармии», является Лютов. В его лице Бабель нашел идеального рассказчика. Голос и стиль новы, сильны и неповторимы: еврей, выдающий себя за русского. Этот Лютов собирает воедино разные эпизоды войны, одновременно персонифицирует тему, вокруг которой вращаются отдельные рассказы, переплетение еврейской культуры и языка с окружающим ее русским миром.

Исходной точкой такого рассказа является запоминающийся эпизод, наблюдение, например, какое-нибудь событие на рынке. Обработка совершалась на более высоком уровне, чем в первых рассказах или репортажах из Петрограда. Тогда Бабель оформлял рассказы в одном измерении, теперь же - на другом уровне, который выходил далеко за пределы сугубо повествовательного подхода. Рассказы построены по типу матрешки: рассказ о рассказе в рассказе.

В январе 1923 г. супружеская чета и Мэри вернулись в Одессу. В багаже у Бабеля находилось несколько черновиков рассказов «Конармии», и он сразу же занялся публикацией первых из них. В центральной газете Одесской губернии в течение года было напечатано тринадцать рассказов, однако не в той последовательности, которая была оформлена при более поздней публикации книги[2], а в том виде, в каком их заканчивал Бабель[3]. Под некоторыми из них стояла пометка «из книги о Конармии».

---

[1] См.: Nathalie Babel. Introduction. S. XV.

[2] В свое время было задумано пятьдесят глав. Десять из них, писал Бабель Фурманову, должны были быть «большими, серьезными» и положительно освещать Конармию. См.: Фурманов Д. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1961. Т. 4. С. 340.

[3] Началом стал рассказ «Пан Аполек» (январь), затем последовали «Письмо» (11 февраля), «Костел в Новограде» (18 февраля), «Кладбище в Козине» (23 февраля), «Учение о тачанке» (23 февраля), «Измена» (20 марта), «Тимошенко и Мельников» (13 апреля), «Смерть Долгушова» (1 мая), «Путь в Броды» (17 июня), «Прищепа» (17 июня), «Вдова» (15 июля), «Соль» (25 ноября) и «Афонька Бида» (конец 1923 г.). Из рассказа «Тимошенко и Мельников» позже появились два рассказа: «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади».

Но Бабель не ощущал удовлетворенности. Своему другу Лившицу он написал в апреле: «Напечатал для денег в местных «Известиях» несколько пакостных отрывков, пакостных уже просто потому, что они отрывки»[1]. Эти строки свидетельствуют, сколь высоки у него требования к своим текстам, вплоть до самоуничижения, как ему трудно решиться отдать их в печать. Его честолюбие отражено во фразе: «Мне казалось пустым занятием - сочинять хуже, чем это делал Лев Толстой»[2]. На него, автора «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», равнялся Бабель. «Перечитывая «Хаджи Мурата», я думал: вот где надо учиться»[3]. Толстой обладает талантом изобразить весь день, в то время как он, Бабель, ограничивается «интересными пятью минутами». На это хватает его темперамента, большего он не может и не хочет[4].

Бабель бился над каждым словом. Его предложения были короткими и простыми, он любил знаки препинания, особенно точку, и восхищался «великолепным абзацем». Он устанавливал свои законы литературного творчества: «Каждая фраза - одна мысль, один образ, не больше»; «Три причастия в одной фразе - это убиение языка»; «Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений»[5]. Свою биографию он задумал назвать «История одного прилагательного».

Неудивительно, что свой кропотливый труд он сравнивал с трудом галерника: «Судорога дергает сердце, если не выходит какая-нибудь фраза». Бабель оттачивал каждую фразу, старался избавиться от нагромождения слов, вычеркивал излишества - но ровно столько, чтобы не пострадала статика фразы. Ведь без одного нужного слова может разрушиться все здание. Короткий рассказ «Любка Казак», поначалу состоявший из пятнадцати страниц, имел двадцать два варианта. А рассказ «Король» переписывался в течение нескольких лет более чем двести раз[6]. Но Бабель не жаловался, ведь он сам выбрал себе этот «каторжный труд». А вот у Жени были все основания жаловаться: в такие дни с Бабелем нель-

---

[1] Письмо от 17 апреля 1923 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 430.

[2] «Мой первый гонорар».

[3] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 631 (Союз писателей в Советском Союзе). Оп. 17. Д. 57.

[4] См. все еще интересную статью: Fritz Mierau. Die fünf Minuten des Isaak Babel// Isaak Babel. Die Reiterarmee. Darmstadt, 1980. S. 151.

[5] Паустовский К. Рассказы о Бабеле. С. 27.

[6] Розенбойм А. Бабель и его «Король» // Вестник. Балтимор. 2002. № 5. С. 48.

зя было разговаривать, во время работы над текстом все отступало на задний план, даже жена.

Русский язык он сравнивал с грубым деревом, которое от многолетнего соприкосновения с человеческой кожей делается похожим на слоновую кость. В рассказе «Гюи де Мопассан»[1] Бабель дает прекрасный образ возникновения фразы: «Фраза рождается на свет хорошей и дурной в одно и то же время. Тайна заключается в повороте, едва ощутимом. Рычаг не должен лежать в руке и обогреваться. Повернуть его надо один раз, а не два»[2].

Бабель презирал клише и штампы. Он, как и немногие русские писатели, вводил в русский язык идиомы из других языков, в основном из идиша[3], создавал новые слова и часто использовал глаголы в желаемой комбинации. «Делать» и «иметь» используются в русском языке реже, чем в немецком, но особенно часто - в идише и говоре одесситов[4]. А вместо слова «ужинать» Бабель использовал производное от слова «вечер» - «вечерять», распространенное лишь на юге России.

Атмосферу и содержание Бабель передавал также посредством звучания слов - художественный прием, который теряется при любом переводе[5]. Этот элемент относится к орнаментальному повествованию, над совершенствованием которого Бабель, как и другие русские писатели, постоянно работал. Он отказывается от классической формы новеллы, ориентированной на драму, которую старался использовать еще Антон Чехов, - экспозиции, интриги и развязки; поэзия и проза находятся рядом друг с другом и даже переплетаются. Для Бабеля сравнение должно быть точным, «как логарифмическая линейка, и естественным, как запах укропа». Яркими красками он рисует дикие, почти экспрессионистские образы: красные арбузы с черными семечками; семечки как раскосые глаза хитрых китайцев; оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова; голубые дороги текли мимо меня, как струи молока, брызнувшие из многих грудей. Бабель, по словам поэта Маяковского, обладал «поэтической палитрой Шагала»[6].

---

[1] Этот рассказ был написан в начале двадцатых, но напечатан лишь в 1932 г. в журнале «30 дней», № 6.

[2] Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 219.

[3] См.: Gregory Freidin. Isaac Babel // European Writer of the 20th Century. New York, 1990.

[4] См. подробно: Efraim Sicher. Style and Structure in the Prose of Isaak Babel. Columbus, 1985.

[5] См.: Schmid. Das nicht erzählte Ereignis. S. 146.

6 Цит. по: Hugo Huppert. «All das will überlegt sein ...» // Isaak Babel. Die Reiterarmee. Leipzig, 1968. S. 279.

Необычное находит свое отражение в словах, которые позволяют предположить обычное, а противоречие является обыденным. Грусть и радость, бесконечность и бренность, рождение и смерть находятся в непосредственной близости друг с другом, и в таких противоречиях Бабель жил сам. «Певец революции и иудаизма», как назвал его позже Вальтер Йенс, метался между двумя этими полюсами, и был, тем самым, символом своего времени - времени бурных перемен.

Несмотря на самокритичность в письме Лившицу, Бабель пребывал в превосходном настроении. Теперь, когда он определился со стилем и уже написал несколько новелл и рассказов о польско-русской войне, он ожил, на короткое время. Он наслаждался пряным черноморским воздухом, встречался с друзьями, веселился на Дерибасовской в кафе, владелец которого Гольдштейн закрывал двери лишь к рассвету. При этом, как вспоминала Татьяна Стах, Бабель всегда был хорошо одет и никогда не пьянел[1]. Он достаточно пережил, чтобы очаровывать все общество. То, что он обладал чувством юмора, было видно по его морщинкам от смеха. Он был желанен в любой компании - блестящий рассказчик и добрый приятель. Озорной молодой человек, видавший смерть в Петрограде и Галиции, перспективный писатель, опекаемый Горьким.

В эти дни Бабель подружился с Эдуардом Багрицким. Настоящее имя - Хаим Дзюбин. Этот поэт, на год моложе Бабеля, в советской поэзии значил то же самое, что и Бабель в прозе. Обоих объединяла еврейская религия и общая родина, оба пережили погромы и оба писали о Красной Армии. Для Багрицкого, о котором Бабель шутливо писал, что он пахнет жареной скумбрией[2], Бабель стал одним из самых близких друзей[3], а Бабель в свою очередь ценил Багрицкого как «поэта чекистов, рыбоводов, комсомольцев»[4].

В 1923 г. Бабель встретил Маяковского. Тот предложил ему публиковаться в его новом журнале «ЛЕФ»[5]. Это было большой честью и одновременно означало приглашение в Москву. Бабель с удовольствием его принял, тем более что в Одессе к тому времени

---

[1] Переписка между Ушером Спектором и Татьяной Стах// Личный архив У. Спектора.

[2] «В Одессе каждый юноша...». Написан в 1923 г. для предисловия к книге одного молодого писателя из Одессы, впервые напечатан в: Литературная газета. 1962. 1 января.

[3] О Багрицком см.: Maxim D. Shrayer. Russian Poet. Soviet Jew. Lanham, 2000.

[4] Речь Бабеля в память Багрицкого в марте 1934 г.//Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 403.

[5] Белая Т. и др. «Конармия» Исаака Бабеля. С. 5.

он чувствовал себя, как «одноглазый среди слепых»[1]. Его знакомые обзавелись семьями, превратились в обывателей. Багрицкий, Катаев, Олеша, Инбер уже перебрались в Москву.

Столица была центром литературной жизни. Здесь находились почти все издательства, крупные межрегиональные литературные журналы - «Красная новь», «ЛЕФ» (Левый фронт искусств), «Октябрь», «Новый мир». И здесь была гарантирована обширная читательская аудитория, по меньшей мере среди специалистов и интеллигенции.

Бабель сообщил, что он приедет в октябре[2]. Однако сначала надо было подыскать квартиру. О самой Москве не могло быть и речи, для творчества ему нужно было спокойное место, подальше от городского шума. Он выбрал Сергиев Посад, маленький городок, расположенный в шестидесяти километрах севернее Москвы. Там, на Бульварной улице, на северо-восточной окраине, в большом деревянном доме он и поселился с Женей и своей матерью. Воздух здесь напоен ароматами, чистую воду можно пить прямо из колодца, и всего два часа на поезде до Москвы. Писатель Дмитрий Фурманов, который позже редактировал книжный вариант «Конармии», записал в своем дневнике: «Условия работы наилучшие. Тишь»[3]. Разумеется, без всякого комфорта.

В том квартале жили люди «из бывших»: бывшие чиновники, аристократы, священнослужители. Церковь в Сергиевом Посаде всегда была на особом положении. В нескольких шагах от дома Бабеля находился монастырь Святого Сергия Радонежского, в 1380 г. Сергий благословил войска Дмитрия Донского на битву с татаро-монголами. Преподобный Сергий является защитником России, и город назвали в его честь.

Сергиев Посад был, кроме того, знаменит игрушками, которые вновь появились на прилавках, причем не только в Москве: в страну пришел нэп, немного капитализма в эпоху строительства великого коммунизма. Крестьяне могли продавать свои излишки на рынке, частные и иностранные предприниматели получали льготы. Теперь любили ориентироваться на Запад. Роскошная гостиница «Европейская» в Ленинграде - так теперь называлась бывшая царская столица Петербург - рекламировала свой бар «по иностран-

---

[1] Письмо А. Лившицу от 17 апреля 1923 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 430.

[2] Письмо А. Лившицу от 24 сентября 1923 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 239.

[3] Фурманов Д. Собрание сочинений. Т. 4. С. 340.

ному образцу», а большевики даже использовали имя ненавистного им крупного капиталиста для обозначения прогрессивной формы организации труда на производстве - «фордизм»[1], конвейерное производство.

Звучание аббревиатуры новой экономической политики (нэп) имело сходство с немецким словом Nepp, что означает «надувательство, обман, обдираловка». В первые ряды русской жизни проталкивались самые сильные и наглые, писал с горечью один русский эмигрант в Берлине. Гиперинфляция безжалостно уничтожала все сбережения. Один рубль в 1913 г. равнялся 648 230 тысячам рублей в 1923 г.[2], десяток яиц в годы революции можно было купить за четыре рубля, шесть лет спустя - за 2,5 миллиарда рублей. Лишь в 1924 г. удалось благодаря денежной реформе убрать бесконечные нули. Однако несмотря на девальвацию положительный эффект нэпа ощущался однозначно.

Голод и нужда были почти забыты. Кронштадтский мятеж, во время которого 60 тысяч матросов в феврале 1921 г. потребовали проведения свободных и тайных выборов; были захвачены телеграф и склады боеприпасов, а коммунисты арестованы. На рынках появились дорогие товары, москвичи удивленно наблюдали, как заполнялись витрины магазинов. Нэпманы, которых недолюбливали, играли в рулетку, курили сигареты с крикливыми названиями «Кино» и «Эсмеральда», прожигали жизнь в новых ресторанах «Лиссабон», «Эрмитаж», «Прага», а официантам во фраках заказывали торт «Роза Люксембург».

Был ли изящный костюм пошит заново или остался с царских времен - это не имело значения. Танцевали под музыку небольших цыганских оркестров и под веселые марши и фокстроты. Проще обстановка была в пивных трактирах, в «Белом лебеде» или в «Лондоне», где к пиву подавали вяленую воблу. Обращение «господин» было предосудительным, говорили «товарищ» или «гражданин». А вместо Тамара или Александр новорожденным давали имена Террора, Металлина, Трактор или Рабфак[3].

Это был бесподобный материал для наблюдательного рассказчика.

В период нэпа в обществе воцарилось определенное спокойствие. Политическая борьба больше не обсуждалась на улице. Даже смерть

---

[1] См.: Jeffrey Brooks. Thank you, Comrade Stalin. Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P 37.

[2] Тимошина Т. Экономическая история России. М., 2001. С. 213.

[3] Рабочий факультет.

Ленина не изменила ситуацию. Вождь большевиков умер 21 января 1924 г. Возможно, Бабель был свидетелем похорон Ленина.

Тело Ленина лежало в гробу на возвышении в Колонном зале Дома Союзов, в центре Москвы, и полмиллиона людей стояли в очереди в лютый мороз, чтобы попрощаться с ним[1]. Затем гроб поместили в специально сооруженный Мавзолей на Красной площади.

1924 г. был для Бабеля, как он пишет в своей «Автобиографии», годом начала его литературной деятельности. За год до этого, в Тбилиси, он закончил рекомендованную Горьким учебу в «университете жизни», научился «выражать [свои] мысли ясно и не очень длинно». Журнал «ЛЕФ» ставил перед собой цель стать настоящим центром пролетарской литературы. В четвертом его номере появились рассказы Бабеля из циклов «Конармия» и «Одесские рассказы» - частью переработанных, уже публиковавшихся ранее, частью новых произведений[2]. Этим публикациям Бабель обязан своим выходом в настоящие писатели. Маяковский, который назвал Бабеля во время одного мероприятия в большом зале Прусской династии в Берлине «маленьким, отличным, четырехглазым кавалеристом с круглой головой и с носом, похожим на седло»[3], был восхищен его прозой.

Бабелю редко в своей жизни удавалось писать так сосредоточенно, как в Сергиевом Посаде. Помогало, конечно, и то, что редакторы с нетерпением ждали его работ и что ему не надо было обращать внимание на идеологические указания: благодаря известности Маяковского журнал «ЛЕФ» мог позволить себе много вольностей. Но тираж был небольшой, не превышал пяти тысяч экземпляров. И после выпуска всего семи номеров журнал был закрыт.

Вскоре после первых публикаций в «ЛЕФе» Бабель параллельно начал печататься в журнале «Красная новь». Его тираж достигал в 20-е гг. одиннадцати тысяч, большая часть шла подписчикам, поэтому основатель и главный редактор Александр Константинович Воронский мог смело утверждать, что его авторы «превосходно оплачиваются»[4]. Немаловажная деталь для Бабеля, который, хотя и не мог своими гонорарами обеспечить Жене роскошную жизнь, к кото-

---

[1] См. очерк тогдашнего корреспондента газеты «New York Times» в России Уолтера Дюранти (Walter Duranty), который в настоящий момент является спорным в связи с тем, что он недостаточно критиковал коллективизацию// I write as I please. New York, 1935. C. 217.

[2] «Соль», «Прищепа», «Смерть Долгушова», «Письмо», а также «Начальник конзапаса» и «Колесников», позже «Комбриг два».

[3] Huppert. «All das will überlegt sein ...». S. 279.

[4] Robert A. Maguire, Red Virgin Soil. Princeton, 1968. P. 15.

рой она привыкла у родителей, но, во всяком случае, материальных затруднений не предвиделось.

Журнал «Красная новь», как об этом свидетельствует уже само название, был продуктом революции. Первая редакционная коллегия состоялась в Кремле, в рабочем кабинете Ленина. Он, его жена Надежда Крупская, Горький и Воронский договорились об условиях, и первый номер вышел 29 июля 1921 г. Журнал должен был стать форумом для пролетарской литературы, хотя и не совсем было ясно, что следовало понимать под этим.

Воронский не знал, что считать пролетарской, или коммунистической, литературой. Он брал в свой журнал то, что было достойно публикации, и сюда относились статьи Бабеля. Вначале он получил поддержку на самом высоком уровне. Нарком просвещения Анатолий Луначарский, лояльный человек, выступавший за взаимосвязь буржуазного и пролетарского искусства, признал качество рассказов, опубликованных в журнале «Красная новь». Если захотеть «в России зажечь лишь тот свет, который соответствует нашему духу, тогда мы просочимся, погрузимся в полную темноту»[1]. Кроме того, литература и без того удовлетворяет «второстепенную потребность».

Против такого понимания литературы быстро сформировалась оппозиция. Другие журналы, прежде всего журнал с жестким названием «На посту», начали резкую полемику с «Красной новью». Это была не столько конкуренция, сколько ожесточенная борьба за свое понимание правильной идеологии. Особенно обижались на Воронского из-за того, что он прочно держался за так называемых «литературных попутчиков».

Это слово вошло в обиход в 1923 г. благодаря Троцкому, который использовал его в своей установочной статье для советских писателей «Литература и революция». В нем он призывал пролетарских писателей добиваться своей гегемонии через продуктивность, а не через заявления[2]. Под категорию «попутчик» подпадали совершенно разные авторы. Их объединяло критическое отношение к революции. Троцкий называл их литературу «искусством перехода». Однако именно «попутчики» обладали большим литературным потенциалом, и их необходимо было настроить на лояльное отношение к революционным идеалам, сначала без насилия.

---

[1] Eimermacher K. Die sowjetische Literaturpolitik 1917–1932, Bochum 1994. S. 51.

[2] См.: Slonim M. Soviet Russian Literature 1917–1967. New York, 1967. P. 48.

Но такие журналы как «На посту» не давали спуску, они однозначно требовали приверженности партии. Эта конфронтация была одной из немногих возможностей, воспользовавшись которой, Бабель примкнул к одной из групп писателей вместе с другими тридцатью пятью авторами - большей частью такими же «попутчиками», как и он. Среди них Борис Пильняк, Алексей Толстой, Михаил Зощенко и Осип Мандельштам. В письме в ЦК, высший орган Коммунистической партии, они однозначно выразили свою позицию, выступив против упреков ортодоксальных писателей. Литература, как было написано в письме, должна быть творчеством индивидуума, работающего писателя, который охватывает и отражает мир по-своему[1]. Какой неслыханный индивидуализм в царстве коллективизма! Через несколько лет столь открытое выражение мнения стало уже невозможным. Но партия пока еще вела себя сдержанно, свобода нэпа чувствовалась не только в области экономики. Например, Кольцов, в то время главный редактор журнала «Огонек», мог отважиться, несмотря на неоднократные протесты Сталина, напечатать иллюстрированную статью о Троцком. Но и это тоже до поры до времени.

За развитием событий с большим интересом следил наставник Бабеля Горький. Он был высокого мнения о «попутчиках» и надеялся, что они продолжат традицию русской литературы. Правда, жил он теперь на Средиземном море, в Сорренто. В 1921 г. он покинул Россию в знак протеста против того, что большевики долго игнорировали его просьбу о выдаче разрешения на выезд великого поэта Александра Блока. Когда они, наконец, согласились, Блок уже умер.

К тому времени многие известные писатели уже покинули страну: Константин Бальмонт, Алексей Толстой, Марина Цветаева, Всеволод Иванов. Литературные салоны Москвы и Петербурга переместились в Париж, Берлин и Прагу. Некоторые эмигранты сделали карьеру за границей, другие смолкли от скорби. Горький критиковал Советы, находясь в Италии. Советская разведка установила за ним слежку, вплоть до самой своей смерти он находился под наблюдением[2]. Возвращение в Россию казалось опасным, однако Горький ни в коем случае не хотел лишаться этой возможности. В знак примирения он прислал траурный венок в день смерти Ленина, на котором

---

[1] См.: Письмо группы писателей, оглашенное на литературном совещании при отделе печати ЦК РКП(б) от 9/10 мая 1924 г. Цит. по: Eimermacher K. Die sowjetische Kulturpolitik. S. 408.

[2] См.: Шенталинский В. Рабы свободы. М., 1995. С. 302.

было написано: «Прощай, друг! М. Горький»[1]. До его возвращения на родину должно было пройти еще долгих четыре года.

Тем временем рассказы Бабеля о польско-русской войне вызвали в Москве сенсацию - в начале августа 1924 г. два из них были напечатаны даже в «Правде»[2]. Бойцы Конармии писали гневные письма в Политбюро: рассказы якобы «идеологически вредные и не годятся в будущем для публикации», а у автора «больное воображение» и он «не из наших», и необходимо было перед публикацией названной книги дать военнослужащим Конармии просмотреть рукопись»[3]. Маяковский позже смеялся, рассказывая о разгневанных товарищах, упрекавших Бабеля в том, что он прежде чем писать рассказы об ужасных условиях в Конармии, должен был сообщить об этом своим начальникам.

В одном письме из Берлина в адрес ортодоксально-коммунистического литературного журнала «Октябрь» казак Мельников пожаловался на то, что его неправильно изобразили в рассказе «Тимошенко и Мельников». Он никогда не заявлял о выходе из коммунистической партии. Бабель в ответ на это написал открытое письмо в журнал «Октябрь» и в армейскую газету «Красная звезда», не упоминая там, однако, Мельникова[4]. Он извиняется за то, что не вычеркнул подлинные имена, якобы по рассеянности[5]. Образ Тимошенко имеет мало общего с однофамильцем, это должно быть ясно для всех, кто хотя бы раз сталкивался с начдивом Тимошенко, «одним из самых мужественных и самоотверженных наших красных командиров»[6].

Между тем последователи жесткой линии по отношению к «попутчикам» выставили против Бабеля даже героя Гражданской войны, бывшего командующего Конармией: в журнале «Октябрь» появилось письмо, подписанное Буденным, с многозначительным названием «Бабизм Бабеля». Игра слов подразумевала распростра-

---

[1] Ваксберг А. Гибель Буревестника. С. 176.

[2] 3 августа 1924 г.: впервые «Переход через Збруч» и в третий раз «Конец св. Ипатия».

[3] Письмо. Октябрь 1924 г.// РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75.

[4] Письмо в журнале «Октябрь» за 1924 г., № 4, и 21 ноября того же года в «Красной звезде». См.: Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 239.

[5] В книжном варианте «Конармии» рассказ «Тимошенко и Мельников» был разбит на два рассказа «История одной лошади» и «Продолжение истории одной лошади». Тимошенко стал называться Завидским, а Мельников - Хлебниковым.

[6] Тимошенко на год младше Бабеля. Некоторое время был наркомом обороны.

ненное в России предубеждение, что евреи трусливы, что они «не настоящие мужчины». Буденный упрекал Бабеля в том, что он распространяет бабьи сплетни, выдумывает небылицы[1].

Возможно, Буденный как убежденный солдат действительно придерживался этого мнения, хотя, конечно, знал, как его люди бесчинствовали. Осенью 1920 г. военный трибунал судил красноармейцев за мародерство, имели место расстрелы[2]. Однако историю пишут победители. Партия давно приняла решение, что Конармию следует хвалить. Когда малообразованный Буденный поставил свою подпись под памфлетом, который он наверняка писал не сам, его грудь была увешана орденами и он значился главным инспектором кавалерии РККА. Он, в конце концов, участвовал в создании Конармии и рекламировал ее успехи в свою пользу.

После устроенной Буденным атаки была назначена конференция по обсуждению произведения Бабеля «Конармия». В «Правде» и «Вечерней Москве» указано время ее проведения: 29 ноября в 20.30. Ни Буденный, ни Бабель не принимали в ней участия, впрочем, они никогда и не встречались[3]. Председательствовал друг Бабеля Фурманов. На листочке он заготовил слова в его защиту: «культурный, работает много, реалист»[4]. Атака была успешно отражена.

Но Буденный не мог успокоиться. Когда он однажды проезжал в открытой машине мимо Воронского, то он сильно выругался: «И тебя, и твоего Бабеля надо выдрать арапником!»[5]. А Сталин во время одного мероприятия в Большом театре спросил у Воронского: «Что ты печатаешь в «Красной нови» про Конармию? Буденный сердится»[6]. Поначалу этот бортовой залп не смог причинить зла еврею и писателю Бабелю, а также Воронскому и его журналу «попутчиков» «Красная новь». Рассказы и новеллы из цикла «Конармия» с большим успехом публиковались и дальше.

Причины этой удивительной сдержанности объяснил в своем письме члену ЦК Клименту Ворошилову Дмитрий Мануильский,

---

[1] Буденный С. Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 197.

[2] См.: Меркин Г. С. С. Буденный и И. Бабель // Филологические науки. 1990. № 4. С. 97

[3] Из разговора с дочерью Ниной Буденной 17 октября 2001 г.

[4] Куванова Л. К. Фурманов и Бабель // Литературное наследство. Т. 74. С. 500.

[5] Воронская Г. Исаак Бабель. Неопубликованная рукопись. Магадан, 1954. С. 1.

[6] Там же. С. 2.

который занимал ведущий пост в Коминтерне. Бывший сталевар Ворошилов тоже был военным комиссаром в польско-русской войне. Там он познакомился со Сталиным и стал одним из его самых верных последователей. Уже из этого было ясно, что рассказы Бабеля для него как бельмо на глазу. Неоднократно он требовал от Мануильского принять меры против «недопустимого тона» рассказов. Но Мануильский, в свою очередь, высказывался против публикации вымышленных или настоящих писем разгневанных красноармейцев. С одной стороны, таким образом возрастал интерес к произведениям Бабеля, с другой стороны, белоэмигрантские газеты могут такую кампанию использовать для дискредитации Красной Армии и советского режима[1]. В 1924 г. власть Советов была еще не настолько сильна, чтобы игнорировать появляющиеся за границей статьи о цензуре или запрете писателя. Еще не со всеми странами были установлены дипломатические отношения. США признали Советский Союз лишь в 1933 г.

Бабель стал успешным писателем, слишком успешным, чтобы можно было просто так заставить его замолчать. Это он вполне осознавал: первая волна критики его не беспокоила, она, скорее, забавляла. К тому же у него со времени службы в Конармии осталась солидная протекция. Среди его знакомых было немало таких, кто сумел сделать карьеру внутри военной и партийной бюрократии: красные командиры Примаков, Шмидт и Якир, сотрудник НКВД Евдокимов, секретари обкома Калмыков и ЦК Украины Постышев. Благодаря этим связям у Бабеля были необычайно широкие возможности для свободного творчества, которыми он пользовался долго, как никто другой - до самой смерти.

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75.

Глава 5

УСПЕХ (1925–1928)

В борьбе с этим человеком проходит моя жизнь.

Слова Бабеля на обороте фотографии с его изображением

Литературный критик Вячеслав Полонский восторженно называл рассказы «Конармии» острыми, как спирт, цветистыми, как драгоценные камни[1]. О Бабеле говорила вся страна. Константин Федин писал Горькому, что Бабель нашумел в Москве[2]. Столица лежала у ног тридцатилетнего писателя.

Такого в Советском Союзе еще не бывало. «Правда» в октябре 1924 г. превозносила Бабеля как «восходящую звезду нашей литературы»[3], журнал «Печать и революция» объявил его «великим художником»[4], а Воронский, редактор и работодатель Бабеля, назвал его «большой надеждой современной русской советской литературы»[5]. Все главные литературные журналы печатали статьи о Бабеле: «Красная новь», «Новый мир», «На посту», «Звезда», «Молодая гвардия»[6]. Настоящий триумф!

---

[1] Полонский В. О современной литературе. М., 1929. С. 47.

[2] Письмо К. Федина М. Горькому, 16 июля 1924 г.//Литературное наследство. Т. 70. С. 475.

[3] Поварцов С. Мир, видимый через человека//Воспоминания о Бабеле. С. 320.

[4] Бенни Я. Бабель//Печать и революция. 1924. № 3.

[5] Воронский А. Литературные портреты. М., 1928. Т. 1. С. 187.

[6] Наиболее важные рецензии того времени в советских журналах: Красная новь. 1924. № 5; Новый мир. 1927. № 1; На посту. 1924. № 5; Печать и революция. 1926. № 6; Звезда. 1925. № 4; Молодая гвардия. 1924. № 7–8.

И не только в России. В Праге, Брюсселе, Берлине его читали, обсуждали и чествовали. Рецензент парижской газеты эмигрантов «Современные записки»[1] князь Святополк-Мирский чуть ли не с восторгом писал: «Он уже создал вещи такого калибра, что нам надо ставить его в один ряд с великими мастерами». Такая похвала была удивительной, если учесть, что русские эмигранты весьма критически относились к любому успеху советских авторов.

Рассказы Бабеля посвящались не только последствиям революции, но и их нравственности и оправданности. В «Конармии» он задает вопрос, на который многие до сих пор не знают ответа: «Где сладкая революция?» И уважали его, не в последнюю очередь, именно за эту честность. Вскоре страниц о нем появилось больше, чем его напечатанных произведений, иронично подметил один из его современников. В 1926 г. Бабелю даже была посвящена статья в первом издании Большой Советской Энциклопедии[2]. А в 1928 г., после того как «Конармия» вышла отдельной книгой, авторитетное издательство «Academia» посвятило ему подробную статью в серии «Мастера современной литературы»[3]. Даже Шкловский, который всегда был настроен критически, лаконично отметил: маловероятно, что кто-либо в стране может писать лучше[4].

У Горького были все основания быть довольным своим учеником. Из своего пристанища в Сорренто он посылал положительные отзывы: в письме писателю Алексею Демидову Горький пишет, что от Бабеля можно ждать еще большего, что он одарен и умен. Фантазии у него предостаточно, а это и есть самая большая сила художника[5]. В письме французскому писателю Ромену Роллану Горький назвал Бабеля «большой надеждой русской литературы»[6].

Вся эта похвала, вероятно, нравилась Бабелю, утвердившемуся в качестве писателя. Но и критикой он тоже мог быть доволен, поскольку она была частью образа автора, взявшего Москву штурмом. От критиков Бабелю доставалось сильно, и не только от Буденного и его соратников. Эмигрант Бунин отвергал всех советских писателей,

---

[1] Современные записки. Библиотека им. И. Тургенева в Париже. Париж, 1925. Т. 25.

[2] См.: Большая Советская Энциклопедия. М., 1926. С. 256.

[3] Казанский Б. И. Э. Бабель / Под ред. Ю. Тынянова. Ленинград, 1928.

[4] Шкловский В. Гамбургский счет. С. 201.

[5] Письмо М. Горького А. Демидову, 15 мая 1925 г.//Литературное наследство. Т. 70. С. 152.

[6] Письмо М. Горького Р. Роллану, 22 февраля 1928 г.//М. Горький и Р. Роллан. Переписка. 1916–1936. М., 1995. С. 153.

включая Бабеля, называя их «деревянноголовыми», не могущими описать даже «простой вещи»[1]. Некоторым российским писателям рассказы Бабеля казались слишком жестокими и однобокими. По их мнению, бойцы Буденного выставлены откровенными бандитами; «Конармия» содержит слишком много сцен насилия, а самому Бабелю и вовсе незнакомо чувство любви; кроме того, он больше пишет о себе, нежели о событиях[2].

Но в качестве большей вины, чем эти упущения содержательного характера, ему вменялись идеологические ошибки. То, что Бабель судил революцию мерилом нравственных ценностей, наверное вызывало недовольство рьяных прокоммунистических критиков: революция не подчинена морали, наоборот, мораль подчинена ей, говорится в рецензии под заголовком «Поэзия бандитизма»[3]. Так думал сотрудник комсомольского журнала «Молодая гвардия», обращаясь к читателям с риторическим вопросом: «Может ли это нас радовать?» Его коллега Георгий Горбачев из «Звезды» решил, что в «Конармии» нет языка крестьян[4]. В советской «Литературной энциклопедии» Бабеля обвиняли в том, что он не проявляет необходимую солидарность с рабочим классом: революция освободила евреев от царизма, и теперь они настолько заняты самими собой, что им некогда заниматься проблемами, волнующими трудящихся. К тому же Бабель идет «путем индивидуализма»[5].

Большинство рецензентов, однако, высказывались положительно по поводу того, что Бабель был евреем. Ведь Советский Союз провозгласил себя многонациональным государством, и в построении его должны участвовать все нации. Писатель Александр Тихонов писал Горькому, что Бабель мог бы стать «первым случаем «российского», а не русского писателя»[6]. А известный литературный критик Лежнев в националистическом духе отмечал, что Бабель является первым русским евреем русской литературы[7]. Действительно, при царе евреи не имели никакого влияния на русскую литературу. Толь-

---

[1] См.: Bunin I. From the Other Shore. Chicago, 1995. P. 155.

[2] Вешнев В. Поэзия бандитизма//Молодая гвардия. 1924. № 7-8. С. 272.

[3] Там же. С. 278.

[4] Горбачев Г. О творчестве Бабеля и по поводу него//Звезда. 1925. № 4. С. 275.

[5] Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1. С. 294.

[6] Ларионова Н. М. Горький и И. Бабель//Известия Академии наук. М., 1995. № 4.

[7] Лежнев И. Современники. М., 1927. С. 125.

ко революция опрокинула существовавшие преграды. Именно евреи активно воспользовались новой свободой, но лишь немногие из них, подобно Бабелю, освещали еврейские темы. Не являясь действительно верующим, Бабель тем не менее придерживался традиций и нашел в русском языке – как Франц Кафка в немецком – свой собственный голос, характеризовавшийся еврейскими корнями.

У Бабеля завершился самый творческий период в его жизни. За четыре года он написал два цикла рассказов, благодаря которым остается всемирно известным и по сей день. В качестве мастера коротких рассказов он закрепил за собой место в одном ряду с Мопассаном, Киплингом и Хемингуэем. Список его публикаций становился всё длиннее: в 1925 г. библиотечка «Огонек» при одноименном журнале включила его две первые книги в свой редакционный портфель. Две брошюры, объемом примерно по сорок страниц, содержали «Одесские рассказы» и рассказы из «Конармии», полное собрание которых в виде отдельной книги подготовил его друг Фурманов; книга вышла в свет в 1926 г. В том же году два рассказа из цикла «История моей голубятни» вышли в свет отдельно в издательстве «Земля и фабрика»[1]. На первом плане стояла карьера, всему остальному, включая семью, пришлось отойти на задний план. Этот конфликт сопровождал Бабеля на протяжении всей его жизни. Он предпринимал много попыток скрепить распадавшуюся семью, но тщетно.

После смерти его отца 3 марта 1924 г. мать поначалу жила с ним в Сергиевом Посаде. В конце того же года сестра Мэри вместе с мужем, врачом Григорием Романовичем Шапошниковым, покинула Советский Союз и поселилась в Брюсселе. «Эскулап», как Бабель называл своего деверя, нашел там работу на фармацевтическом предприятии. Фейга Бабель чувствовала себя совершенно неуютно в атмосфере суматохи, царившей вокруг ее сына, и летом 1926 г. уехала к дочери в Бельгию.

Бабель, благодаря успеху «Конармии» и стремительному росту по служебной лестнице своих товарищей, неожиданно стал вхож в руководящие круги советского государства. Как блестящий рассказчик историй, юмор которого нравился всюду, он был желанным гостем на многих торжествах.

На одном из таких вечеров он познакомился с очаровательной молодой актрисой Тамарой Кашириной, выступавшей в знамени-

---

[1] Кроме рассказа, давшего название книге, в нее входил рассказ «Моя первая любовь».

том театре Мейерхольда. Бабель вызвался проводить ее до дому по ночной Москве. Он завоевал расположение Тамары, которая была младше него на шесть лет, своим острым умом и веселым нравом. Бабель был одним из самых именитых писателей страны, она - талантливой актрисой в одном из лучших театров Москвы. В письме, написанном в апреле 1925 г., Бабель называет ее «моя душа»[1], затем следуют многие другие однозначные признания в любви: «Сердце мое, не оставляй меня одного...»[2].

Жена Бабеля Женя почувствовала нарождавшуюся любовную связь. Это нанесло ей глубокую рану, которой так и не суждено было зажить. Этой болью она долгое время не делилась ни с кем. Лишь перед смертью она поведала об этом своей дочери Натали[3].

Конечно, отчуждение между ней и Бабелем началось давно, и не в Москве, а еще в Одессе. Там Бабель всегда ходил на вечеринки один[4], она не любила его юмор и сторонилась его друзей и коллег; в их опубликованных воспоминаниях она не упоминается ни разу. Родом из обеспеченной семьи, она была очевидцем того, как у отца представители новой власти экспроприировали его собственность. Из владельца фирмы он стал швейцаром. Женя, которая поначалу вполне приветствовала революцию, стала презирать большевиков. Они уничтожили ее родителей: депрессия матери нарастала, отец так и не оправился от случившегося и вскоре умер. По этой причине ей было нелегко смотреть, как партийная элита окружает ее мужа.

Хотя сам Бабель не был убежденным коммунистом, не был членом партии, в принципе он был сторонником нового порядка, встречался с комиссарами, поражался их мужеству и смелости принимать судьбоносные решения, не всегда, правда, соглашаясь со средствами, которые они использовали, и с целями, к которым они стремились. Он сетовал своей подруге Тамаре на то, что живет в стране, в которой идеология значит больше, чем кислород[5].

Надежды наладить семейную жизнь с Бабелем не было никакой, и Женя решила уехать из России. В середине ноября 1925 г. Бабель

---

[1] Письмо И. Бабеля из Киева Т. Кашириной // Иванова Т. Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 276.

[2] Иванова Т. Советская Жанна Д'Арк // Московский комсомолец. 1994. 3 сентября.

[3] Из беседы с Натали Бабель 11 сентября 1999 г. в Вашингтоне.

[4] Переписка между Ушером Спектором и Татьяной Стах // Личный архив У. Спектора.

[5] См.: Иванова Т. Советская Жанна Д'Арк.

писал сестре Мэри, что Женя получила все транзитные визы[1]. Связи и двести рублей, приличная по тем временам сумма, открыли дорогу за границу. В декабре она приехала в Париж[2]. Хотя ее финансовое положение никогда уже не было таким же хорошим, как в родительском доме, она ни разу не пожалела о принятом решении.

Отъезд жены сначала Бабеля не очень обеспокоил. Лишь в письмах своей сестре он выражал недовольство тем, что вместо писем Женя отделывается телеграммами[3]. По крайней мере внешне он производил впечатление уравновешенного человека. И в финансовом отношении дела у него шли неплохо, он обещал сестре «ларчик золота»[4]. Тогда еще можно было осуществлять прямые денежные переводы в рублях или долларах, позже это стало невозможно. Бабель выходил из положения тем, что давал деньги оставшимся в Москве родственникам эмигрантов, а те затем в Брюсселе или Париже передавали соответствующую сумму его сестре или жене. В последующие годы Бабель в каждом письме родственникам сообщал, что отправил им деньги, хотя делать это ему становилось всё труднее. После смерти отца он чувствовал себя ответственным за семью, заботился о ней на протяжении всей своей жизни. Без его поддержки Женя вряд ли смогла бы продержаться в Париже.

Связь с Тамарой Кашириной продолжалась почти два года. Поскольку Бабель в те годы часто бывал в поездках или уединялся в Сергиевом Посаде, то и Тамара видела его нечасто. Она ждала от него сына - он был зачат еще в то время, когда Женя жила в Москве. Эммануил, первый ребенок Бабеля, родился 13 июля 1926 г. в Москве. Ребенок был назван в честь отца Бабеля, но после расставания с Бабелем Тамара дала ему имя Михаил[5].

Однако уделять много времени своему сыну Бабель не мог, так как нашел для себя новое поле деятельности - кино. С этого началось раздвоение его творчества: чтобы обеспечить себя, Бабель писал сценарии и диалоги для советского кино; для души, по его определению, он писал рассказы. С возрастом все чаще стал сетовать на то, что приходится работать ради денег и некогда заняться подлинной литературой. Однако в первые годы он восхищался возмож-

---

[1] См.: Письмо от 16 ноября 1925 г. См.: Isaak Babel. Briefe 1925-1939./ Hrsg. von Gerhard Hacker. Münster. 1995. S. 14.

[2] См.: Письмо от 20 декабря 1925 г. См.: там же. S. 16.

[3] Там же.

[4] См.: Письмо от 12 мая 1925 г. См.: там же. S. 11.

[5] Тамара познакомилась с писателем Всеволодом Ивановым, за которого позже вышла замуж.

ностями нового средства массовой информации: вместо нескольких тысяч читателей он мог за короткое время охватить десятки, если не сотни тысяч людей - самый подходящий размах для устремленного вверх Бабеля.

Кино в Советском Союзе развивалось очень медленно. Не хватало проекторов, достоверного киноматериала и помещений для показа фильмов. Поначалу Наркомат просвещения (министерство культуры) по выгодной цене покупал зарубежные ленты, чтобы с прибыли создать собственную киноиндустрию. Еще в середине двадцатых годов доля американских, французских и немецких кинофильмов доходила до 85 процентов[1]. Но вскоре советскому кинематографу удалось встать на ноги. Технические проблемы были устранены, художники открыли для себя кино. Если в 1918 г. было снято всего шесть фильмов, то в 1920 г. уже 29, а пять лет спустя - 80. Не было забыто и сельское население: 1600 проекторов вместе с переносными генераторами были погружены на поезда; таким образом, у крестьян появилась возможность смотреть произведения крупных киностудий Москвы, Ленинграда и Киева[2].

Кинодебютом Бабеля в 1925 г. стала картина «Соль». Он написал сценарий по одноименному рассказу из «Конармии», вышедшему в свет за два года до этого. Сведений об этом кинофильме не очень много, он считается пропавшим без вести[3]. Известно лишь, что он был выпущен Киевской киностудией ВУФКУ[4] в Одессе. Его метраж 419 метров[5].

Это поистине не так уж много по сравнению с «Еврейским счастьем» - другим фильмом по рассказам Шолом-Алейхема о Менахеме Менделе, типичном «человеке воздуха» в штетле, много размышляющем о чем угодно, только не о зарабатывании денег. В главной роли дебютировал Соломон Михоэлс, ставший одним из выдающихся актеров Советского Союза. С Бабелем они были близкими друзьями. В конце мая 1925 г. они встретились на квартире у Михоэлса, чтобы обсудить этот проект. Сначала Бабель не был заинтересован в совместной работе. «У нас в Одессе «людей возду-

---

[1] См.: Vance Kepley, Jr. The Origins of Soviet Cinema: A Study in Industry Development//Richard Taylor / Ian Christie (Hrsg.), Inside the Film Factory. London, 1991. P. 73.

[2] См.: Kepley. The Origins of Soviet Cinema. P. 77.

[3] См.: Jerry Heil. Isaak Babel and his Film-Work.//Russian Literature, номер XXVII-III. Amsterdam, 1990. P. 404.

[4] Всеукраинское фотокиноуправление.

[5] Советские художественные фильмы. М., 1961.

ха» не любят», - возражал он. И предложил «сделать из Менахема Менделя Менделя Крика»: его гангстер из Одессы любит бурную жизнь, он - человек дела и с юмором. Михоэлсу с трудом удалось уговорить его приступить к написанию сценария, не отступая от оригинала. Несколько дней спустя Бабель прекратил работу, но согласился написать титры[1].

Фильм, снятый в Бердичеве, в бывшем поселении евреев на Украине, и поступивший в прокат в ноябре, имел такой большой успех, что его экспортировали как один из первых советских кинофильмов. Он был показан в Венгрии и даже в Китае[2]. Отзыв критиков о титрах Бабеля был положительным: работа оценена как острая[3], отмечалось его мастерство слова на экране[4], хотя, по их мнению, не хватает «элемента пропаганды»[5].

Во время съемок Бабель познакомился с оператором Эдуардом Тиссэ, который работал параллельно над фильмами «Еврейское счастье» и «Броненосец «Потемкин»». Именно он снял лестницу в одесском порту и для Алексея Грановского, режиссера «Еврейского счастья», и для Эйзенштейна, который сделал ее всемирно известной.

Тиссэ представил Бабеля Эйзенштейну. Как и Бабель, он находился в начале своей блистательной карьеры, которая первое время складывалась не совсем удачно. Писатель и режиссер понравились друг другу сразу, между ними наметилось тесное сотрудничество, к тому же Эйзенштейн был уже знаком с творчеством Бабеля: он начал разрабатывать концепцию сценария к «Конармии» еще до опубликования полного цикла. Но пришлось отложить эти планы. Партийное руководство обязало его снять фильм, посвященный двадцатилетней годовщине революции 1905 г., им стал «Броненосец «Потемкин»[6].

Первый совместный проект «Беня Крик» также потерпел провал еще на начальной стадии. В мае 1925 г. Эйзенштейн в письме

---

[1] Со слов актера Григория Рошаля в разговоре с Ушером Спектором // Личный архив У. Спектора. «Зачем он балуется с кино?» (Неопубликованная рукопись).

[2] См.: Hoberman J. A Face to the Shtetl: Soviet Yiddish Cinema, 1924-36 // Taylor / Christie (Hrsg.). Inside the Film Factory. P. 128.

[3] Соболь А. Еврейское счастье // Советский экран. 1926. № 1. С. 12.

[4] См.: Heil. Isaak Babel and his Film-Work. P. 380, прим. 18.

[5] Hoberman. A Face to the Shtetl. P. 128.

[6] Письмо Эйзенштейна своей матери от 14 апреля 1925 г. См.: Heil. Isaak Babel and his Film-Work. P. 365.

своей матери называл работу над проектом «адской»[1], в «Одесских рассказах» Бабеля достаточно материала для хорошего фильма, но в сценарии все утрачено. Поэтому Эйзенштейн предложил Кинематографическому комитету осуществлять съемки непосредственно по рассказам[2]. Самому Бабелю о своих сомнениях он ничего не говорил. После их встречи в июне на даче Эйзенштейна в Немчиновке, местечке в 40 километрах к западу от Москвы, Бабель еще оптимистично писал Тамаре: «Сценарий у меня как будто выходит»[3]. И действительно, «Беня Крик» был реализован - однако без Эйзенштейна. Тому пришлось вновь отказаться, так как выход фильма «Броненосец «Потемкин»» задерживался и забирал все его силы. Вместо него режиссером фильма стал малоизвестный Владимир Вильнер; фильм был снят на ВУФКУ и вышел на экраны кинотеатров Киева в начале 1927 г. Бабель, вероятно, получил хороший гонорар: своей сестре он написал, что работа на кино более доходна, нежели чистая литература[4].

Тем не менее Бабель опять был недоволен. «Картина очень плохая», - говорил он с досадой после дебюта[5]. Что случилось? А нечто совершенно новое для Бабеля. Ему пришлось столкнуться с идеологическими указаниями сверху, которых он в таком виде до сих пор не знал. Ему пришлось внести поправки в жизнь Бени Крика, теперь она на треть протекала в советское время. Это вызывало у него трудности. 12 июля 1925 г. в три часа утра он писал Тамаре из Сергиева Посада, вскоре после завершения сценария, что первые четыре части он написал за семь дней, но последние две почти вогнали его в отчаяние[6].

Бабелю пришлось написать смерть своего героя. Бене Крику нельзя было пережить революцию. Советская власть не терпела пестрых людей, и тем более пестрых преступников. И Бабель подчинился. Тем не менее, в фильме Бабеля ощущается любовь к старому миру одесских евреев. Образ Бени Крика написан с большей симпатией, чем образ его противника, военкома Собкова. В последнем эпизоде фильма оба едут в поезде в роскошном вагоне. Они пьют

---

[1] Письмо от 3 мая 1925 г. См.: Ronald Bergan. Sergej Eisenstein. London, 1997. P. 104.

[2] Разговор между Эйзенштейном и будущими кинорежиссерами 28 мая 1936 г. в Москве // Вопросы литературы. 1984. № 4. С. 197.

[3] Письмо от 25 июня 1925 г. // Иванова Т. Мои современники... С. 281.

[4] Письмо от 15 июля 1925 г. // Бабель И. Письма. С. 12.

[5] Письмо от 5 января 1927 г. // Иванова Т. Мои современники... С. 290.

[6] Письмо от 12 июля 1925 г. // Там же. С. 281.

за здравие друг друга, целуются. Беня много пьет, Собков лишь делает вид, что пьет. Как известно, тот, кто не пьет, что-то скрывает. Собков заманивает Беню Крика в западню, где его расстреливают. В награду раздают сигареты. Немой фильм заканчивается титрами «Продолжайте, товарищ...»

Почти одновременно с «Беней Криком» в кинозалы Киева поступил фильм «Блуждающие звезды». Бабель написал сценарий и к этому фильму. Повсюду в Киеве висели афиши этого фильма, но Бабель не слышал о нем ничего хорошего[1]. В Москве он вышел на экраны лишь через год. Таким образом хотели помешать распространению еще одного произведения Шолом-Алейхема, в котором напрочь отсутствовала связь с послереволюционной Россией. Когда фильм «Блуждающие звезды» всё же был показан в Москве, критики отмечали отсутствие идеологии; по их мнению, фильм идеализировал буржуазное прошлое и был перегружен еврейской тематикой. Точно так же, как и «Беня Крик», который вскоре после дебюта был снят с проката, «Блуждающие звезды» быстро исчезли с экрана[2]. С мудрой прозорливостью Бабель еще до этого принес свои извинения за недостатки фильма в журнале «Киносценарий», объяснив их «неблагодарным материалом»[3]. Он в очередной раз остался очень недоволен. «Фильмы по моим сценариям сделаны “бездарно”», - писал он Анне Слоним[4], в семье которой он жил на Варварке, 16, недалеко от Кремля. После этих двух неудач Бабель прекратил попытки осветить в советском кино новейшую историю евреев. Он опоздал, так как сфера кино была уже полностью во власти пропаганды.

После того как кинематограф отверг еврейские темы, Бабель стал интересоваться театром. Полный авантюр, не совсем реальный мир Молдаванки не давал ему покоя, и поскольку не удалось вынести его на экран, он решил вынести его на сцену. Почти из упрямства написал пьесу «Закат», адаптированный вариант его одноименного рассказа, вышедшего в свет лишь после смерти Бабеля, хотя был написан еще в 1923 г.[5] Он относится к циклу «Одесских расска-

---

[1] Письмо И. Бабеля Т. Кашириной, 5 января 1927 г.//Там же. С. 290. Режиссер фильма Г. Гричер-Чериковер. Фильм считается пропавшим без вести.

[2] «Беня Крик» вскоре после премьеры был снят с кинопроката, но позже вновь разрешен. «Блуждающие звезды» в 1928 г. был запрещен вместе с другими 17 фильмами. См.: Кино. 1928. № 20.

[3] См.: Киносценарий. 1926. № 3.

[4] Письмо от 9 января 1927 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 248.

[5] Литературная Россия. 1964. № 47. С. 22.

зов». Конечно, этот рассказ был уже не столь раскованным, не столь пронзительным, как ранние рассказы из этого цикла.

Старый Мендель Крик, владелец извозопромышленного заведения, теряет власть в своем доме, так как его сыновья, и среди них Беня, идут против своего жестокого и властолюбивого отца. Отцовское дело переходит к Бене. Но и новый мир, олицетворяемый Беней, представляется зрителю несимпатичным. Никакое новое начинание в Одессе 1913 г. не представляется возможным. Пока еще правит царь. А в социализме предприимчивый Беня Крик еще ничего не смыслит. Было ли это метафорой краха еврейства?

Таким образом Бабель трудился над материалом. Хотя он с гордостью писал Тамаре в конце 1926 г., что для сценической версии ему понадобилось всего девять дней[1], однако месяц спустя его начали одолевать сомнения относительно успеха пьесы, поскольку с революцией она никак не связана[2]. Бабель был в растерянности. В 1927 г. он собирался поехать в Киев, чтобы выступить там с чтением пьесы «Закат» и внести поправки с учетом возможной критики. Весной 1927 г. газета «Вечерний Киев» подробно в нескольких номерах сообщала о его выступлении. Бабель представил свое произведение широкой публике 25 марта в Доме коммунистического просвещения. На следующий день он восторженно писал своей маме: «Успех велик, и если бы не моя скромность, я сказал бы, громаден»[3]. А Тамаре он сообщал о «материальном и художественном успехе», поскольку зрители за его чтение должны были внести небольшую плату[4].

Коммунистического просвещения, коего следовало ожидать, судя по названию здания, зрители от этого выступления, конечно же, не получили. И Бабель был не тем человеком. Еще в июле 1926 г. на заседании Организационного бюро ЦК его как интеллектуального буржуа официально отнесли к числу «попутчиков»[5]. Все осторожные усилия, направленные на создание условий для «более быстрого их перехода на сторону коммунистической идеологии», как того требовала первая партийная резолюция по художественной лите-

---

[1] Письмо от 26 августа 1926 г.// Иванова Т. Мои современники... С. 286.

[2] Письмо от 25 сентября 1926 г.// Там же. С. 288.

[3] Письмо от 26 марта 1927 г.// Бабель И. Письма. С. 44.

[4] Письмо от 26 марта 1927 г.// Иванова Т. Мои современники... С. 290.

[5] См.: Заседание организационного комитета ЦК РКП(б) от 5 июля 1926 г.// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 212.

ратуре летом 1925 г.[1], оставались напрасными: еще в 1926 г. книги «попутчиков» составляли не менее 50 процентов общей продукции всех государственных издательств.

Нарком просвещения Луначарский толковал эту резолюцию благожелательно. В начале 1925 г. в своем выступлении о «Путях современной литературы» он заверил, что не планирует «выбросить за борт» «попутчиков»[2]. А Николай Бухарин, соавтор этой резолюции и член ЦК, а также главный редактор «Правды», отмечал по этому поводу: «Какое дворянское политбюро давало указания Пушкину, когда он писал свои рассказы?»[3]. Прекрасные слова. В действительности же начался «ледниковый период» в области литературы и искусства. Позже Борис Пастернак говорил, что литература в последующие годы полностью перестала существовать[4]. А после своей поездки в Россию в 1927 г. Вальтер Беньямин отмечал, что в Советском Союзе «романы и новеллы во многих случаях находятся с государством в таких же отношениях, что и произведения автора с настроением его княжеского покровителя, как это было столетия назад»[5].

Бабелю пришлось испытать первые последствия политизации и идеологизации литературы среди своих друзей. С одной стороны, через Воронского, с которым в 1925 г. они жили в Сергиевом Посаде в одном доме. Его имя действовало крайне раздражающе на ортодоксальных рабоче-крестьянских писателей и стало синонимом «отказа от гегемонии пролетариата в области литературы»[6]. Воронский продолжал, как и прежде, печатать в «Красной нови» преимущественно тексты «попутчиков». Временно ему пришлось уйти с должности главного редактора, его имя исчезло из выходных данных[7]. Позже Воронский вернулся, однако осенью 1927 г. ему пришлось уйти окончательно из редакции журнала, который без него потерял свою значимость и влияние.

---

[1] См.: Решение ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г.// Правда. 1925. 1 июня.

[2] Цит. по: Eimermacher K. Die sowjetische Literaturpolitik. S. 445.

[3] Там же. С. 227.

[4] См.: Pasternak B. Poems and Autobiography. London, 1990. P. 50.

[5] Benjamin W. Die politische Gruppierung der russischen Schriftsteller// Die literarische Welt. 11 марта 1927 г. № 10. S. 1.

[6] Письмо литературного критика Г. Горбачева, который рецензировал также рассказы Бабеля, редакции журнала «Звезда» от 15 февраля 1925 г. См.: Eimermacher K. Die sowjetische Literaturpolitik. S. 469.

[7] Более подробно см.: Динерштейн Е. А. К. Воронский. М., 2001. С. 121.

Был еще один пример, который со всей ясностью показал Бабелю, что время относительно свободной, окрыленной нэпом советской литературы постепенно близилось к концу: в ночь на 28 декабря 1925 г. в ленинградской гостинице «Angleterre» был найден мертвым высокоодаренный поэт Сергей Есенин. Согласно официальной версии, это было самоубийство[1]. Он попал в опалу, так как якобы мыслил индивидуалистически и пропагандировал народный национализм. Поэзия Есенина была столь же неординарной, как и его жизнь, короткую часть которой он прожил со всемирно известной американской танцовщицей Айседорой Дункан[2]. Бабель симпатизировал этому златокудрому молодому человеку с нежными чертами лица, и это чувство было взаимным. На одной из их встреч в 1924 г. в Москве Есенин в запале восторга предложил объявить Бабеля королем рассказчиков, а на себя он наденет корону поэтов[3].

Последняя их встреча состоялась в апреле предыдущего года. Бабеля поразило умение Есенина пить, не пьянея, и сочинять великолепные стихи. Но он также заметил, что его друг «тяжело болен»[4]. «Есенинские коктейли» - полпива, полводки - обошлись дорого. Из планов совместной поездки на Кавказ, в Тбилиси и Баку[5] ничего уже не вышло. Бабель оказал ему последние почести, проводив гроб с телом Есенина к могиле на Ваганьковском кладбище в Москве.

Есенин трагичным образом избежал «перевоспитания», а спустя пять лет его примеру последовал Маяковский - такой же разочарованный и при таких же невыясненных обстоятельствах[6]. До этого бюрократы от литературы со всей серьезностью попытались преподать ему урок истинного учения коммунизма. Шкловский позже гротескно описал, как те приходили к поэту-революционеру в Дом писателей направить его на путь истинный[7].

Подобные драконовские меры по отношению к Бабелю пока не применялись. В качестве ответственного редактора он участвовал в

---

[1] Обстоятельства его смерти до сих пор не выяснены. См.: Thomas Urban. Es war doch kein Selbstmord // Süddeutsche Zeitung, 14./15. Oktober 2000.

[2] См.: Carola Stern. Isadora Duncan, Sergej Jessenin. Reinbek, 1998.

[3] Гех С. У стены страстного монастыря. С. 54.

[4] Письмо Т. Кашириной от 14 апреля 1925 г. // Иванова Т. Мои современники... С. 278.

[5] Воспоминания сестры Есенина Александры Александровны в письме Ушеру Спектору // Личный архив У. Спектора.

[6] Обстоятельства смерти Маяковского также не выяснены. См.: Thomas Urban. Es war doch kein Selbstmord.

[7] Shklovsky V. Mayakovsky and his circle. London, 1974. P. 200.

издании собрания сочинений своего литературного кумира Мопассана, которое вышло в свет в трех томах в 1926 и 1927 гг.[1], и редактировал двухтомное издание почитаемого им Шолом-Алейхема. Он также не терял связи с кино. В 1926 г. написал титры для «Кафе «Фанкони»», через год - сценарий к «Китайской мельнице», а в 1928 г. - киносценарий по роману Эптона Синклера «Джимми Хиггинс». Кроме того, он считался надежным «костоправом для сценариев», за короткий срок мог выправить диалоги. Правда, Бабель часто жаловался на то, что ему не хватает времени на литературу, а Горький вздыхал, что Бабель позволяет кино отвлекать себя...[2]. Но за эту работу хорошо платили. В последующие годы она порой была единственным источником заработка Бабеля.

Устраивались литературные вечера с произведениями Бабеля - Утесов принимал в них участие как чтец, переиздавались его рассказы из «Конармии» и «Одесские рассказы». Шесть из них были напечатаны в альманахе «Берешит» (Генезис) на иврите[3]. Однако новых текстов, за исключением его вклада в коллективный плутовской роман «Большие пожары»[4], Бабель практически не писал. И это при том, что в 1926 г. он был полон планов, и даже неоднократно просил свою сестру в Брюсселе переслать ему печатную машинку фирмы «Remington» с русскими буквами. Но ему всё чаще не хватало сил для работы. «Беда просто, как измучился», - писал он Фурманову еще в августе 1925 г. «Думаю, бросить все, на Тибет куда-нибудь уехать или красноармейцем в полк, писарем ли в контору»[5]. В июле того же года он обращается к Горькому почти в состоянии отчаяния, прося не терять веры в него, если допустит ошибки[6].

Почему же столь уверенного в себе, успешного Исаака Бабеля мучили сомнения в своих способностях? Почему в 1927 г. на обороте своей фотографии он написал: «В борьбе с этим человеком проходит моя жизнь»?

---

[1] Три рассказа Бабель перевел сам: «Idylle», «L'Aveu» и «Le mal d'André».

[2] Письмо М. Горького Воронскому в феврале 1927 г.// Максим Горький и советская печать. М., 1965. Т. 2. С. 148.

[3] См.: Encyclopaedija Judaicae. Jerusalem, 1972. P. 22.

[4] Fritz Mierau (Hrsg.). Die großen Brände. Berlin, 1997. Это роман, над которым помимо Бабеля трудились двадцать четыре других известных русских писателя, вышел в свет в 1927 г. в библиотечке журнала «Огонек». Глава, написанная Бабелем, называлась «На биржу труда».

[5] Запись в дневнике Фурманова, 20 августа 1925 г. См.: Фурманов Д. Собрание сочинений. М., 1961. Т. 4. С. 368.

[6] Письмо от 25 июня 1925 г.// Литературное наследство. Т. 70. С. 38.

С того времени как жена Женя уехала из страны, его одолевало чувство вины, которое, по всей видимости, мешало ему писать: платой за славу писателя была потеря семьи. Внезапно им овладел страх, что он мог так же потерять свой писательский талант, и тем самым не соответствовать славе, пришедшей к нему столь быстро. Отсюда и полное отчаяния письмо, написанное Горькому. Возможно, он понял и знаки, не сулившие ему и его жизни в Советском Союзе ничего хорошего. Мог ли он еще находить слова в стране, идеология которой была ему непонятна? Он не был диссидентом, но у него начался болезненный процесс духовной эмиграции, который Бабель описал незадолго до своей смерти[1].

Для Вальтера Беньямина, который был в Москве лишь в гостях, плакаты и лозунги новых правителей казались, пожалуй, забавными, для Бабеля же они были очень серьезной действительностью новой духовной атмосферы, к которой у него душа никак не лежала. По поводу лозунга с надписью «Ленин сказал, что время - деньги», Беньямин отмечал с иронией: «Для того чтобы выразить такую банальность, здесь надо, чтобы это сказал самый высокий авторитет»[2].

При всем своем стремлении к почти монастырскому покою, необходимому для творчества, Бабель нуждался в окружении близких людей, на которых он мог положиться. Они отчасти нейтрализовали неприятную действительность. Среди них он чувствовал себя хорошо, чувствовал свою способность развлекать и смешить людей. Из этого общения он черпал силы, а из встреч и разговоров - материал для своих рассказов.

Он старался сначала без особого рвения воссоединить свою семью. Еще в декабре 1925 г. он выспрашивал у своей сестры, не хотела бы она вернуться домой, в Россию?

Верил ли Бабель в это действительно? Помимо его переменчивого настроения, сама жизнь в России всё еще была трудной, несмотря на некоторое облегчение положения с продовольствием, наступившего благодаря новой экономической политике. Но она становилась все более непопулярной в руководстве Советов по мере того, как власть в Советском Союзе переходила в руки одного человека - Сталина. По его приказу из Политбюро были устранены его самые опасные противники, среди них и Троцкий. Сталин пропагандировал идею

---

[1] См.: Материалы следственного дела Бабеля. Согласно выписке, сделанной В. Шенталинским. Москва, 1994. С. 115.

[2] См.: Benjamin W. Moskauer Tagebuch. Frankfurt am Main, 1980. S. 79.

построения социализма в отдельно взятой стране. Народ вновь имел право думать националистически.

Борис Веньяминович Гронфайн с ужасом следил за всем этим. Он лишился всего своего имущества. Спустя десять лет после революции он уже больше не мог терпеть. Бабель провел последние дни у больничной постели своего 64-летнего тестя в Киеве. Он умер 7 марта 1927 г. В течение последующих недель Бабель был занят распродажей остатков имущества Гронфайнов. До этого времени он чувствовал себя обязанным оставаться с родителями жены в России. Они были одиноки, дети уехали из Киева. Женя жила в Париже, их сын Лев - в США. А теперь, после смерти своего мужа, Берта Гронфайн решила уехать к дочери в Париж. Временный выезд за границу в конце двадцатых годов был еще возможен. Бабель не хотел верить, что это скоро изменится. Он был убежден, что в любой момент сможет уехать из Москвы в Париж, сев в поезд на Белорусском вокзале. Таким образом Бабель воспользовался случаем и вместе с тещей отправился в Париж. Он не только хотел вновь увидеться с Женей, но надеялся также на встречу с Горьким в Италии.

По дороге он на несколько дней заехал в Берлин, чтобы обговорить с Виландом Херцфельде, руководителем издательства «Malik», издание своих книг на немецком языке. Херцфельде поторопился, по политическим соображениям, включить в редакционный план произведения молодых советских писателей, и уже издал, в 1926 г., два тома Бабеля: «Одесские рассказы» и «Конную армию Буденного». Бабель особенно расстроился из-за оформления и перевода «Конармии», называя его «безутешным»: все было перепутано[1]. Действительно, название книги и ряда рассказов были самовольно изменены, как и их очередность, книга состояла из тридцати рассказов вместо тридцати четырех[2].

Несмотря на эти упущения, его произведения были встречены в Германии весьма доброжелательно, много обсуждались и восхвалялись[3]. «Отличные рассказы» хвалил Томас Манн[4], Герман Гессе

---

[1] Письмо от 30 марта 1926 г. писателю Ивану Евдокимову, отвечавшему в Госиздате за литературу // Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 246.

[2] Отсутствовали «Чесники», «После боя», «У святого Валента» и «Сашка Христос».

[3] В ленинградской «Вечерней красной газете» 4 мая 1927 г. в статье «Советская литература в Германии» по этому поводу написано, что Бабель был высоко оценен // Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в 1924-1931 гг. С.-Пб., 2000. С. 202.

[4] См. редакционный план издательства «Malik». Личный архив Виланда Херцфельде [Signatur 2393 // Archiv der Akademie der Künste in Berlin].

был рад сборнику «высокоинтересных и великолепных рассказов»[1], Курт Тухольски писал в «Weltbühne», что трижды прочитал «Конармию» своему коту по имени «Правление партии» (Parteivorstand) и оба они при этом «неплохо мурлыкали»[2].

Сразу по прибытии в Берлин Бабель был приглашен на ужин представителем советского Торгпредства. Случайно обнаружилось, что там работает его старая знакомая из Одессы Евгения Соломонова. К тому времени она была замужем за коммерсантом Алексеем Гладуном. Бабель и она прекрасно проводили время вдвоем. Блестящий Берлин, короткое беззаботное время опьянили его, и они провели несколько ночей в меблированной комнате на Фазаненштрассе, которая была предоставлена ему на весь срок его пребывания[3]. Лето 1927 г. в Берлине Бабель провел по принципу, с которым он однажды по секрету поделился с Ильей Эренбургом: «Человек живет ради удовольствия - спать с женщиной и есть мороженое в жаркие дни»[4]. К тому времени он уже мысленно разорвал связь с Тамарой Кашириной, чуть позже заявил ей в своем письме: «Я постараюсь прожить с Е. [Евгенией] Б. [Борисовной] безотрадную, несчастливую, но спокойную жизнь» и добавил: «Прошу тебя больше не писать мне»[5].

В середине июля Бабель выехал из Берлина в Париж, главную цель своей поездки. Этот город еще в XIX в. стал «русской столицей за пределами России». В то время как США и Великобритания после Первой мировой войны практически не принимали эмигрантов, Франция по причине сильного сокращения населения поддерживала приток эмигрантов, предоставляя бежавшим от революции русским - дворянам, духовенству, художникам, меньшевикам и кадетам - политическое убежище и возможность самовыражения, которыми обладал каждый ее гражданин.

Русские в Париже предпочитали определенные районы, например, 15-й округ Аррондисмон, у южной окраины города. Там же в небольшой квартире жили Бабель, Женя и ее мать. Отсюда до центра города было приличное расстояние. Посольство Советского Союза,

---

[1] См. редакционный план издательства «Malik». Личный архив Виланда Херцфельде [Signatur 2393 // Archiv der Akademie der Künste in Berlin].

[2] «Budjonnys Reiterarmee» aus der Weltbühne. № 13. 1927 // Kurt Tucholsky, Gesammelte Werke. T. 5. Reinbek, 1985. S. 189.

[3] Допрос Бабеля в мае 1939 г. См.: Материалы следственного дела Бабеля. С. 44.

[4] Эренбург И. Бабель был поэтом // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 50.

[5] Письмо от 20 июля 1927 г. // Иванова Т. Мои современники... С. 566.

куда Бабелю как-то пришлось обращаться, располагалось в центре, у Сены, недалеко от Министерства иностранных дел Франции. Зато Бабель мог спокойно дойти пешком до кладбища Монпарнас, где был похоронен Мопассан. Оно было не столь богато знаменитыми могилами, как Монмартр, но именно здесь покоился Ги де Мопассан, которого Бабель считал своим литературным кумиром. Мопассан умер спустя несколько месяцев после своей неудачной попытки самоубийства и был похоронен здесь, за год до рождения Бабеля.

Однако квартал Монпарнас был известен не из-за кладбища, а из-за многочисленных кафе. В великосветском «Café du Dôme» и «Café de la Coupole» встречались и русские эмигранты, среди которых были и чемпион мира по шахматам Александр Алехин, и звезда оперной сцены Федор Шаляпин. Бабель - один из немногих советских писателей, не сторонившихся эмигрантских кругов. Однако их разговоры ему не были интересны. Бабель характеризовал их, как «мещанская болтовня о политике, литературное пустословие, принижение советского искусства». Возможно, в его присутствии особенно следили за тем, что говорят: русские эмигранты относились к представителям нового советского государства, как правило, со скептицизмом. Но что было еще хуже, они презирали его. Из-за слухов о его тесных контактах с советской секретной службой его считали шпионом[1]. Действительно, Бабель часто встречался с сотрудниками самого жестокого из всех советских органов[2], и при проведении внезапных арестов к нему обращались за помощью[3] родственники арестованных. Но он отнюдь не был шпионом, он лишь занимался сбором материала для книги о ЧК[4].

Другой, шумный Париж, который Хемингуэй назвал «праздником жизни», Бабеля не прельщал. Легендарный книжный магазин «Shakespeare and Company», принадлежавший Сильвии Бич, и богемный кружок вокруг Гертруды Стайн, Джеймса Джойса, Мена Рэя его не интересовали. Он предпочитал встречаться с писателем Львом Никулиным, который как раз в то время находился в Париже, с художником Юрием Анненковым, бежавшими сюда после ре-

---

[1] См.: Поварцов С. Причина смерти: расстрел. М., 1996. С. 7.

[2] Письмо И. Гронского, преемника Полонского в должности главного редактора журнала «Новый мир», русскому ученому и знатоку Бабеля Сергею Поварцову. См.: Материалы следственного дела Бабеля. С. 136.

[3] Валентина Ходасевич рассказывала, что Бабель помог ее мужу избежать ареста // Воспоминания о Бабеле. С. 65.

[4] Запись от 20 декабря 1924 г. в дневнике Д. Фурманова. См.: Фурманов Д. Собрание сочинений. Т. 4. С. 342.

волюции. Он с удовольствием бродил с ними по городу и наблюдал за жителями более бедных кварталов, за их гостиницами и борделями. Или рассматривал картины художников, особенно нравились ему импрессионисты.

Хотя Бабелю с самого детства нравилась Франция, он быстро осознал, что не сможет там жить постоянно. Еще в начале октября 1927 г. он пишет Анне Слоним: «Жизнь веду простейшую - сочиняю, в кафе больше, чем на три франка «насидеть» не могу, денег мало, гулять не на что, пешочком хожу по улицам Парижа и присматриваюсь. Старыми знакомыми пренебрегаю, новых не ищу. Спать ложусь в одиннадцатом часу, и то поздно выходит, на нашей улице в десять вечера нельзя найти ни одного освещенного окна. Заманчивого, по-моему, в такой жизни мало, только что полезно. По логике вещей - надо искупать и надо терпеть. Но хорошо терпеть казаку, который рассчитывает стать атаманом, но каково терпеть казаку, который атаманом стать не рассчитывает? Так я вот - не рассчитываю...»[1]. А своему другу Лившицу он пишет: «Все очень интересно, но, по совести говоря, до души у меня не доходит. Духовная жизнь в России благородней. Я отравлен Россией, скучаю по ней, только о России и думаю»[2]. Бабель мечтал о том, чтобы вернуться в Москву вместе с семьей. Об этом он говорил со своей женой в Париже - но безуспешно.

Жене уже удалось обжиться. Она пробовала себя в качестве художницы и выставляла картины. Несмотря на перенесенную боль из-за связи мужа с Тамарой, она верила в их общее будущее и хотела уговорить Бабеля остаться. Они провели несколько дней в Марселе, вдвоем поехали к матери Бабеля и его сестре в Брюссель, оттуда дальше, в Остенде и на фламандский курорт Санкт-Идельсбад. Однако спокойная жизнь в Париже была ему не по душе.

Кроме того, его финансовое положение оставалось сложным. Получение гонорара в 250 долларов он сравнил с кислородом, который вернул его к жизни[3]. На короткое время. Поехать в Сорренто, куда его пригласил Горький, он не смог. Гонорар за издание «Конармии» на французском и испанском языках был невелик, а вопрос оплаты за «Закат» продвигался очень медленно.

Незадолго до отъезда Бабель отправил копию своей пьесы Вячеславу Полонскому, главному редактору литературного журнала

---

[1] Письмо Анне Слоним от 4 октября 1927 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 434.

[2] Письмо Л. Лившицу от 28 октября 1927 г.// Там же. С. 435.

[3] Письмо Кашириной от 16 декабря 1927 г.// Иванова Т. Мои современники... С. 292.

«Новый мир», в надежде на ее скорую публикацию и постановку. От него потребовали внести поправки, он сражался за каждое слово. Наконец, «Закат» был опубликован, а 23 октября состоялась премьера в Театре рабочих в столице Азербайджана Баку, далее - две постановки на театральных сценах Одессы. Сложнее обстояло дело с постановкой во 2-й студии Московского художественного театра. За премьерой 28 февраля 1928 г. Бабель следил с тревогой и пессимизмом, находясь в Париже. Его тревога была оправданной. Хотя пьеса и получила несколько положительных отзывов - «Комсомольская правда» писала о «прекрасном языке»[1], а в вышедшей в свет в 1927 г. книге о творчестве Бабеля было сказано, что «Закат» - «хорошая, сильная вещь»[2], однако большинство критиков дали убийственную оценку. Рецензия в «Известиях» заканчивалась фразой, что действительно хорошим было лишь оригинальное оформление сцены[3]. А «Правда» критиковала «бессодержательный и никчемный материал»[4]. После шестнадцати постановок пьесу, в которой не было правильной идеологии и не было никакой связи с революцией, сняли.

Сначала Бабель искал вину в актерах, затем в себе, поскольку его не было на репетициях в Москве. Эйзенштейн укрепил его в предположении, что причиной провала пьесы были упущения при инсценировке[5]. Бабель определенно удивился бы, если бы узнал, что пьеса была одобрена на самом высоком уровне еще до постановки. Называя ее «весьма приличной», Бухарин доложил Молотову и Сталину в письменном виде о поправках в тексте. Например, о том, что были вычеркнуты предложения, в которых Бабель использовал пренебрежительное слово «жид». Раздосадованный Сталин написал на полях: как «ограничены» ответственные работники, их следовало бы «освежить»[6].

Несмотря на финансовые трудности, Бабель все еще не отдавал в печать ни одного текста, который бы не отвечал его строгим требованиям. Редакторам, которым он обещал прислать рукописи, нередко приходилось подолгу ждать. «Профессиональное занятие литературой ..., дается мне с трудом, сомнения грызут меня, такой

---

[1] См.: Комсомольская правда. 1928. 1 марта.

[2] См.: Казанский В. И. Э. Бабель. С. 73.

[3] См.: Известия. 1928. 1 марта.

[4] См.: Правда. 1928. 1 марта.

[5] Лившиц Л. К творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 310.

[6] РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин). Оп. 11. Д. 708.

снисходительности к самому себе - писать и жить, как пишут и живут почти все другие, девяносто девять процентов пишущих, - не могу найти в своей душе»[1].

То, чего он достиг до сих пор, его больше не устраивало. В январе 1928 г. он сообщил своему другу Лившицу: «Снова, как в дни моей юности, я задумываю coup d'etat[2] в моей литературе». Он надеялся, что до лета ему это удастся, и добавлял: «До окончания работы в Россию не двинусь»[3]. Однако в конце августа, незадолго до своего отъезда, Бабель трезво констатировал: «Я до сих пор не привел свою литературу в вид, годный для печатания. И скоро еще это не будет. Трудновато мне приходится с этой литературой»[4].

Парижская эпопея, начинавшаяся с больших надежд и длившаяся четырнадцать месяцев, не удалась. На западе творческая жизнь для него была невозможна. Женя же отказалась ехать в Москву. А Бабелю вновь хотелось к «диким людям», «хлебнуть свежего воздуха». Ему хотелось набраться нового опыта, как он уже писал Горькому в начале года[5]. Для этого у одесского мессии было только одно место - Россия.

---

[1] Письмо Л. Лившицу от 20 марта 1928 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 444.

[2] Государственный переворот (фр.).

[3] Письмо Л. Лившицу от 10 января 1928 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 437.

[4] Письмо Л. Никулину от 30 августа 1928 г.// Там же. С. 451.

[5] Письмо М. Горькому от 29 февраля 1928 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 442.

Глава 6

СОМНЕНИЕ (1929–1932)

«Наш» вертлявый Бабель пишет о вещах,
ему совершенно неизвестных.

Из письма Сталина Лазарю Кагановичу

Вновь его путь пролегал через Берлин. И вновь Бабель наслаждался здесь несколькими беззаботными днями между трудными месяцами в Париже и не менее напряженным будущим, которое ему предстояло на родине. Вечера он проводил в ресторанах и трактирах бурлящего четырехмиллионного мегаполиса. В известном театральном ресторане «Schwanecke» он встретился с Виландом Херцфельде. Бабель был не единственным русским среди гостей и не единственным известным литератором. Но он был, наверное, одним из немногих, на кого это пестрое общество навевало скуку, поскольку не любил быть в центре внимания. Бабель презирал тщеславные разговоры, обычные в таких кругах. Там он познакомился с малоизвестным еще тогда немецким писателем Элиасом Канетти. Канетти прочитал рассказы Бабеля залпом и был очень рад знакомству с русским, тем более бегло говорящим по-немецки. Он предложил показать гостю Берлин без прикрас[1]. Бабелю хотелось простой немецкой стряпни. Гороховый суп и сосиски лучше всего было поесть в кафе «Aschinger» на площади Rosenthaler Platz, в квартале Hackeschen Viertel. Тарелка супа стоила всего лишь тридцать пфеннигов, а хлеб можно было брать в неограниченном количестве.

Канетти был в восторге от одержимости Бабеля, «у которого был такой сильный взгляд». При этом Бабель говорил мало. И тем не

[1] См.: Canetti E. Die Fackel im Ohr. Frankfurt am Main, 1998. S. 268.

менее в последующие дни он поведал Канетти так много тонкостей о писательском труде, что тот всем сердцем привязался к честному, неброскому и самокритичному русскому. Разумеется, он ничего не узнал о страхе и сомнениях Бабеля. Бабель так много рассказывал о своей жене, что Канетти казалось, словно она с ними рядом.

Бабель задержался там всего на несколько дней. В октябре 1928 г. он через Варшаву приехал в осенний дождливый Киев, пробыв за границей почти пятнадцать месяцев. Сначала остановился у своего знакомого врача Финкельштейна, затем переехал к Михаилу Макотинскому, редактору украинской киностудии. Несколько раз ночевал у своих знакомых, у Стахов, квартира их находилась в театре, в котором муж Татьяны работал режиссером. Однажды после своего возвращения Бабель написал Полонскому: «Я совсем смущен теперь, гнусь под напором впечатлений и новых мыслей - грустных и веселых мыслей»[1].

Страна Советов сильно изменилась. Первый пятилетний план как раз начал регулировать экономику. Тем самым нэп и связанная с ней относительно свободная и пестрая жизнь закончились. То недолгое время, когда советские граждане могли создавать свою репутацию и свое будущее, не с помощью членства в партии, но с помощью денег и предпринимательских способностей, прошло. В экономическом отношении страна немного оправилась и почти достигла уровня 1914 г. Но людям приходилось и дальше жить в квартирах с маленькой жилплощадью, и даже в больших городах не в каждом доме была вода и канализация.

Идеология продолжала править. Все клубы и казино к тому времени были закрыты. В отсутствие относительно свободного рынка крестьяне не могли получать приемлемых цен за свое зерно, возник дефицит хлеба. Продовольственная кампания с оркестром и фотосъемкой тоже ничего не изменила. Во время этой кампании партийные работники разъезжали по деревням, созывали жителей и выспрашивали, согласны ли они из-за бедственного положения в стране добровольно сдавать зерно в пользу голодающих. При ответе «да» оркестр играл туш, а имя добровольца записывалось на доску почета. При ответе «нет» звучала лишь барабанная дробь, а имя человека записывалось на черную доску. А затем начинались санкции, вплоть до смертной казни[2].

---

[1] Письмо от 16 октября 1928 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 286.

[2] См.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 63.

Вскоре вышло распоряжение Политбюро о введении карточек на хлеб. Были установлены нормы отпуска хлеба, макарон, сахара и чая[1]. Продажа одежды и обуви в следующем году почти полностью прекратилась. Других утешений, кроме партии, больше не осталось. Москва была избавлена от колокольного звона церквей, молельные дома закрыли или использовали не по назначению. Потребление алкоголя среди рабочих, что уже тогда было барометром состояния общества, еще до начала трудностей индустриализации, первых пятилеток, возросло в восемь раз. Положение грустное, писал Бабель своей матери, но, добавлял он, «это мой материал, мой язык, это мои интересы»[2].

Бабель сам по себе был человеком аполитичным. Он не состоял в рядах партии, не использовал свою славу писателя для получения высоких постов. Но, разумеется, он не мог оставаться равнодушным к деятельности диктатора: Сталин стал к тому времени единоличным правителем, устранив своих противников из так называемой левой оппозиции. Григорий Зиновьев и Лев Каменев были освобождены от обязанностей председателя Коминтерна и народного комиссара внешней и внутренней торговли, а также лишены членства в Политбюро. Хуже поступили с Троцким, который вначале был сослан в Алма-Ату (1928), Казахстан, а затем и вовсе выдворен из страны в 1929 г.

Бабель с большой обеспокоенностью следил за развитием политической обстановки в стране. Многие из его друзей по Конармии симпатизировали больше политическим планам Троцкого, чем Сталина. После изгнания Троцкого, как сообщает Бабель своему другу и поэту Багрицкому, начался «русский термидор»[3], время реакции. Конечно, это коснулось и литературы. Политика под руководством Сталина надела на людей искусства смирительную рубашку. На одних ее надели сразу, другим государство оставило больше времени. Или же власти обращались с ними так, что те не замечали менявшейся ситуации или сознательно закрывали глаза на это. Как, например, близкий друг и наставник Бабеля Горький.

---

[1] См.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 68.

[2] Письмо от 20 октября 1928 г.// Бабель И. Письма. С. 58.

[3] Липкин С. Квадрига. М., 1997. С. 329. Об этом предупреждал еще Троцкий. Понятие «термидор» означает реакционный период, который наступает после революционного. Термидор - девятый месяц по календарю, который действовал во Франции после Французской революции. 9 термидора (27 июля 1794 г.) Робеспьер был свергнут, и тем самым был открыт путь для Наполеона.

В апреле 1928 г. Горький вернулся в Россию так же через Берлин, правда, не так скромно, как Исаак Бабель, который приехал на обычном поезде и перешел границу неузнанным.

К приезду Горького за год вперед был создан комитет по организации его встречи. В Минске и Смоленске «великого мастера советской литературы», как его официально называли, ожидали тысячи людей, а в Москве на Белорусском вокзале его со всеми почестями встречали государственные деятели[1]. Вечером того же дня Сталин пригласил Горького в Большой театр. Сталин с уважением относился ко всемирно признанному писателю, кандидатуру которого в том же году предложил для награждения Нобелевской премией: Горький был нужен для реализации политики партии в области литературы. Он распорядился предоставить Горькому роскошную дачу на запад от Москвы, принадлежавшую в прошлом фабриканту и коллекционеру предметов искусства и живописи Савве Морозову.

Как когда-то царь ездил по стране, чтобы увидеть свой народ, так и Горький отправился по Советскому Союзу: от Крыма, через Кавказ, в свой родной Нижний Новгород на Волге. При этом у него сложилось удручающее впечатление от увиденного. Но он молчал. О первом «судебном процессе с народно-воспитательным характером», во время которого инженеры угольных шахт Шахтинского района Донбасса обвинялись в шпионаже, он не проронил ни слова[2]. И по вопросам литературы он высказывался лишь вскользь. Рассказывая в газете «Правда» о своем становлении как писателя, он лишь слегка прошелся по старой ссоре между Бабелем и Буденным: «Товарищ Буденный охаял «Конармию» Бабеля, - мне кажется, что это сделано напрасно»[3].

Ответ начальника советской кавалерии, увешанного орденами и вольготно чувствовавшего себя при Сталине, последовал незамедлительно. Как и в 1924 г., Буденный ответил открытым письмом. В этот раз он обратился не к небольшому кругу читателей литературного журнала, а к массовой читательской аудитории крупных газет «Правда» и «Красная газета»[4]. По его мнению, «революционные массы», участвовавшие в «героической классовой борьбе», на его стороне. Осторожное высказывание Шкловского, что военных

---

[1] И по сей день там стоит самый большой памятник Горькому в Москве.

[2] Ваксберг А. Гибель Буревестника. С. 217.

[3] Правда. 1928. 30 сентября. Цит. по: Левин Я. Исаак Бабель. М., 1990. С. 61.

[4] «Правда» и «Красная газета» от 26 октября 1928 г.// Там же.

предводителей всегда критично подавали их биографы, и что Кутузов, главнокомандующий русской армии в Отечественной войне 1812 г., так же был бы недоволен своим изображением в романе Толстого «Война и мир»[1], не смягчило старого вояку. Он вновь обвинил Бабеля в незнании Конармии, кроме того, у Бабеля не было якобы солдатского телосложения, и посему «настоящим, активным борцом» он никогда не был: он находился далеко за линией фронта и занимался лишь бесполезной бабской болтовней. Иными словами, Бабель даже не фантазирует, «он просто лжет».

Горький отреагировал сразу. Он не мог бросить в беде своего самого лучшего и талантливого ученика. Уже на следующий день в «Правде» появился его «Ответ С.М. Буденному»[2]. Правда, не в бескомпромиссной, оскорбительной форме, каким он был в первоначальном варианте. В нем Горький резко осуждал необразованного вояку, назидательно поучая: «Необходимо, чтобы критик был или культурно выше литератора, или, по крайней мере, стоял на одном с ним уровне культуры». Но это резкое высказывание не было бы опубликовано никогда. Члены редколлегии «Правды» обратились к Горькому с просьбой смягчить свой тон, что, в конце концов, и было сделано[3]. Тем не менее Буденному было высказано, что упреки, резкость его критики неуместны: «Бабель действительно талантливый человек. Среди нас не много таких, чтобы мы могли позволить себе их отвергать».

Бабель следил за полемикой, находясь в Киеве. Аванс гонорара от ВУФКУ в размере более 500 рублей, равный почти двухмесячной зарплате машиниста, позволял сносно существовать. Опасаясь, что корреспонденция из-за рубежа вскрывается, своей матери в Бельгию он писал успокоительные письма о том, что «возвеселился, даже разбух от удовольствия»[4]. В письме к Анне Слоним, напротив, возмущался «мягким» ответом Горького на уничижительное письмо Буденного, которое назвал «полным зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма»[5].

«Годом великого перелома» определил Сталин 1929 год. Это относилось, прежде всего, к беспощадной индустриализации и началу коллективизации в сельском хозяйстве. Но «революция

---

[1] См.: Меркин Г. С. Буденный и И. Бабель. С. 99.

[2] Правда. 1928. 27 октября. Цит. по: Левин Я. Исаак Бабель. М., 1990. С. 70.

[3] См.: Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 455.

[4] Письмо от 28 октября 1928 г.// Бабель И. Письма. С. 60.

[5] Письмо от 29 ноября 1928 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 291.

сверху», которую подразумевал Сталин, проходила одновременно с большевизацией литературы. Была усилена цензура, частные издательства закрыты, а государственные поставлены под непосредственный надзор партийных органов. Пролетарский союз писателей РАПП требовал ведения радикальной классовой борьбы и подчинения литературы господствующей идеологии. Ошибки стали недопустимы. Секретарша одной из крупных газет, напечатавшая в одной статье о Сталине слово «вздор» вместо «взор», заплатила за опечатку жизнью[1].

«Вечерняя Москва» четко выразила суть новой политики: «Литературная армия должна работать на передовой социалистического строительства. Советский писатель должен быть борцом за социализм»[2]. От каждого требовалось: либо за, либо против социализма сталинского толка; тот, кто противился заданному курсу, становился неугодным, его отстраняли от должности или заставляли совсем замолчать. В области культуры, как и в остальных сферах жизни, для Сталина существовали лишь категории «нужен» или «не нужен», «полезен» или «мешает»[3].

Воронский мешал. Его уже давно вытеснили из журнала «Красная новь», а в начале 1929 г. арестовали как троцкиста и выслали в Липецк, расположенный в 400 километрах к югу от Москвы. Вскоре был уволен его коллега Полонский из журнала «Новый мир». Правда, его вскоре вновь взяли на работу, но в 1931 г. окончательно освободили от должности главного редактора. Луначарский, которому так и не удалось дойти до партийных верхов, был вынужден сложить свои полномочия наркома просвещения. Таким образом, в течение нескольких месяцев три важных союзника Бабеля потеряли свое влияние на советскую культуру.

Летом началась организованная травля первого известного «попутчика» Бориса Пильняка. Поводом к этому послужил его роман «Красное дерево», который был опубликован не в России, а в Берлине. В нем он осмелился критиковать советскую бюрократию в провинции. Но еще тремя годами раньше он попал в число неугодных своим произведением «Повесть непогашенной луны» о командарме Михаиле Фрунзе, Пильняк косвенно обвинял Сталина в его смерти, за это практически был объявлен вне закона. Его лишили

---

[1] Волкогонов Д. М. Сталин. Дюссельдорф, 1993. С. 372.

[2] Вечерняя Москва. 1929. 23 ноября. Цит. по: Eimermacher K. Die sowjetische Literaturpolitik. S. 81.

[3] Волкогонов Д. М. Сталин. С. 191.

должности председателя Всероссийского союза писателей, он все чаще оказывался в изоляции[1].

Нападкам подвергся и Евгений Замятин, когда оригинал его романа «Мы», опубликованный еще в 1924 г. на английском языке, вышел в 1929 г. в эмигрантской газете «Воля России». Его обвиняли в контрреволюции из-за его антиутопии, в которой он изображал ужасы тоталитарного режима. Это была первая книга подобного рода, за ней последовали Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл. Разозлившийся Замятин в альбоме одного из писателей, с которым состоял в дружбе, сделал запись: «Когда тонул «Титаник», капитан до конца стоял на мостике - и до конца играл оркестр. Мы - оркестр, и мы будем играть до конца»[2]. Он направил смелое послание Сталину, и ему... неожиданно разрешили покинуть страну. Исключение...

Со стороны Бабеля было умно, что в те месяцы он держался подальше от центра событий. Разъезжал повсюду, в основном по югу России. Там он получил известие, что жена Женя 17 июля 1929 г. родила дочь. Бабель обрадовался своему второму ребенку, которого он называл не Натали, а по-русски - Наташа.

В августе он поехал навестить своего сосланного друга Воронского и провел две недели в Липецке, где узнал много нового о литературной политике. Хотя он жил не в доме своего бывшего редактора, но завтракали, обедали и ужинали всегда вместе. Для Бабеля был устроен даже литературный вечер[3]. Своей матери он сообщил в конце августа, что Воронский сильно болен, «у него появились морщины»[4]. Писать такое письмо из Липецка за границу было так же рискованно, как и вообще навещать ссыльного. Контроль со стороны органов не был исключен. К тому же Бабель был известным человеком, поэтому его пребывание в провинциальном городе едва ли могло остаться незамеченным.

В Москву Бабель вернулся лишь в декабре. Благодаря хорошим связям своей знакомой Евгении Соломоновой-Гладун, он остановился в бывшем имении графа Шереметьева в Кусково, в двадцати минутах езды на поезде от Москвы. После революции городские власти открыли в этом прекрасном имении санаторий для писателей. Здесь было достаточно времени, чтобы подумать о дальнейших

---

[1] Пильняка арестовали в 1937 г., расстреляли 21 апреля 1938 г.

[2] РГАЛИ. Ф. 2524. Оп. 1. Д. 94.

[3] См.: Спектор У. К Воронскому в Липецк//Тамбовская правда. 1989. 19 апреля.

[4] Письмо матери от 31 августа 1929 г.//Бабель И. Письма. С. 84.

планах. Постоянного источника доходов у него не было, так же, как и надежд на улучшение жизни. К тому же он довольно долго ничего не писал. Он собрался вновь взяться за писательскую работу, и не в последнюю очередь из-за нужды в деньгах. В качестве темы напрашивалась как раз начавшаяся индустриализация. И, конечно же, коллективизация сельского хозяйства.

В определенном смысле Бабель тем самым следовал партийной директиве, требовавшей от писателей отображения героического выполнения задач пятилетнего плана - части крупномасштабного строительства. Боевой дух «На предприятия, в колхозы!»[1] охватил всю пишущую братию. В том числе Бабеля. Он отправился туда, где насаждаемые Сталиным перемены в сельском хозяйстве проходили беспощаднее всего - на Украину. Примерно в сорока километрах от Киева находилась деревня Великая Старица, куда Бабель приехал в феврале 1930 г. В общей сложности он пробыл там два месяца. На селе он бывал и раньше. С удовольствием вспоминал идиллию, которую увидел: по пыльным улицам везли повозки неуклюжие лошади, ивовые прутья обрамляли палисадники, вокруг беленьких хат поля с подсолнухами. Однако это были лишь красивые декорации варварской войны партии против своего народа. Коллективизация, а точнее, раскулачивание крупных и средних крестьянских дворов, проходила с жестоким насилием при помощи армии. Особенно в деревнях, которые не подчинялись добровольно. К ним относилась «позорным образом» и деревня Великая Старица, как писала газета «Пролетарская правда»[2]. Каждый четвертый ее житель считался кулаком[3].

Сначала коллективизация проходила не так, как было запланировано. В Великой Старице, например, во время собрания жителей деревни до смерти избили члена местной партийной ячейки[4]. Наказание в таких случаях было крайне жестоким. Или вырезали скот, или расстреливали нескольких крестьян для запугивания остальных.

Даже спустя годы Бабель с содроганием вспоминал о жуткой тишине в селах. В некоторых не было ни коров, ни свиней, ни гусей, ни кур, не было слышно даже лая собак[5]. Бабель приходил в

---

[1] Richard Lorenz. Der Stalinismus und die sowjetischen Schriftsteller// Gabriele Gorzka (Hrsg.). Kultur im Stalinismus. Bremen, 1994. S. 83.

[2] См.: Пролетарская правда. 1930. 18 февраля.

[3] См.: Зил А. Великая Старица. (Неопубликованная рукопись.)

[4] Там же.

[5] См.: Sinkó E. Roman eines Romans. Berlin, 1990. S. 297.

ужас от такой «коллективизации». «Вы себе представить не можете! - только и бормотал он, когда по возвращении хотел рассказать Макотинскому о своих впечатлениях. - Это и описать невозможно! Я ни-че-го не по-ни-маю!»[1]. Подобным образом отреагировал и Борис Пастернак на увиденное: «Мне стало плохо. Я целый год не мог писать»[2]. Как и для многих русских писателей, деревня для Бабеля имела сакраментальное значение. Там было все просто, все ограничено до минимума, необходимого для жизни, никакой роскоши. Сердце России. Но именно здесь государство и свирепствовало.

После катастрофы неурожайных 1928 и 1929 гг., по мнению руководства Советов, на карту было поставлено дальнейшее существование Советского Союза, которому якобы угрожали подрывные махинации кулаков. Говорилось о том, что эти крестьяне-капиталисты саботируют государственные заготовки зерна. Осенью 1929 г. «Правда» призвала всех к «повальной коллективизации»[3]. Как это осуществить на деле, никто не знал. Концепции или точных указаний не было. Однако всем тем, кого послали во все концы страны для претворения этой директивы, было ясно сказано, что при проведении разъяснительно-карательной работы лучше принимать меры слишком жесткие, чем недостаточно жесткие[4]. Крестьян-единоличников обложили непомерными налогами по сдаче зерна. Некоторые покупали зерно на рынке, лишь бы выполнить государственные нормы. В «благодарность» за это их зачастую в вагонах для скота ссылали в Сибирь или расстреливали. На фоне бесчисленных жертв цинично выглядела статья Сталина, появившаяся в марте 1930 г. в «Правде» под названием «Головокружение от успехов»[5]. Диктатор был доволен, что уже через полгода после объявления тотальной коллективизации половина крестьянских дворов перешла к государству - план был перевыполнен. Однако, говорилось в статье, некоторые товарищи при выполнении плана допустили перегибы и были опьянены столь грандиозными успехами. Сталин пожурил их: «Нельзя насильно вводить коллективное хозяйство».

Но были и те немногие, кто тайно протестовал. В южнороссийском городе Астрахани кто-то в здравом уме написал на стене одной фабрики: «Любой дурак может править так, как Советская

---

[1] Макотинский М. Умение слушать // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 105.

[2] См.: Conquest R. The Harvest of Sorrow. P. 10.

[3] См.: Правда. 1929. 31 октября.

[4] См.: Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Oxford, 1994. P. 48.

[5] См.: Правда. 1930. 2 марта.

власть, - загонять людей в голод»[1]. Именно это и было результатом коллективизации: почти два миллиона было депортировано в 1930 и 1931 гг., более шести миллионов умерло от голода[2]. Только за первые девять месяцев 1933 г. в Великой Старице от голода умерли 46 человек. Герцен, протагонист свободной русской прессы в XIX в., однажды заметил, предвосхищая события, что он больше всего боится «Чингизхана с телеграфом»[3].

Бабель не скоро оправился от шока. То, что он пережил на Украине, оставило в нем, как он написал своей матери, «одно из самых резких воспоминаний за всю жизнь»[4]. В итоге он все же начал писать о деревне и коллективизации. Великая Старица была переименована в Великую Криницу - это название должен был получить и задуманный цикл рассказов, из которых при жизни Бабеля был напечатан лишь один-единственный - «Гапа Гужва». Он появился в журнале «Новый мир»[5].

В этом рассказе изображается жизнерадостная вдова Гапа Гужва. Деревенский люд празднует одновременно шесть свадеб, пропивает свою былую жизнь, в то время как уполномоченный из округа по коллективизации с грустью глядят на строптивцев. На следующий день его снимают с работы, а преемник дает распоряжение посадить всю деревню на скамью подсудимых. Он уверяет Гапу Гужву в том, что житье будет и в будущем, «только другое, лучшее».

Простыми и ясными словами Бабель показал бессмысленность коллективизации. Он вновь нашел материал, который привлекал его. У многих читателей возникало впечатление, что Бабель написал вторую часть «Конармии», и действительно коллективизацию можно было принять как своего рода гражданскую войну. «Деревня его, так же, как и Конармия, - кровь, слезы, сперма», - писал Полон-

---

[1] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». С. 82.

[2] Установить точную цифру представляется вряд ли возможным. Историк Николас Верт (Nicolas Werth) в «Черной книге коммунизма» («Schwarzbuch des Kommunismus») указывает 6 миллионов умерших (Stéphane Courtois u. a. [Hrsg.]. Das Schwarzbuch des Kommunismus. München, 1998. S. 178.). Его коллега Роберт Конквест (Robert Conquest) называет цифру в 7 миллионов умерших от голода и 6,5 миллионов умерших вследствие раскулачивания. (Conquest R. Harvest of Sorrow. P. 306.)

[3] См.: Conquest R. Harvest of Sorrow. P. 261.

[4] Письмо от 11 февраля 1931 г.//Бабель И. Письма. С. 120.

[5] Бабель изменил название, чтобы избежать критики, как в случае с «Конармией». В рассказе «Колывушка», который был напечатан лишь после его смерти в альманахе «Воздушные пути» (1963. № 3) в Нью-Йорке, было сохранено настоящее название села.

ский[1]. Правда, пролетарская литература выглядела по-другому, но Бабель не мог и не хотел писать по-другому. И поскольку он знал, что его стиль повествования больше не был востребован и даже мог доставить ему серьезные трудности, он оставлял большинство текстов у себя, не отдавал на публикацию. К ним относились также и другие рассказы из цикла «Великая Криница»[2].

Это было для него новым. Начиная с этого времени, немалая часть его произведений хранилась в металлическом ящике, о котором знали его друзья. Физик Александр Вайсберг однажды спросил, почему он больше не пишет? Бабель вынул из ящика десяток толстых, перевязанных тетрадей, своих рукописей[3]. Матери он написал: «Вообще то, что печатается, есть ничтожная доля сделанного»[4]. И он загадочно намекнул, что его прежние рассказы по своему содержанию являются «настоящей мелочью по сравнению с тем, что уже сделано; тяжелое орудие я пока сдерживаю»[5]. Когда же он намеревался пустить в ход словесную артиллерию? И против кого?

Бабель об этом никогда не говорил. Но совершенно очевидно, что тот, кто приписывал себе сочетание таких качеств, как терпение и упрямство, не мог просто смириться с обстоятельствами. Он продолжал ездить, наблюдать и писать так, как он считал правильным. Писатель, переставший писать, перестает дышать. Он считал себя хронистом времени, в котором не хотелось бы жить, но свидетелем которого всё же хотелось быть, чтобы запечатлеть для будущих поколений невероятные, возможно, неповторимые события. Для этого нужно было иметь мужество и самоотверженность. Скептицизм по отношению к Советскому Союзу подтолкнул Бабеля к этому опасному для него решению. Еще до поездки во Францию началась его внутренняя эмиграция, а теперь он ее последовательно осуществлял.

Составив себе картину коллективизации, в июле 1929 г. он последовал зову индустриализации. Для этого ему не потребовалось далеко ехать, так как следующая цель его поездки находилась там

---

[1] Полонский В. Из дневника 1931 года // Воспоминания о Бабеле. С. 198.

[2] «Новый мир» объявил о том, что в 1932 г. будут опубликованы пять рассказов, но напечатан был лишь «Иван-да-Марья». Другие, пропавшие рассказы назывались: «У Троицы», «Медь», «Весна» и «Адриан Маринец» по имени одного из жителей Великой Старицы.

[3] См.: Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. Мюнхен, 1980. С. 369.

[4] Письмо матери от 2 января 1932 г. // Бабель И. Письма. С. 163.

[5] Письмо от 8 ноября 1931 г. // Там же. С. 153.

же, в Украинской Республике - Донецкий угольный бассейн, Донбасс. Для написания сценария запланированного, но так и не снятого фильма он ездил на горно-металлургический завод в Днепропетровске, а затем на стройку плотины на Днепре.

Вернувшись в Москву, он прочитал в «Литературной газете», рупоре ФОСПа[1], что в одном интервью произнес слова, которые несовместимы со званием советского писателя[2]. Еще во Франции корреспонденту польской газеты «Литературные ведомости» он сказал будто бы следующее: «Последнюю лазурь я видел в 1914 г. После этого цвет неба был похож на цвет грязного хлопка. А с 1917 г. он превратился в красный флаг». Какой скандал! Были ли это действительно слова Бабеля? От него этого можно было ожидать.

Через три дня Бабеля вызвали на заседание Союза писателей, на котором он должен был выступить в свое оправдание. Свою оправдательную речь он начал с того, что назвал это интервью «фальшивкой». Вспомнил о начале своего писательского пути, присовокупил, наверное, в качестве доказательства прежней лояльности к советскому государству, о своей работе с ЧК и объявил себя «одним из немногих фанатиков» советской литературы. Однако этого было недостаточно. Тогда Бабель назвал позицию «попутчиков», к которым он причислял также и себя, не отвечающей духу времени, и заявил, что поддерживает критику Буденного в адрес «Конармии». Затем он объявил, что убедит всех сомневающихся через три месяца, написав книгу[3]. Смелый шаг, так как теперь он должен был сдержать слово, которое в определенной степени дал и партии. Через два дня, в следующем номере «Литературной газеты», он сообщил, о чем будет идти речь в новой книге: последние два года он провел «в деревне, в колхозах, на фабриках»; именно это и будет темой его будущей книги[4].

У Бабеля было уже готово и название - «Коля Топуз». Это история человека, который смог найти свое место в новой, советской реальности: первое время он работает в колхозе, затем переезжает в Донбасс и добывает под землей уголь. Герой - не какой-нибудь сын рабочего, а бывший гангстер из Одессы - Бабель под другим именем хотел вновь воскресить Беню Крика[5]. Такой материал дал бы ему возможность связать советскую реальность со своими еврейски-

---

[1] Федерация объединений советских писателей.

[2] См.: Литературная газета. 1930. 10 июля. Статья Б. Ясенского.

[3] ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 6.

[4] Литературная газета. 1930. 15 июля.

[5] См.: Antonina Pirozhkova. At his Side. South Royalton, 1996. P. 107.

ми и одесскими корнями. Бене Крику, которого в фильме пришлось позволить расстрелять, предстояло теперь с наглостью, силой воли и врожденным остроумием пробиваться сквозь дебри сталинского бюрократизма.

Бабель долго работал над этой книгой[1]. Возможно, он начал писать ее еще до разговора в Союзе писателей. Полонскому еще за год вперед дал понять, что планирует «роман страниц на триста»[2]. Но скандал вокруг интервью основательно измотал его. Матери он написал, что температура почти свалила его с ног[3]. Но теперь, после выздоровления, его писательский труд должен вновь находиться в центре внимания.

Бабель уехал из шумной Москвы в поисках спокойного места вблизи столицы. Молоденово - примерно в 40 километрах от Москвы и совсем недалеко от имения Горького - было то, что он искал. Он остановился у Ивана Карповича Крупнова по улице Деревенской, 16. Деревянный дом с роскошными резными наличниками стоял прямо на холме. Летом Бабель мог видеть из своей комнаты на втором этаже зеленые луга и березовую рощу. Внизу вилась речка Вяземка, впадавшая в Москву-реку.

Разумеется, Бабель выбрал это место не только из-за красивого ландшафта. Здесь он прожил два года, часто довольный обстоятельствами. Молоденово было не только крепкой деревней, но и колхозом. Так он мог продолжать наблюдать за дальнейшим ходом коллективизации в непосредственной близи. Хозяин Иван Крупнов рассказывал ему о проблемах и заботах колхоза, и какое-то время Бабель даже помогал вести колхозные дела. В этом пригодилось его коммерческое образование. Однако убедился ли он в том, что «колхозный путь, путь социализма, был единственно верным путем для трудящихся крестьян»[4], как было написано в артельном уставе шесть лет спустя? Учитывая то, что он видел на Украине, очень сомнительно, даже если процесс коллективизации вблизи Москвы проходил совсем не так жестоко, как, например, в Великой Старице.

Но была и другая причина, которая привела Бабеля в Молоденово. К его большому удовольствию, здесь разводили лошадей. Со времени его пребывания в Конармии он пользовался любой возмож-

---

[1] Это помнят Антонина Пирожкова, а также Илья Эренбург. См.: Литературное наследство. Т. 70. С. 40.

[2] Письмо от 8 апреля 1929 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 455.

[3] Письмо от 22 июля 1930 г.// Бабель И. Письма. С. 102.

[4] Устав сельскохозяйственной артели в 15-ю годовщину Октября. Звенигород, 1936. С. 3. (Тираж брошюры 35 экз.)

ностью посетить конный завод. Несколько месяцев в 1926 и 1929 гг. он провел в Хреново, недалеко от Воронежа - «Мекке и Медине русских конных заводов», как сообщала специализированная газета «Коневодство и конезаводство» в 1929 г.[1] Хреново славилось выведением породистых орловских рысаков, изящных и в то же время выносливых лошадей для верховой езды и легкой упряжки.

Кроме разведения лошадей, бывшего кавалериста-агитпроповца интересовал также конный спорт. Со своим коллегой, писателем Львом Никулиным, жившим недалеко от Московского ипподрома, Бабель часто приходил ранним утром к лошадям, чтобы понаблюдать за работой тренеров, поболтать с ними об очередных больших скачках. Это было сугубо мужское общество. На старом, почти столетнем ипподроме, с похожей на дворец главной трибуной, где люди толкались и пили водку, Бабель чувствовал себя комфортно. Здесь рабочие и крестьяне из близлежащих деревень бились об заклад. Бабеля это не интересовало, он был уверен в том, что выиграть могли только мошенники и дамы: мошенники - потому что скачки были их жизнью, а дамы - потому что ставили на лошадь с самым красивым именем, и тем самым в первый же раз побеждали.

Из Молоденово Бабель также ездил на скачки в Москву. В остальном он много работал: «Тапочки, шнурки в руках и ежедневно поход в тысячу верст в моих четырех стенах»[2]. Ему нравилось жить в уединении. Он купался в Москве-реке, ездил верхом, купил себе граммофон. А вечерами, не в радость Бабелю, ему приходилось выпивать с хозяином. Но в большинстве случаев он был один и писал, писал. «Довольно скучное это дело, приближение к мудрости»[3], - стонал он зимой, когда температура упала до минус 25 градусов. Но как только с весенним солнцем на деревьях и лугах опять заиграли пестрые цвета, он начал восторгаться: «Так чудесно, светло и мирно я еще никогда не жил»[4].

О Мануйлыче, как называли Бабеля по отчеству в деревне, заботились. Когда он однажды ночью вернулся из Москвы и бессонно бродил по комнате, его хозяин на следующее утро отвел в сторону и сказал, что он и его жена слышали, как он ходил по комнате, и решили, что у него не хватает денег. Они хотели бы ему помочь. Зимой они могут продать корову и одолжить ему выручку до сле-

---

[1] См.: Коневодство и конезаводство. 1929. 15 декабря.

[2] Письмо матери и сестре от 27 февраля 1931 г.// Бабель И. Письма. С. 122.

[3] Письмо матери от 14 января 1931 г.// Бабель И. Письма. С. 116.

[4] Письмо матери от 19 мая 1931 г.// Там же. С. 132.

дующей весны[1]. Бабель был тронут, но предложения не принял. Он держался благодаря авансам, иногда пытался напечатать один и тот же рассказ в нескольких издательствах. Неоднократно просил отсрочку у Полонского, но тот в конце концов разозлился: рассказы, о публикации которых уже было объявлено, не были готовы даже в рукописи.

Как и прежде, Бабель писал медленно, круг его тем был ограничен. Он боялся написать плохой рассказ. Но и не собирался «ни на йоту» изменять принятую им систему работы[2]. Те немногие рассказы, которые были напечатаны, вызвали у читателей восхищение. Бабель представил рассказы «Гюи де Мопассан» и «Улица Данте» в Московском театре Вахтангова. Его друг и коллега писатель Илья Ильф был в восторге: «Хорошо темперированная проза. Действует, как музыка, а так просто!»[3].

Как только Бабелю становилось скучно в деревне или хотелось поговорить о литературе, он отправлялся в путь: вниз по пригорку, вдоль реки, до большой улицы, на которой находилась дача его друга Горького, собственно, вилла с территорией, похожей на парк. Горький предложил Бабелю приходить к нему в гости «в любой день к обеду - это в два часа»[4]. И Бабель приходил часто, хотя бы для того, чтобы воспользоваться единственным на всю округу телефоном. Он часто опаздывал. Но всегда было забавно, когда после полуироничного замечания Горького о том, что Бабель наверняка расскажет что-нибудь интересное о лошадях и много другое, он действительно начинал рассказывать. Во время прогулок по саду, тянувшемуся вплоть до самого берега Москвы-реки, они, наверное, говорили и на более серьезные темы. Оба ценили друг друга, оба доверяли друг другу. Видимо, 37-летний Бабель много рассказывал 63-летнему Горькому о своих поездках в места индустриализации и коллективизации. И о своем недоумении и непонимании последних событий.

Происходили странные вещи, не только в дальних республиках, но и в нескольких десятках километрах отсюда, в первом городе страны - Москве. На пространстве между Тихим океаном и Черным морем использовалось только московское время. Если на

---

[1] Макотинский М. Умение слушать // Воспоминания о Бабеле. С. 107.

[2] Письмо Полонскому от 31 июля 1928 г. // Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 450.

[3] Бондарин С. Прикосновение к человеку // Воспоминания о Бабеле. С. 99.

[4] Ходасевич В. Каким я его видела. С. 67.

железнодорожном билете было указано 14 часов, то это было московское, а не местное время. А утренние новости на радио Москвы предварял бой часов со Спасской башни Кремля. Из-за честолюбивого желания стать городом мира были начаты многие крупные проекты. Глядя на эти грандиозные планы, могло показаться, что наступило время исполнения грез человечества и что социализм может творить чудеса. В 1931 г. начались работы по строительству канала Москва-Волга. В том же году было решено начать строительство Дворца Советов. Для этого необходимо было снести величественное здание храма Христа Спасителя. На строительной ограде было написано: «Вместо рассадника религиозного опиума - Дворец Советов»[1]. Здание должно было иметь высоту четыреста шестнадцать метров, на восемь метров больше, чем самый высокий небоскреб того времени - Empire State Building в Нью-Йорке. После того как храм был снесен, началось строительство метрополитена, «иконы современности». Это был любимый объект Сталина. Он распорядился, чтобы все необходимые материалы доставлялись сюда незамедлительно.

В таком распоряжении была необходимость, поскольку ситуация с обеспечением даже в Москве ни в коей мере не соответствовала представлениям партии. И это несмотря на то, что столица наряду с Ленинградом, Баку и Донбассом относилась к регионам, которые обеспечивались в первую очередь. Сорок процентов всего населения СССР получали 80 процентов продукции всей страны. И всё же часто не хватало самого необходимого. Так появился тип советского человека «хомо советикус», который значительную часть времени тратил на добывание дефицита. Лишь владельцы золота или иностранной валюты могли на них купить почти всё в магазинах Торгсина[2]. Эти магазины открыли для пополнения золотовалютных запасов: государственная казна была настолько пустой, что Сталин даже распорядился увеличить производство водки, чтобы возросли поступления в бюджет[3].

Свободного времени у советских граждан почти не было, а скользящая шестидневная неделя забрала у них коллективный выходной

---

[1] См.: Timothy J. Colton. Moscow. Cambridge, 1995. P. 264.

[2] Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. Название, вводящее человека в заблуждение, поскольку покупателями должны были быть, прежде всего, советские граждане.

[3] Письмо Сталина В. Молотову 1 сентября 1939 г.// См.: Lars T. Lih / Oleg Naumov / Oleg Chlewnjuk (Hrsg.). Stalin. Briefe an Molotow 1925-1936, Berlin, 1996. S. 226.

день: пять рабочих дней, один выходной, пять рабочих дней и т. д. В этом принимал участие официально каждый, так как на основе указа были закрыты ведомства по трудоустройству и вместе с ними устранена безработица. Рабочая сила использовалась, например, чтобы полностью вырубить прекрасную аллею на Садовом кольце. Говорят, Сталин боялся, что листья при газовой атаке будут впитывать в себя ядовитые газы[1].

Горький наблюдал всё это. Ему казалось, что почти вернулись времена после революции 1917 г. Но так критически, как прежде, он больше не мог высказывать свое мнение, возможно, и не хотел. Или он питал иллюзию, что может влиять на Сталина: до сих пор ему это удавалось, как в случае с Замятиным, но чаще Горький был бессилен. Как он себя чувствовал, когда одна газета присудила ему звание «Лучший ударник пролетарской литературы»?[2]

Несмотря на прекрасное времяпровождение в Молоденово и временный подъем настроения, за которым всегда следовали периоды меланхолии, Бабель с осени 1931 г. стал оформлять визу во Францию: хотел непременно увидеть свою дочь Натали. Однако он осознавал, что компетентные органы дадут ему разрешение на выезд лишь в том случае, если он представит новые произведения. Произведения, которые по содержанию и форме должны быть социалистическими. Сценарии их не интересовали, это должна быть литература.

Во время пребывания в Молоденово в 1931 - 1932 гг. было издано девять произведений Бабеля[3]. Не слишком много. И за исключением «Гапы Гужвы» для запланированной книги о коллективизации он не написал ничего нового. Другие рассказы были лишь дополнением старых циклов - «Одесских рассказов» и «Истории моей голубятни». Обещанный роман о новом времени, о пятилетке и социалистических преобразованиях он всё еще не написал.

Он не раз подавал документы на оформление визы, но всякий раз получал отказ. При этом Бабель придумывал разные причины, чтобы смягчить черствые сердца бюрократов. Московскому партийному секретарю он написал, что его жену должны оперировать, он должен находиться рядом с ней, и после этого вместе с дочерью вернуться в Москву; отрыв от семьи он переносит так трудно, что

---

[1] См.: Ehrenburg I. So habe ich gelebt. Berlin, 1995. S. 51.

[2] См.: Комсомольская правда. 1932. 25 сентября.

[3] 1931 г.: «Карл-Янкель», «Пробуждение», «В подвале», «Гапа Гужва»; 1932 г.: «Конец богадельни», «Дорога», «Иван-да-Марья», «Гюи де Мопассан» и «Аргамак».

просто не может закончить пьесу и «роман о петлюровщине»[1]. Но Каганович не поддавался, он был подготовлен. В одном письме Сталин отозвался о Бабеле отрицательно: ««Наш» вертлявый Бабель пишет о вещах, ему совершенно неизвестных», добавив в скобках «Наприм., «Конная армия»»[2]. А на резолюции ЦК на выезд Бабеля за границу Сталин собственноручно написал: «Решительно против». Казалось, он стал постепенно осуществлять свою месть.

Бабель был на краю пропасти. В течение шести лет он из звезды превратился в просителя выездной визы. Горькому он открыто говорил о своей беде: «Меня уничтожили. Сокрушить человека в тех областях, в которых сокрушили меня - это можно только за преступление против государства, против Советской власти. Но я таких преступлений не совершал, напротив. Так нельзя говорить, но это уже случилось»[3].

Наконец Бабель получил разрешение на полтора месяца[4]. А до этого Горький почти каждый день звонил Кагановичу и просил за Бабеля[5]. Возможно, еще помогли его конармейские связи. Бабель не мог рассчитывать на принятое в советском государстве субсидирование заграничных поездок знаменитых людей. Сталин в письме на имя Кагановича и Молотова подчеркнул: «Бабель не стоит того, чтобы тратить валюту на его поездку за границу»[6]. Несмотря на то что в Париже у него почти не будет денег даже на самое необходимое, Бабель радовался: наконец-то он сможет увидеть свою дочь.

Но был еще и другой повод радоваться. Бабель нашел в Москве квартиру, которая соответствовала его потребностям. Летом 1932 г. он переехал к австрийскому инженеру Бруно Штайнеру в маленький уютный домик в Большом Николо-Воробинском переулке, в старой части Москвы. На каждого приходилось по две комнаты на

---

[1] Письмо от 27 июня 1932 г.// Власть и художественная интеллигенция (1917-1953). Москва, 1999. С. 180. Семен Петлюра был украинским националистом, воевавшим во время Гражданской войны против Красной Армии. Главнокомандующий украинскими войсками ответственен за многочисленные погромы. Убит в эмиграции в Париже в 1926 г.

[2] Письмо Сталина Л. Кагановичу от 7 июня 1932 г.//РГАСПИ. Ф. 81 (Каганович). Оп. 3. Д. 99.

[3] Письмо от 5 июля 1932 г.//ИМЛИ. (Архив Горького) КГ-п 7-17-6.

[4] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 34. Д. 206. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 180.

[5] Письмо Л. Кагановича Сталину от 23 июня 1932 г.//РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин). Оп. 11. Д. 740.

[6] Письмо Сталина Л. Кагановичу и В. Молотову от 26 июня 1932 г.// РГАСПИ. Ф. 81 (Каганович). Оп. 3. Д. 99.

верхнем этаже; жилая комната, рабочий кабинет и кухня на первом этаже делились на двоих. Бабель платил 400 рублей за проживание, Штайнер покупал продукты в магазине Торгсина. Им прислуживали повариха и горничная.

В день, когда Бабель получил разрешение на поездку во Францию, он познакомился с 23-летней Антониной Николаевной Пирожковой во время обеда у общих знакомых. Бабелю понравилась уверенная в себе молодая сибирячка, которая была одной из немногих женщин-инженеров, выбранных для строительства метро. А Антонина была очарована обаянием и шутками Бабеля[1]. Так, например, он объяснил ей историю названия Большого Николо-Воробинского переулка: строительство одноименной церкви на другой стороне улицы финансировалось тем, что «воробьев ловили, жарили и продавали»[2].

Она переехала на квартиру Бабеля, чтобы охранять пустующее жилье от принудительного заселения. А он вновь отправился в Париж. И снова он уезжал с Белорусского вокзала, вновь поздним летом и вновь с любовной связью, о которой жена ничего не знала. Он ехал, в первую очередь, чтобы увидеть свою дочь и убедить свою жену вернуться в Москву. Но верил ли он в это действительно после всего, что пережил в Советском Союзе за последние четыре года со времени своей последней поездки во Францию? Или Бабель втайне планировал эмиграцию, чтобы спасти свою семью?

---

[1] См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 1.

[2] Там же. P. 3.

Глава 7

МОЛЧАНИЕ (1932–1936)

Главные прогулки по-прежнему – на кладбище или в крематорий.

Бабель в письме своей сестре и матери

Среда, 26 октября 1932 г., 9 часов вечера, Москва. В больших окнах особняка в стиле модерн на Малой Никитской улице, 6, ярко горит свет. Внутри искрятся искусно украшенные люстры, их свет отражается на огромной белой мраморной лестнице, похожей на водный каскад.

Максим Горький, которому государство предоставило во временное пользование роскошный дом, изъятый у предпринимателя и мецената Степана Рябушинского, пригласил гостей на литературную встречу. Пришли литературные деятели, писатели, большей частью писавшие на тему строительства социалистического государства, а также политическая элита: секретарь ЦК Каганович, нарком по военным и морским делам Ворошилов, председатель Совета народных комиссаров Молотов и Сталин[1]. Он приходил часто, как и Буденный, заклятый враг Бабеля. В зале приемов собралось около 50 человек. Рояль «Бехштейн», за которым иногда играла незаурядная пианистка Мария Юдина, откатили в сторону. Для некоторых гостей, получивших приглашение только утром, неожиданное появление Сталина показалось зловещим знаком. Все поняли, что речь пойдет о самом главном. Так оно и было. Речь пошла о социалистической литературе, ее задачах на ближайшую и дальнюю перспективу.

---

[1] Шенталинский В. Рабы свободы. С. 346.

Вначале взял слово Горький. Он поприветствовал гостей и одобрительно отозвался о роспуске по распоряжению Сталина ортодоксального союза писателей РАПП[1], а также о планах по созданию новой организации. Писатели поддержали его, Сталин молчал. Лишь во время ужина, после шумных разговоров и множества тостов в его честь, он взял слово и впервые дал свое - и тем самым обязательное для всех - определение литературы. Он снисходительно разрешил также и беспартийным писателям продолжать работать над великой целью - активным строительством социализма. При этом длинные романы, по его мнению, нежелательны: у семейного рабочего после восьмичасового рабочего дня на это не будет достаточно сил. Театральные пьесы нужны. Новый Союз писателей позаботится о финансовой поддержке, пообещал Сталин, и добавил: «Бумага будет предоставлена»[2].

Разумеется, это была предварительная «милая беседа» перед решающим призывом Сталина к писателям страны: главное производство - производство душ. Оно, и тут он повернулся к Ворошилову, важнее, чем производство танков[3]. Сталин закончил свое выступление, подняв рюмку с водкой, знаменитыми словами: «За инженеров человеческих душ!»[4]

Воскресенье, 23 октября. Париж. Почти в то же время, когда Сталин излагал свое видение будущего литературы, Бабель в Париже обрисовывал своему знакомому Борису Суварину[5] страшную картину жизни в Советском Союзе тех дней[6]. Благодаря своим связям, Бабель был хорошо информирован о замыслах высокопоставленных политиков своей страны. Он порвал со сталинским государством и теперь относился к нему с цинизмом. Суварин, который готовил материал о Сталине и «кнуто-советском» режиме, знал, как Сталин обходится с неугодными; поэтому его мало удивила история, которую рассказал Бабель: на одном из приемов Сталин поднял стопку

---

[1] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о роспуске всех литературно-художественных объединений.

[2] См.: Kemp-Welch A. Stalin and the Literary Intelligentsia 1928-1939, London, 1991. P. 130.

[3] Шенталинский В. Рабы свободы. С. 348.

[4] См.: Kemp-Welch A. Stalin and the Literary Intelligentsia. P. 131.

[5] Борис Суварин (Лившиц) родился в Киеве, до революции вместе с родителями уехал из России, вырос в Париже. С 1921 г. по 1924 г. почти без перерыва жил в Москве и работал в Исполнительном комитете Коминтерна. После смерти Ленина вернулся в Париж. Разочаровавшись в Советском Союзе, стал его яростным критиком.

[6] См.: Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. С. 348.

с водкой и приказал только что снятому с должности председателя РАППа Леопольду Авербаху выпить - «До дна!». Но Авербах отказался, и это задело самолюбие Сталина. В присутствии приглашенных он крикнул: «Пей! Ты что, отказываешься пить?! А?! Ты боишься! Ты бо-ишь-ся про-го-во-рить-ся!!!»[1]

По словам Бабеля, в противоположность Сталину Троцкий был, как и прежде, популярен в России; многие видели в нем героя, потому что он не складывал оружия, а дальше боролся со Сталиным в своих публикациях за рубежом. И, наконец, Бабель прокомментировал сложившуюся иерархию сил в ОГПУ, которой он, как и прежде, очень интересовался. Женя, с которой Бабель многим делился, уже давно рассказала дочери Натали о жертвах коллективизации и репрессий.

Бабель жил с семьей на Avenue Pasteur, в 15-м округе, почти на окраине Парижа. Он был в восторге от своей трехлетней дочери, «тигренка», как он ее называл. Натали ходила в детский сад, и Бабель мог надолго уединяться в своем наспех оборудованном рабочем уголке. Он вел необычную для себя жизнь обывателя: ходил за покупками, смотрел за ребенком, работал в установленные часы и совершал короткие прогулки.

Хотя у него в финансовом отношении дела шли не совсем хорошо, он умудрялся регулярно посылать деньги своей матери и сестре в Брюссель. Он радовался даже мелочам: купил себе зимнее пальто и два костюма, в Москве любимая лошадь выиграла скачки, а французская газета «Le Monde» опубликовала его рассказ «Дорога»[2]. Теперь и во Франции каждый интересующийся знал о его прошлом, связанном с ЧК. Может быть, по этой причине в начале 1933 г. 2-я Московская киностудия заказала ему сценарий фильма о двойном русском агенте Азефе[3]. Это было кстати, чтобы поправить материальное положение, - Бабель сразу же принял заказ.

Евгений Филиппович Азеф родился в 1869 г., много лет являлся агентом царской тайной полиции. Затем перешел на сторону социал-революционеров. Для них он подготовил более тридцати террористических актов, среди них - убийство министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Возможно, он и продолжал работать на царя, теперь, однако, в качестве агента-провокатора. Его разоблачение имело для организации эсеров разрушительные последствия - она рас-

---

[1] См.: Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. С. 348.

[2] См.: Le Monde. 1931. 5 ноября.

[3] Поварцов С. Причина смерти. С. 142, прим. 2.

палась. Азеф, бежавший в Германию, был арестован. После своего освобождения умер в 1918 г.

По совету эмигрировавшего режиссера Алексея Грановского, который был знаком с Бабелем еще со времени съемок фильма «Еврейское счастье», Бабель обратился за консультацией по данной теме к Борису Николаевскому, знатоку деятельности Азефа. Тем самым Бабель совершил две грубые ошибки: во-первых, эмигрант Грановский не был идеальным партнером для общения с советским писателем. Хуже, однако, был контакт Бабеля с меньшевиком Николаевским, которого лишили советского гражданства. Советский посол настоятельно советовал Бабелю не встречаться с врагом народа, не говоря уже о совместной работе над фильмом. Такие вольности были больше недопустимы, даже за границей.

Бабель оставил эти предупреждения без внимания[1]. Возможно, он думал, что его, как знаменитого писателя, не тронут: по итогам опроса, проведенного журналом «Новый мир» среди иностранных, прежде всего немецких, писателей, о самых известных и любимых советских авторах, его имя стояло на первом месте, даже перед Горьким: какое государство могло навредить такому, как он?

Обе встречи с Николаевским были настолько плодотворны, что Бабель за короткое время смог создать два эпизода для кинофильма[2]. Но затем кинематографическая фирма по непонятным причинам отказалась от сотрудничества, а фильм не был пущен в прокат. Вновь разбились надежды на материально обеспеченную жизнь во Франции.

Что делать? Этот знаменитый вопрос Бабель обсуждал с Юрием Анненковым, с которым он, как и во время своего последнего пребывания в Париже, виделся каждую неделю. Последние четыре года основательно измотали его, сообщил Бабель своему другу. Ему, затянутому в корсет «бюрократической советской идеологии», писать становилось все невыносимее. Что будет с ним дальше, он не знает. В любом случае семья должна остаться в Париже, он тоже хотел бы быть свободным гражданином. Только где? Водителем такси в Париже? Необходимые экзамены он уже сдал, а жить водителю такси намного вольготнее, чем, например, ректору советского университета. Но работа таксиста вряд ли принесет ему достаточно денег[3].

---

[1] См.: Флейшман Л. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Поэтика, история литературы, лингвистика. М., 1999. С. 385.

[2] См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 10.

[3] Анненков Ю. Исаак Бабель // Дневник встреч. Нью-Йорк, 1966. С. 305.

Андре Мальро, яркий французский писатель и политик, предложил ему даже свою помощь: перевести произведения Бабеля на французский язык. Эренбург, который помог ему установить этот контакт, сообщил Бабелю о большом влиянии Мальро почти на любом политическом и культурном уровне[1]. Но Бабель мог представить свою дальнейшую жизнь только у себя на родине. Он еще надеялся на возвращение своей семьи, вписал дочь в свой паспорт и обеспечил ей также советское гражданство. Кроме того, он вновь начал писать. Не роман, а театральную пьесу - слова Сталина на московской даче Горького, наверное, дошли до него.

Вскоре появилась возможность поговорить с Горьким в апреле 1933 г. Бабель, наконец-то, принял его приглашение приехать в Сорренто. Это была последняя поездка Горького в Италию. После этого Сталин отказал ему в выезде. «Рай земной, надо думать, должен выглядеть как Сорренто», - писал Бабель Анне Слоним[2]. Он уже планировал, чтобы его семья приехала вслед за ним.

В условиях, «которых у меня еще в моей жизни никогда не было»[3], работалось легко. Дача Горького, окруженная пиниями (итальянскими соснами) и ароматными апельсиновыми и лимонными рощами, с прекрасным видом на Средиземное море, была, действительно, идеальным местом для творчества. Покой и мягкий климат окрылили Бабеля настолько, что он впервые заговорил о своем «ужасно большом» произведении, которое он только что закончил - «Мария». Пьеса, правда, не соответствовала генеральной линии партии, но единодушно удостоилась похвалы из-за своих «высоких художественных качеств»[4]. Но не со стороны Горького, который медлил с высказываниями о новой драме Бабеля.

Бабеля это не смутило. Когда Горький вынужден был по настоянию Сталина вернуться в Москву, где для него приготовили должность председателя нового Союза писателей, Бабель дал ему в дорогу несколько рассказов для запланированного «Альманаха 16 года» (после революции)[5]. Однако он достаточно трезво осознавал, что могут возникнуть новые трудности с цензурой. И, дейс-

---

[1] Допрос 29/30/31 мая 1939 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 34.

[2] Письмо от 15 апреля 1933 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 328.

[3] Письмо матери и сестре от 18 апреля 1933 г.// Бабель И. Письма. С. 192.

[4] Письмо матери и сестре от 2 мая 1933 г.// Бабель И. Письма. С. 193.

[5] «Мой первый гонорар», «Фроим Грач», «Нефть» и «Улица Данте».

твительно, предложение Горького о включении двух из этих рассказов[1] в альманах было отклонено. В качестве обоснования один из его редакторов, Александр Фадеев, пролетарский писатель, а позже секретарь Союза писателей, написал в июне 1933 г. на оборотной стороне рукописи «Фроим Грач»: «Рассказы, по-моему, неудачны, и лучше будет для самого Бабеля, если мы их не напечатаем»[2]. Совершенно очевидно, влияние Горького к этому времени уже ослабло. Иначе одного его слова было бы достаточно, чтобы тексты напечатали. До сих пор ему удавалось довольно успешно защищать Бабеля от нападок, даже Буденного. Но с этого времени Горький был больше занят самим собой.

До своего возвращения в мае 1933 г. в Париж Бабель воспользовался возможностью и отдохнул несколько дней в Неаполе, Риме и Флоренции. С Горьким и Никулиным он еще из Сорренто съездил на Капри[3]. Бабель был восхищен красотами Италии, у него кружилась голова от лавины обрушившихся на него впечатлений. Но его восторги распространялись не только на классические строения. Зарождавшийся фашизм тоже представлял для него интерес, как явление, писал он позже некоторым московским коллегам. Фашистские марши были, по мнению Бабеля, копией «наших комсомольских и пионерских мероприятий»[4]. Действительно известно, что Муссолини просил Сталина отправить ему сценарии празднования 1 мая и 7 ноября - просьба была выполнена[5].

Пробыв в Италии около полутора месяцев, Бабель приехал в Париж. Он уже был тверд в решении вернуться на родину, в Россию. Прочный фундамент для своей работы во Франции он создать не смог, а его семья, как бы он ни любил свою дочь Натали, не была альтернативой для жизни писателя, которую он, несмотря на все трудности, мог вести только в Москве. Кроме того, там его ждала Антонина Пирожкова, которой он почти каждый день писал письма. Да и Горький торопил его с возвращением. Со словами «я уезжаю

---

[1] «Фроим Грач» и «Мой первый гонорар». Они были напечатаны после смерти Бабеля сначала в США, затем в России.

[2] Написано 6 июня 1933 г.//РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 42.

[3] См.: Roberto Pane. Babel a Capri//Il Mondo, Rom, 15. September 1957.

[4] Рукопись доклада Бабеля «Впечатления от путешествия по Европе», с которым он выступил 11 сентября 1933 г.//ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 6. Частично текст был опубликован в ежедневной газете «Вечерняя Москва» 16 сентября 1933 г.

[5] Слипченко С. А. Ветераны о посольской службе//Международная жизнь. 1989. № 9.

при ужасных обстоятельствах, без денег, с долгами» он в конце июля 1933 г. попрощался с Анненковым и Парижем[1].

«В Москву я приехал вовремя, - написал он сестре Мэри и матери сразу по приезде в Россию. - Здесь ходили абсурдные, но гибельные слухи»[2]. В писательских кругах его уже считали эмигрантом, который не выносит Советский Союз. Эти слухи дошли до ОГПУ. Писатель, который так часто и подолгу бывает за границей, писатель, который часто вызывает недовольство литературных критиков, писатель, который имеет в лице Сталина злопамятного врага. На Лубянке на Бабеля завели досье, установили слежку[3].

Возможно, Бабель и подозревал что-то, но не хотел в это верить. У него еще оставались высокопоставленные друзья в партии и органах, в основном в областных.

Вскоре он вновь выехал на периферию. Сначала на Кавказ. Свою новую подругу Антонину Пирожкову взял с собой. Бабель относился к ней почти по-отечески. Он распоряжался, она следовала за ним, как правило, беспрекословно. При том, что она была довольно уверенным в себе человеком, со своей собственной карьерой. Но Бабель доминировал. О политике и его рассказах они не говорили, он даже запретил ей их читать. И она его слушалась.

На побережье Черного моря наиболее приятная пора приходится на раннюю осень. Солнце еще жаркое, море еще теплое, всюду слышен запах экзотических растений - одним словом, «бархатный сезон». Первым местом их остановки стал курорт Гагры. Бабель решил навестить своего старого друга Утесова. Там как раз проходили съемки фильма «Веселые ребята»[4], в котором Утесов играл главную роль.

В веселой кинокомедии главный герой - пастух - делает блистательную карьеру с «помощью дудки». С подножья прекрасных Кавказских гор простой паренек попадает в сверкающую Москву и покоряет со своими музыкантами публику Большого театра. Сталин хотел иметь у себя что-то равноценное американскому Голливуду и немецкому Бабельсбергу, и государственная киностудия «Мосфильм» старалась ему угодить.

Однако одному из авторов сценария фильма это не удалось. Коллега Бабеля Николай Эрдман был арестован. Почему? Этот вопрос

---

[1] См.: Анненков Ю. Исаак Бабель. С. 307.

[2] Письмо от 1 сентября 1933 г.// Бабель И. Письма. С. 200.

[3] К материалам следственного дела Бабеля приобщен четырехстраничный «Меморандум по агентурному делу по разработке Бабеля И. Э.», первая запись в котором датирована 1934 г.

[4] «Веселые ребята» - один из любимейших фильмов Сталина.

не следует, наверное, больше задавать, разочарованно писала поэтесса Анна Ахматова, на это нет понятных причин[1]. Бабель был шокирован исчезновением Эрдмана. Теперь это коснулось одного из его близких знакомых.

Из Гагр Бабель и Антонина двинулись дальше, в Сухуми, затем назад, в русский прибрежный город Туапсе и оттуда на поезде в Нальчик - столицу Кабардино-Балкарии. Здесь, на границе с Азией, словно мелкий князь, правил Бетал Калмыков, которого хорошо знал Бабель.

Калмыков уже тогда был легендой. Он участвовал в Гражданской войне и был похож на главного героя повести Толстого «Хаджи Мурат». Пользовался в республике огромным авторитетом. «Он привел страну и народ в порядок. Каждый кавказец знает и любит его»[2], вспоминал писатель Оскар Мария Граф. А Антонина Пирожкова дивилась обилию товаров: «Обеспечение здесь - мечта, прежде всего по сравнению с Украиной, где царил голод»[3].

Бабель много дней провел с Калмыковым на его даче в Долинском, недалеко от Нальчика. Калмыков был мужчина крепкого телосложения, брался за решение любого вопроса, от службы до охоты. Бабель написал своей сестре, что наконец-то на русской земле можно «жить приятно»[4].

Так, пожалуй, Бабель представлял себе плоды революции. И об этом он охотно хотел писать. Позже в Москве он настолько точно и продуманно изложил свои впечатления, что их можно было отдать на публикацию как готовые рассказы. Однако их никто не прочитал, так же как и очерк о Калмыкове, который должен был появиться в альманахе[5].

Через два с лишним месяца Бабель уехал с волшебного Кавказа в угольный бассейн - Донбасс. Чтобы не встречать Новый год одному, он попросил Антонину, которая уже давно вернулась в Москву, приехать к нему. Антонина согласилась и поехала через Киев в Горловку, где у Бабеля тоже был знакомый, у которого они и разместились. Веньямин Фурер, глава города, был столь же популярен, как

---

[1] См.: Mandelstam N. Hope against Hope. New York, 1999. P. 11.

[2] Oskar Maria Graf. Reise in die Sowjetunion 1934. Hamburg, 1992. S. 110.

[3] Из личной беседы с Антониной Пирожковой 28 ноября 2000 г., Сильвер Спрингс, штат Мериленд, США.

[4] Письмо от 23 ноября 1933 г.// Бабель И. Сочинения. Т. 1. С. 334.

[5] О чтении см.: Канторович В. Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове// Воспоминания о Бабеле. С. 167. О публикации в альманахе «Творчество народов СССР» см.: Ларионова Н. М. Горький и И. Бабель. С. 50.

и Калмыков, и такой же энергичный. Так у Бабеля и Пирожковой появился шанс спуститься в шахту и поговорить с рабочими. Для писателя Бабеля это было так же ново и интересно, как и для инженера Пирожковой.

Условия в шахтах были примитивными и опасными, часто отсутствовала вентиляция. Когда рабочие ругались, Бабель наверное слышал неизвестные ему до сих пор выражения.

После возвращения в Москву Бабель и Антонина наслаждались удобствами жизни в доме Штайнера. Горничная следила за чистотой, повариха готовила вкусную еду, телефон обеспечивал контакт с внешним миром, а восьмицилиндровый форд - за быстроту перемещения.

В комнатах Бабеля на втором этаже были непривычно большие для Москвы окна, залитые светом. Но намного важнее для него было то, что здесь царила тишина. Штайнер работал тихо, громких соседей не было, а от редких машин почти никакого шума. Дом находился недалеко от реки Яузы, посреди старой Москвы. Дачная атмосфера в большом городе.

На жизнь Бабель зарабатывал редактированием сценариев для Мосфильма. Не как внештатный работник, а по договору[1]. Несмотря на это, денег постоянно не хватало, поскольку, как и прежде, он отправлял их за границу. Сам он жил, за исключением удобств у Штайнера, довольно по-спартански. После плотного завтрака прохаживался по своему рабочему кабинету, делал записи и отшлифовывал тексты. Или сидел часами на диване и читал. Если звонил телефон, то, случалось, отвечал женским голосом: Бабеля нет дома, приедет через неделю. Обедал он чаще дома. Вечером встречался с друзьями и избегал работы. Он боялся, так же, как и Гоголь, ночных призраков; кроме того, как сказал Бабель одному другу, нельзя себя насиловать.

Иногда выезжал с Антониной в окрестности или на дачу к Горькому, где одна из комнат всегда была в его распоряжении. Там он бывал часто, особенно летом 1934 г., до учредительного съезда Союза советских писателей. Если и давал Горькому тексты на прочтение, то лишь после тщательной доработки. Он шлифовал написанное, выбрасывал и заново писал. Так он работал всегда.

---

[1] Из личной беседы с Антониной Пирожковой 12 сентября 1999 г., Сильвер Спрингс, штат Мериленд, США. Одним из сценариев, отредактированных Бабелем, был сценарий к фильму «Летчики», который вышел на экраны кинотеатров в 1935 г. Бабель посчитал его плохим и снял свое имя. На самом деле кинофильм имел очень большой успех.

Только уже почти ничего не печаталось. Лишь два рассказа Бабель опубликовал в 1934 г.: «Улица Данте»[1] - превосходный по стилю рассказ о торговце подержанными автомобилями, а также рассказ «Нефть»[2] - картина ежедневного безумия выполнения невыполнимого плана, борьбы между старыми учеными и молодыми инженерами «из типа всеядных». Устами молодого героя Бабель произносит: «Теперь в Москве самый фронт, самая война».

Это были не те произведения, которые партия от него ожидала. Коммунисты не могли более терпеть, и Бабель это понимал. Ему нужно было срочно опубликовать то, что удовлетворило бы твердолобых критиков. Напрасно он надеялся, что это удастся сделать с помощью театральной пьесы «Мария». После того как Бабель прочитал драму Горькому еще в Сорренто, тот долго изучал ее и ответил лишь осенью 1933 г. громовым ударом: пьеса удивила, но не тронула его; она холодная, направление неясное и задачу автора нельзя понять. Горький обосновал резкость своей критики тем, что ждет от такого талантливого и умного человека как Бабель особо яркого и крупного произведения. А в ее нынешней форме пьесу нельзя ни в коем случае публиковать. По его мнению, Бабель мог за это подвергнуться нападкам, поскольку и в политическом отношении пьеса сомнительна[3].

И это при том, что Бабель старался не давать повода для подобных упреков. Главная героиня пьесы - Мария Муковина, дочь царского генерала. Мария примкнула к российской революции, порвала со своим обществом, бросила отца и сестру. Идеальная героиня. Бабель, однако, не дает Марии развернуться в послереволюционные дни. Она появляется вновь лишь в других рассказах. Вместо нее трагической героиней становится сестра Людмила, которая попадает в водоворот истории и в итоге погибает. Отец сломлен этим и умирает.

Жесткие слова Горького, видимо, очень задели Бабеля. Он уединился дорабатывать «Марию». В конце февраля 1934 г. он устроил официальную читку нового варианта в Московском литературном музее. И вот, пожалуйста: Бабель, блестящий рассказчик, смог увлечь слушателей своим «сильным, полнокровным языком»[4], как сообщала газета «Советское искусство». Театр им. Вахтангова даже захотел поставить пьесу.

---

[1] Впервые опубликован: Вечерняя Москва. 1934. 14 февраля.

[2] Впервые опубликован: 30 дней. 1934. № 3.

[3] См.: Литературное наследство. Т. 70. С. 43.

[4] Советское искусство. 1934. 5 марта.

Однако на ортодоксальных критиков пьеса не произвела ровно никакого впечатления. Лежнев, отозвавшийся в свое время с большой похвалой о «Конармии», написал уничижительную рецензию. Она появилась в 1935 г. одновременно с первой публикацией «Марии» в журнале «Театр и драматургия»[1].

Текст - вверху, критика - внизу, на той же странице. Бабель якобы создал героев, которые находятся во внутренней эмиграции. К тому же, может ли произведение быть значимым в художественном отношении, если в идеологическом плане оно незрелое? Естественно, нет. Лежнев посоветовал Бабелю избавиться от политических ошибок. Худшей критики быть не могло. Театр им. Вахтангова сразу сделал выводы и приостановил уже начатые репетиции. Пьеса в Советском Союзе никогда не ставилась.

Но кроме «Марии», у Бабеля ничего не было, что могло бы вписаться в новую культурную политику. Роман «Коля Топуз» для этого не годился, задуманная книга о ЧК - тем более. Но блюстители культуры ждали от Бабеля произведения. Иначе ему грозила потеря статуса писателя - не только запрет на публикации, но и запрет на писание, если не ссылка или даже смерть.

Таким образом, Бабель находился в трудной ситуации, когда в августе 1934 г. в Москве начался Первый съезд советских писателей. Он проходил в Колонном зале Дома Союзов, там, где в царские времена давали балы аристократы, где затем Советы устраивали торжественные прощания со своими почившими высокопоставленными деятелями, начиная с Ленина.

Съезд стал «праздником советской культуры», писала «Правда»[2]. Колхозники из Поволжья и Средней Азии навезли фруктов и овощей, пионеры играли на горнах, железнодорожники маршировали со свистками. Писателей забросали цветами, и из-за восторженной толпы у входных дверей они с трудом выбирались из здания на обеденный перерыв[3].

Сумасшедший дом. Каждая профессиональная группа требовала написать о себе роман: рабочие-текстильщики хотели роман о ткачестве, железнодорожники - о поездах, ученые - об исследованиях. На этом съезде социалистический реализм впервые был провозглашен официальной идеологией. В соответствии с его лозунгами художник должен видеть завтрашний день в свете сего-

---

[1] Театр и драматургия. 1935. № 3.

[2] Правда. 1934. 17 августа.

[3] См.: Ehrenburg I. Menschen. Jahre. Leben. Bd. 2. S. 285.

дняшнего, а армия писателей должна начать литературное производство для государства. Это означало не что иное, как творчество по заказу.

Для распространения этого указа был устроен «карнавал», как назвал этот съезд Эренбург. В партийной газете «Правда» опубликован «протокол» заседаний в общей сложности на 50 страницах. Около 600 его делегатов находились на полном государственном обеспечении[1].

В числе приглашенных иностранных знаменитостей были Андре Мальро, Теодор Пливье, Луи Арагон и Оскар Мария Граф, который своими кожаными брюками вызвал большое оживление. Граф навестил Бабеля в его съемной квартире. Хозяин находился в хорошем настроении, шутил - Граф именно таким его себе и представлял. Бабель сокрушался, что мало пишет: «в стол». «Бабелю нужен год для одного предложения»[2], - вставил инженер Штайнер.

Бабель приглашал к себе в Большой Николо-Воробинский переулок и Мальро, для которого он во время съезда иногда переводил. Познакомился с его супругой Кларой, которая считала «Бабеля одним из великих писателей своего времени». А в остальном у нее было о нем самое невероятное представление: у него семь квартир и семь любовниц, и вместе с Горьким он почти каждую неделю бывает у Сталина.

Такие слухи в действительности имели место. Эрвин Синко сообщал об одной встрече между Сталиным, Бабелем и Горьким[3]. Сталин будто бы просил Горького о том, чтобы тот написал его биографию. А книгу Бабеля о ЧК, которая ему понравилась, диктатор велел напечатать тиражом в 50 экземпляров - для партийной элиты. Доказательств этому нет. А история с книгой является более чем неправдоподобной[4].

Во время прогулки с Кларой Мальро вдоль Москвы-реки Бабель откровенно признался: «Для каждого живущего здесь лучше не знать слишком много». Бабель не просто много знал, но и писал об этом. Только публиковаться не мог. «В моем столе лежат два рома-

---

[1] См.: Бабиченко Д. Писатели и цензоры. М., 1994. С. 10.

[2] Graf O. Reise in die Sowjetunion. S. 91.

[3] См.: Sinkó E. Roman eines Romans. S. 414.

[4] Факт написания романа оспаривается в письме Гронского Сергею Поварцову от 31 октября 1977 г.//Материалы следственного дела Бабеля. С. 136.

на: если их найдут, я погиб»[1], объяснял он своей гостье. Наверное, он имел в виду романы «Коля Топуз» и «ЧК»[2].

Выход из ситуации виделся лишь в молчании. Но как объяснить всему народу и его руководству такое странное, даже контрреволюционное поведение? Бабель вынужден был оправдываться на съезде писателей. Но делал это, нападая. От делегатов и партийной элиты, журналистов и иностранных гостей он требовал присутствия в литературе элемента неожиданности: «Довольно теней на стекле!» Только при таких условиях он согласен писать. А за отсутствием оных и поскольку он очень уважает читателя, то предпочитает молчать, он - «великий мастер этого жанра». В конце концов, партия и правительство отняли у писателей большую привилегию - «плохо писать»[3].

Речь Бабеля часто прерывалась смехом участников съезда. Это было как раз по вкусу баварцу Графу, именно этого он ждал от «самого веселого советского русского писателя». Но Бабелю было не до шуток. Он публично прощался с литературной жизнью в стране Советов. Не помогла и речь Эренбурга в защиту друга, который сожалел, что «не все у нас понимают суть творческой работы»[4].

Тем более этого не понимали в органах НКВД, имеющих неограниченные полномочия. Они подслушивали разговоры Бабеля во время съезда и отмечали его недовольство. Было совершенно очевидно, что он очень разочарован: «Съезд проходит мертво, как царский парад, и этому параду, конечно, никто за границей не верит»[5].

Особенно недоволен был Бабель Горьким, новым председателем Союза писателей. Режим вынудил Горького делать вещи, которые ему претили. Он надеялся, что таким образом сможет обрести необходимую свободу, чтобы оказывать влияние на решающие вопросы литературы. Он замещал Сталина даже при открытии Беломорско-Балтийского канала. Канал длиной в 227 километров был выкопан всего за 20 месяцев - строительство Суэцкого канала длиной лишь 80 километров длилось 10 лет. Убийственный

---

[1] Malraux C. Das Geräusch meiner Schritte. Bern, 1982. S. 276.

[2] Татьяна Стах позже вспоминала, что Бабель работал над своим романом о ЧК в Ростове-на-Дону // Стах Т. Предрассветные гости // Радуга. 1995. № 7. С. 97.

[3] Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 379.

[4] Речь Эренбурга на съезде писателей в 1934 г. // Ehrenburg I. Über Literatur. Berlin, 1986. S. 82.

[5] Спецсообщение секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР «О ходе Всесоюзного съезда советских писателей» // ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 232.

проект, при осуществлении которого погибли десятки тысяч заключенных. Горький и 120 писателей отправились в дорогу, чтобы дать надлежащую оценку шедевру советской индустриализации. Производственная экскурсия прошла успешно и понравилась, не в последнюю очередь, из-за царского угощения икрой, шоколадом и коньяком. По итогам поездки вышел сборник, который посвятили XVII партийному съезду.

Окруженный людьми НКВД, Горький уже не мог быть хозяином положения. Сталин вызвал его из Италии в Москву лишь с целью использовать его имя, не более того, - для городов, площадей, улиц, фабрик, колхозов. Даже огромный самолет назвали его именем. Он разбился - как и Горький. Когда в заключительном слове он произнес: «Да здравствует вождь пролетариата, партия Ленина, да здравствует Иосиф Сталин», Бабель оцепенел, услышав это, ощутил почти физическую боль.

Последние остатки съезда литературного авангарда вечером были сметены колонной дворников. Следующий съезд был назначен на 1937 г. Говорили, что тогда все будут жить в раю.

1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит ставленник Сталина Сергей Киров. В Смольном, там, где начинал править Ленин, в центре власти на Неве. Убит в нескольких шагах от своего кабинета[1].

Киров был одним из самых приближенных к Сталину людей. Почти каждый день Сталин звонил ему, главным образом ночью - у Кирова даже в квартире был телефон с прямой связью с Кремлем. Но Сталин всегда очень ревниво следил за своими соратниками по партии: им нельзя было становиться слишком популярными, слишком влиятельными. При очередной встрече с Кировым Сталин заявил, что хотя русский народ может ладить с Политбюро и ЦК, но с царских времен он привык, чтобы им правил один человек[2]. И этот человек - он, Сталин. Он уже знал, что Киров особенно любим в народе, а за кулисами о нем поговаривают уже как о новом генеральном секретаре.

Косвенные свидетельства того, что красноречивый ленинградский глава был устранен действительно по указанию Сталина, имеются, однако до сих пор прямых доказательств этому не найдено. Но смерть Кирова дала Сталину возможность одним выстрелом убить двух зайцев: заставить замолчать своих критиков и начать «чистку» партийных рядов.

---

[1] См.: Knight A. Who killed Kirov? New York, 1999. P. 188.

[2] Там же. С. 159.

Карикатурист Ефимов как раз сидел в рабочем кабинете Николая Бухарина, тогдашнего главного редактора газеты «Известия», когда зазвонил телефон и сообщили об убийстве Кирова. С оцепеневшим лицом Бухарин повернулся к Ефимову и произнес: «Теперь Коба[1] [Сталин] нас всех расстреляет»[2].

Начались годы великого террора, достигшие своего апогея в 1936-1938 гг. Для разбирательства политических случаев была создана военная коллегия в Верховном суде. С помощью огромного аппарата чиновников велись одновременно несколько судебных процессов. Судопроизводство осуществлялось конвейерным методом, зачастую завершалось смертельным исходом. Из 1966 делегатов XVII партийного съезда, который состоялся в начале 1934 г., 1108 были расстреляны[3].

Сталин «вооружался» также словом. В то время как произведения Маркса и Энгельса достигли тиража в семь миллионов экземпляров, а произведения Ленина - 14 миллионов, для произведений Сталина был определен тираж в 60 миллионов[4]. Горные вершины и города были названы его именем, наряду с Сократом он олицетворял вершину мудрости. Газета «Известия» задала беспрекословный тон: «Без Сталина никто не может ничего понять или что-либо написать, что может быть интересно»[5].

В Советском Союзе все должно быть больше, выше и быстрее. В то время как на периферии стремительными темпами развивалась промышленность, центр власти Москва украшалась и облагораживалась: в 1935 г. было открыто метро, приняла первых читателей библиотека им. Ленина, задуманная как самая большая библиотека в мире, построена гостиница «Москва», сказочный дворец, прокладывались проспекты, расширялись улицы. Двуглавые орлы на главных башнях Кремля были демонтированы, спустя два года на их месте засверкали рубиновые звезды.

Новый мир менялся так быстро и так закономерно, что в план Москвы, выпущенный в 1935 г., уже были внесены изменения, предусмотренные генеральным планом строительства на будущие десять

---

[1] Сталин выбрал этот партийный псевдоним по имени персонажа грузинского эпоса «Отцеубийца».

[2] Ефимов Б. Десять десятилетий. С. 277.

[3] См.: Conquest R. The Great Terror. P. 31.

[4] См.: Heller M. / Alexander Nekirch: Geschichte der Sowjetunion. T. 1 (1914-1939). Frankfurt am Main, 1985. S. 253.

[5] Цит. по: Koenen G. Die großen Gesänge. Frankfurt am Main, 1991. S. 114.

лет. Заблудившимся людям давались разъяснения, что и без плана каждый хорошо знает сегодняшний город и что лучше уже сейчас радоваться Москве 1945 г.[1]

Однако советским гражданам перемещаться приходилось в настоящем. В выходные дни на рынке собиралось до 300 тысяч человек, чтобы купить дефицитные товары: обувь, костюмы, пальто. Цены были в два раза выше, чем в государственных магазинах, но там редко что можно было купить[2]. Это была нелегкая жизнь, и анекдоты «СССР: смерть Сталина спасет Россию» или «ОГПУ: О, Господи! Помоги убежать» рассказывали только шепотом.

Такие анекдоты Бабель слушал, наверное, охотно. Возможно, на рынке, возможно, в трамвае, на котором часто ездил, чтобы иметь возможность наблюдать за простым людом. Даже на любимом ипподроме его занимала политика. Во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства был введен ударный труд. Образцом для подражания стал шахтер Алексей Стаханов, на которого все равнялись, – летом 1935 г. он перевыполнил свою рабочую норму в 14 раз! Так же эффективно нужно было теперь разводить и лошадей: к ужасу Бабеля и на гибель до того неплохо работавших конных заводов.

За поточный метод разведения лошадей сильно ратовал Буденный. Он был убежден, что стране крайне необходима кавалерия. Создание Первой Конармии он считал своей личной заслугой. Сталин, правда, считал иначе. Конечно, в своем поздравительном послании по случаю 15-летия Первой Конной он подчеркнул заслуги Буденного и Ворошилова в создании некогда единственного советского чудо-оружия[3]. Но однажды Буденный подарил Сталину фотографию, на обратной стороне которой написал: «Буденный. Основатель Конармии», и получил ответную открытку с надписью: «Сталин. Настоящий основатель Первой Конной армии»[4]. Именно так Сталин велел чествовать себя. Позорное поражение на Висле трансформировалось в славную победу.

Это не предвещало ничего хорошего для летописца Бабеля. Рассказы Бабеля о польском походе приобрели политическую значи-

---

[1] См.: Leonhard W. Die Revolution entläßt ihre Kinder. München, 1985. S. 15.

[2] См.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». С. 146.

[3] РГАСПИ. Ф. 74 (Ворошилов). Оп. 2. Д. 73.

[4] Из личной беседы с литератором Бенедиктом Сарновым в Москве 17 мая 2000 г.

мость[1]. Чем больше пропагандировались подвиги Конармии, тем большее возмущение вызывала их литературная трактовка. Автор статьи в журнале «Огонек» возмущался тем, что и на то событие, которое «проложило путь к мировой пролетарской революции», Бабель не смотрит «большевистскими глазами»[2].

Эти обвинения для Бабеля были не новы, но они стали слышаться всё чаще и чаще. Произведение, которое принесло ему славу и признание, все больше оборачивалось ему во вред.

В финансовом отношении он всё еще держался на удивление хорошо. Почти бодро писал своей матери, что «форд» оказывает ему «блестящие услуги», и «возможно, в один из дней появится перед вашей квартирой и привезет вас ко мне домой»[3]. Но вдруг он совершенно неожиданно навещает Женю и Натали.

Илья Эренбург и Андре Мальро организовали в Париже антифашистский конгресс, который должен был начаться 21 июня 1935 г. и продлиться неделю. Советское государство выделило на это деньги и направило делегацию под руководством непопулярного Александра Щербакова, первого секретаря Союза писателей СССР. В ней принимали участие также Генрих Манн, Анна Зегерс, Бертольд Брехт и Лион Фейхтвангер.

Среди делегатов, однако, не было Бабеля и Пастернака, двух авторов, которых высоко ценили за рубежом. Эренбург и Мальро вместе с Андре Жидом незамедлительно обратились в советское посольство и попросили как можно быстрее направить в Париж «более влиятельных и значительных» писателей, чтобы они могли выступить с докладом. По их мнению, это было очень важно, так как в конце концов речь шла о мире во всем мире ввиду нависшей угрозы фашизма[4]. Прежде всего Жид добивался приезда Пастернака и Бабеля и оказывал давление на Щербакова: либо приедут оба, либо он, Жид, позволит себе открыто и честно сообщить о ситуации с советскими писателями[5].

---

[1] В январе 1935 г. Горький писал главному редактору «Правды» Льву Мехлису, что Ворошилов даже через пятнадцать лет не может простить Бабелю то, что тот неверно описал «какой-то ремень».

[2] РГАСПИ. Ф. 74 (Ворошилов). Оп. 2. Д. 391. Документ содержит указание года – 1935, но месяц и день не указаны.

[3] Письмо от 24 февраля 1935 г.//Бабель И. Письма. С. 239.

[4] См.: Фрезинский Б. Великая иллюзия. Париж, 1935//Минувшее. С.-Пб., 1996.

[5] Показания Кольцова во время его допросов в НКВД//Копия дела № 21620, заведенного КГБ на Кольцова, была мне любезно предоставлена Борисом Ефимовым для ознакомления.

Простой выезд был давно уже невозможен, тем более для Бабеля и Пастернака, которые, в лучшем случае, считались «попутчиками», в худшем - возможными врагами государства. Необходимо было решение Политбюро. 19 июня Сталин и Калинин дали согласие на их делегирование, Ворошилов остался против[1]. Сталин, отказавший до этого в выезде Горькому[2], не хотел вновь терять свое лицо в глазах всего мира.

И потом всё закрутилось. Пастернак сразу получил новый костюм и пальто[3], Бабель в течение всего лишь двух часов - новый паспорт. При обычных обстоятельствах оформление паспорта длилось несколько месяцев[4]. Взволнованные, они приехали на поезде в Париж, когда конгресс почти закончился. Бабелю пришлось выйти на трибуну уже ночью.

«Блестяще и великолепно сформулировано», - похвалила Клара Мальро доклад, сделанный без подготовки, на беглом французском языке. Он много шутил, и многое имело двоякий смысл: «У этого колхозника уже есть хлеб, у него есть дом, у него есть даже орден. Но ему этого мало. Он хочет теперь, чтобы про него писали стихи»[5]... Очевидно, Эренбург совершенно не понял шутки, так как использовал эту цитату для сообщения в «Известиях». И опять этот Бабель, который имеет наглость говорить перед знаменитыми представителями интеллигенции Европы и США, как Бог на душу положит! Разве его направил не лично Сталин? Я слишком знаменит, чтобы мне угрожала серьезная опасность, наверное, так думал Бабель, сидя в тот вечер в роскошном зале Дворца де Трокадеро с видом на Эйфелеву башню.

Естественно нужно было иметь мужество, чтобы так открыто выступать. В противовес Бабелю, Пастернак был не в состоянии выступить с речью. Он просто не знал, что ему нужно говорить и как далеко он имеет право заходить. Прочитал лишь одно из своих стихотворений. Пастернак был настолько запуган, что даже отказался встретиться с родителями, приехавшими только ради него из Лондона[6].

Совсем иначе вел себя Бабель. После конференции он отправился на торжественное открытие бульвара, названного в честь Мак-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК). Оп. 163. Д. 965 и 1066.

[2] См.: Ваксберг А. Гибель Буревестника. С. 339.

[3] См.: Фрезинский Ф. Великая иллюзия. С. 17.

[4] См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 50.

[5] Эренбург И. Бабель был поэтом. С. 52.

[6] См.: Granin D. Das Jahrhundert der Angst. Berlin, 1999. S. 101.

сима Горького, в Вилльежуф, местечке южнее Парижа, встретился с вождем сионистов Жаботинским[1], а когда большая часть советской делегации отправилась в обратный путь, остался в Париже у своей жены и дочери. Натали скоро должно было исполниться шесть лет.

Бабель еще раз предпринял попытку вернуть свою семью в Москву, хотя еще года назад сказал Анненкову по секрету, что Натали и Женя обязательно должны оставаться во Франции, - вопреки тревожным сигналам из Кремля и несмотря на то, что в Москве он жил с Антониной. Возможно, он действительно хотел этого, может быть, в надежде, что с возвращением семьи пересуды вокруг него прекратятся, или он лишь демонстрировал свое желание, чтобы избежать конфликта.

Несколько дней они жили в местечке Ле Плесси-Робинсон, в десяти километрах южнее Парижа. Женя и Натали жили в домике на улице с волшебным именем Rue de l'Etang de l'Ecoute s'il Pleut (пер. - улица у пруда, где слышно, идет ли дождь). Они были не единственными русскими, но из-за Бабеля Женя слыла коммунисткой и среди белоэмигрантов держалась особняком.

Бабель встретился с Брайсом Парэном, с которым познакомился в Москве. С октября 1925 г. по июль 1926 г. Парэн был атташе по вопросам культуры посольства Франции в Москве - как раз в то время, когда Бабель был на вершине славы. С тех пор они поддерживали добрые отношения. После возвращения на родину Парэн стал работать во французском издательстве «Галлимар» и был ответственным за публикации молодых советских писателей[2]. Среди них был и Бабель. В доме Парэна он откровенно сказал, что хочет написать о революционных трибуналах, созданных во Франции в 1793 г., и при этом затронуть тему показательных процессов в Москве. Из страха, что их могут подслушать агенты НКВД, Парэн во время беседы закрыл ставни. Даже жене и детям было велено выйти из дома[3].

Последний день пребывания в Париже Бабель провел со своей семьей, семьями Парэна и Суварина. Он с любовью смотрел на свою дочь, которую он называл «Махно» - по имени предводителя украинских национал-анархистов, который во время Гражданской войны доставил много хлопот красным. Но для Бабеля Махно олицетворял

---

[1] Материалы следственного дела Бабеля. С. 124.

[2] На французском языке «Конармия» Бабеля была напечатана впервые в 1930 г. под названием «Cavalerie Rouge» в издательстве «Editions Rieder» в Париже. Галимар (Gallimard) в 1935 г. опубликовал антологию советской литературы.

[3] Из личной беседы с Татьяной Парэн в Митри-Клей (Mitry-Claye), возле Парижа, 20 марта 2001 г.

неистовый темперамент. Оставаться Бабель не хотел: «Я русский писатель. Если я не буду жить среди русского народа, я перестану быть писателем, тогда я стану рыбой, которую вытащили из воды»[1]. Решение уехать было окончательным. Свою семью он больше не увидит. Возможно, он осознавал это уже тогда. Возможно, это чувствовала и его дочь. Позднее она писала: «Я росла и желала, чтобы однажды открылась дверь и вошел мой отец»[2].

Вместо этого она получала от Бабеля письма. Первое письмо - вскоре после его отъезда, из Одессы[3]. Собирая материал для иллюстрированного журнала «СССР на стройке»[4], он совершал поездки по Украине. Заказ он получил через знакомого редактора по Одессе и Берлину - Евгению Соломонову. Таким образом, Бабель мог не только заработать деньги, но еще и доказать свою профпригодность.

Вместе с Антониной Бабель разъезжал по колхозам. Секретарь ЦК Компартии Украины Павел Постышев выделил им два автомобиля и фотографа. Бабель не ожидал такого хорошего отношения, ведь Постышев, которого он знал еще по польскому походу, три года назад на заседании ЦК голосовал вместе со Сталиным против поездки Бабеля во Францию[5]. Два других товарища по Конармии, Шмидт и Якир, пригласили Бабеля на военные учения, а с другим знакомым по Гражданской войне, который теперь работал в НКВД, он посетил знаменитую Киево-Печерскую лавру, которая была переделана в музей. Правда, вместо того чтобы показывать церкви и подземные ходы, сотрудник НКВД показал Бабелю бриллианты. «Ты их нашел в монастыре?», – удивился Бабель. «Нет», - последовал ответ, - «для этого монахов пришлось бы долго допрашивать»[6]. Было ясно, что он при этом имел в виду.

---

[1] Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. С. 364.

[2] Babel N. Introduction. New York, 1964. P. IX.

[3] Письмо от 9 августа 1935 г.// Личный архив Натали Бабель. Сохранилось лишь еще одно письмо от 30 ноября 1938 г.

[4] Выпуск о коллективизации вышел в свет в третьем номере за 1936 г. Бабель также подготовил № 4 за 1937 г. о Горьком и № 6 за 1938 г. об известной династии донбасских сталелитейщиков Коробовых. Лазарь Лисицкий участвовал в оформлении. См.: Спектор У. До расстрела и после// Советиш геймланд. 1990. Декабрь. С. 36; Lissitzky-Küppers S. El Lissitzky. Dresden, 1992. S. 95.

[5] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 34. Д. 206. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 180. Причины неизвестны. Возможно, Сталин оказал на него давление.

[6] Воспоминания Антонины Пирожковой во французском фильме о режиссере Александре Медведкине, снятого Крисом Макером (Maker C. Le Tombeau d'Alexandre. 1993).

В суете будней такие элементы жестокости были почти незаметны. Напротив, настроение граждан было какое-то время приподнятым - были отменены продуктовые карточки на мясо, рыбу, сахар и картофель[1], на прилавках в свободной продаже появились продукты питания.

В гостинице «лондонской» Бабель жил, «как лорд», в Одессе чувствовал себя, как дома[2]. Там он провел два месяца, отдыхал, часами один прогуливался по набережной, выходил в море рыбачить. Он даже купил участок земли. Хотел здесь обосноваться, хотя почти никого из своих старых знакомых не встретил. Багрицкий, один из его самых дорогих друзей, которого он часто навещал, год назад умер. «Самые главные прогулки ведут на кладбище или крематорий», - написал он в мае 1934 г. в Брюссель[3]. Бабель охотно бы прожил рядом с Багрицким: «Мы видели себя стариками, лукавыми, жирными стариками, греющимися на одесском солнце, у моря - на бульваре, и провожающими женщин долгим взглядом...»[4].

В конце 1935 г. Бабель еще раз на несколько недель уехал из Одессы в Донецкую область, в Сталино. И вновь он наслаждался комфортом, который только можно себе представить. В его распоряжении находились «квартира, директорская еда, автомобиль, лошади»[5]. Во время этой поездки он удивлял сопровождавших его лиц отличными познаниями в разных областях. На встрече с инженерами его вопросы не выглядели дилетантскими.

Не случайно приехал «этот беспокойный человек» в Донецкую область[6], высказался один местный писатель. Нет, Бабель работал над своим романом о Донбассе. Имелся в виду, наверное, проект «Коля Топуз». «Наконец нужно издать опус», писал он 30 декабря 1935 г. в Брюссель[7]. От такого «старого мастера», как Бабель, Союз писателей ожидал новых произведений. Секретарь Союза писателей Щербаков выразил эту надежду в письме Сталину от 2 января 1936 г.[8] НКВД продолжал следить за Бабелем.

---

[1] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». С. 173.

[2] Письмо от 19 сентября 1936 г.// Бабель И. Письма. С. 254.

[3] Письмо от 13 мая 1934 г.// Бабель И. Письма. С. 221.

[4] «Багрицкий». Некролог Бабеля о своем друге, напечатанный в альманахе «Эдуард Багрицкий». М., 1936. Перепечатан: Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 363.

[5] Письмо от 13 декабря 1935 г.// Бабель И. Письма. С. 262.

[6] См.: Северов П. Годы молодые.// Донбасс. 1970. № 6.

[7] Письмо от 30 декабря 1935 г.// Бабель И. Письма. С. 264.

[8] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 474. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 285.

Когда в январе того же года (Бабель как раз вернулся в Москву из Киева) Сталин подверг резкой критике оперу Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», назвав ее «грубой, примитивной и вульгарной», а «Правда» озаглавила статью «Сумбур вместо музыки»[1], соглядатаи с Лубянки стали внимательно выискивать недовольных среди творческой интеллигенции. От Бабеля они узнали, что никто всерьез не воспринимает скандал: «Народ безмолвствует, а в душе потихоньку смеется»[2]. Над плохим вкусом Сталина.

Даже если Бабель притворялся веселым, он очень хорошо осознавал всю серьезность положения. Эрвину Синко, венгерскому писателю, который остановился со своей женой Ирмой в начале 1936 г. у Бабеля, он рассказал, что старается делать все, чтобы выжить, «но только не писать, не говоря уже о том, чтобы публиковаться»[3].

Приятным разнообразием стал заказ известного издательства «Academia» на подготовку собрания сочинений Шолом-Алейхема, которое планировалось выпустить к его 80-летнему юбилею в 1939 г. А в марте Бабель вместе с Кольцовым, Андре Мальро и Роменом Ролланом поехал на поезде в спецвагоне к Горькому, в его дом отдыха на Крымском полуострове. После того как Сталин запретил ему зарубежные поездки, Горький проводил зиму в Тессели.

Во время встречи многого добиться не удалось. Предложение Мальро создать энциклопедии XX в. по образцу «Энциклопедии» Дидро не нашло поддержки. Горький говорил много, Бабель переводил, а Андре Мальро не оставалось ничего другого, как слушать. Горький постарел. И стал совершенно ненужным Сталину. Его голос в Крыму был мрачным, он чувствовал себя изолированным. Повсюду были шпионы НКВД.

Вернувшись в столицу, Горький заболел. Семнадцать врачей из Москвы и Ленинграда следили за его здоровьем. Бабель тоже был рядом. Когда он не мог навестить, то справлялся о здоровье Горького по телефону. Но Горький больше не поправился. 18 июня 1936 г. он умер.

Возможно, это было убийство[4]. Возможно, просто истощение от пожизненной борьбы, в которой Горький потерпел поражение. Даже его последнее желание быть похороненным рядом со своим

---

[1] Правда. 1936. 28 января.

[2] ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 290.

[3] Sinkó, Roman eines Romans. S. 346.

[4] См.: Ваксберг А. Гибель Буревестника. С. 374. Бабель считал абсурдным предположение, что НКВД был виновен в смерти Горького. См.: Kemp-Welch. Stalin and the Literary Intelligentsia. S. 234.

сыном, которого он пережил на два года[1], Сталин не выполнил. Гроб с телом Горького был установлен для торжественного прощания в Колонном зале, и траурное шествие провожало его через Красную площадь к Кремлевской стене.

Таким образом судьба Бабеля оказалась окончательно предрешена. Со смертью своего учителя, который еще в марте в своем письме Сталину похвалил его, как «самого умного среди всех наших литераторов»[2], Бабель остался без влиятельного защитника при дворе Генерального секретаря. Его конармейские связи не могли восполнить эту утрату. Бабель не строил больше иллюзий. Своей жене в России Антонине он сказал: «Теперь мне тут жизни не дадут...»[3].

[1] Он умер при невыясненных обстоятельствах.

[2] Власть и художественная интеллигенция. С. 300.

[3] Pirozhkova A. At his Side. P. 103.

Глава 8

СТРАХ (1936–1939)

Человек сегодня говорит откровенно лишь со своей женой, ночью, укрывшись одеялом...

Бабель писателю Илье Эренбургу

В один из летних дней на Красной площади бодро и гордо маршировала в спортивном параде молодежь атлетического вида. «45 000 лучших спортсменов страны участвуют в нем», - ликовали «Известия»[1]. Среди маршировавших были спортсмены-любители различных спортивных обществ: «Мотор», «Торпедо», «Красный кондитер».

Несмотря на то что это был понедельник, рабочий день, торжество было грандиозное. На почетной трибуне стоял Сталин в окружении высших партийных и государственных чинов. На вымощенной брусчаткой площади прогуливались нарядно одетые люди. По периметру площади располагались лотки. На выбор предлагались новинки кондитерского производства: печенье «Счастливое детство», конфеты «Пионер»[2]. Чем больше сладостей съедят дети, вероятно, думали руководители кондитерских фабрик «Большевик» и «Красный Октябрь», тем быстрее они зашагают в светлое будущее. Это было хорошо для государства, хорошо для подрастающего поколения и, конечно, хорошо для руководителей социалистического производства, которых ожидали ордена и привилегии. Всё в те дни шло своим, социалистическим чередом.

---

[1] Известия. 1936. 12 июня.

[2] См.: Véronique Garros / Natalija Korenewskaja / Thomas Lahusen (Hrsg.). Das wahre Leben. Berlin, 1998. S. 142.

Так было сначала и у Бабеля. Ему, как и другим известным советским писателям, была выделена дача в подмосковном Переделкино. Советское государство щедро одарило ими своих «инженеров человеческих душ», в первую очередь тех, кто «хорошо вел себя» на съезде в 1934 г.[1] На строительство первых 30 домиков, каждый из четырехпяти комнат, было выделено почти шесть миллионов рублей. Бабель с гордостью, смешанной наполовину с иронией, писал в Брюссель, что становится «домо- и землевладельцем»[2]. И в остальном он оставался пока в привилегированном положении. Его зубная коронка была изготовлена не где-нибудь, а в кремлевской больнице, которая вообще-то была предназначена только для высшего эшелона власти.

Его мир, по крайней мере, на поверхности, казался гладким и безоблачным. К тому же вскоре должно было выйти в свет тиражом 50 тысяч экземпляров его собрание сочинений, состоявшее из 320 страниц[3]. Однако Бабеля настораживало затишье после смерти Горького. Тогда он сделал то, что делал часто в таких случаях – он уехал из Москвы. Он собирался некоторое время отдохнуть, чтобы затем полностью посвятить себя «чистому искусству», литературе или, как он ее называл, «работе для души». В августе Бабель отправился «на свободу», в Одессу[4]. Он начал лечиться, делать ингаляции. Его всё еще мучила астма, мешавшая ему настолько, что однажды он признался, что может планировать свою жизнь лишь «на пять лет вперед»[5].

Как и в молодости, он бродил по Одессе, заходил в синагоги, ел горячие бублики прямо в пекарне и радовался особенному языку одесситов. Вместо «Тут есть хлеб?» покупатель спрашивал: «Думает ли хлеб быть здесь?», а драчун грозил не словами «Сейчас ты у меня получишь», а лишь предупреждал спокойно: «Пожалуй, мне придется показать тебе свой характер»[6].

Одесса была «очаровательна, но разграблена и бедна». Почти ничего не осталось от прежней открытости города, еврейской атмосфе-

---

[1] Решение ЦК от 23 октября 1934 г. о строительстве Переделкино. Цит. по: Бабиченко Д. Писатели и цензоры. С. 11.

[2] Письмо от 2 июня 1936 г. // Бабель И. Письма. С. 273. Он действительно получил домо- и землевладение, как и все другие избранники в области политики и культуры, лишь в аренду.

[3] Бабель И. Рассказы. М., 1936.

[4] Письмо от 22 июля 1936 г. // Бабель И. Письма. С. 278.

[5] Письмо писателя С. Григорьева Горькому от 4 марта 1926 г. // Литературное наследство. Т. 70. С. 134.

[6] Пирожкова А. Семь лет с Исааком Бабелем. Нью-Йорк, 2001. С. 74.

ры, которые некогда привели его к мысли о творчестве. Но кажущееся спокойствие в городе было обманчивым: в конце августа до Бабеля дошли слухи, что в Москве начался показательный процесс, на котором, среди прочих, судили Каменева и Зиновьева. Бабель спешно вылетел в Киев, а оттуда поездом в Москву. Но, собственно, для чего? Неужели он действительно полагал, что сможет выразить протест? Как бы там ни было, он прибыл слишком поздно – из газет узнал о казни подсудимых[1]. В Одессу он вернулся подавленным.

В течение последующих недель «писать для души» у него не получалось. По сути, это был наивный самообман, поскольку уже полгода он по просьбе своего друга Эйзенштейна работал над сценарием фильма «Бежин луг». Съемки его в 1935 г. были поручены Эйзенштейну. Первый вариант сценария Александра Ржешевского не был одобрен ответработником Борисом Шумацким. Плохой знак для проекта. Но Бабель не смог отказать Мосфильму, где его по-прежнему уважали. Ему было поручено несколько ужать действие и сделать его более захватывающим.

Наверное, он вряд ли чувствовал себя хорошо, когда Эйзенштейн почти на коленях умолял его о помощи[2]. К тому же после смерти Горького у Бабеля не было покровителя; в худшем случае никто не стал бы заступаться за него. С другой стороны, именно поэтому ему нужно было использовать любую возможность показать государству, что он продолжает творить, причем по правилам соцреализма. Эйзенштейн имел больший авторитет, чем Бабель. К тому же они хорошо понимали друг друга, ведь каждый из них старался достичь совершенства в своей области творчества.

В первые месяцы 1936 г. Эйзенштейн проводил много времени у Бабеля, вместе с ним корпел над сценарием. Наконец, осенью должны были начаться съемки фильма в Крыму. Бабель попросил Антонину составить ему компанию в Ялте. Чтобы заинтересовать ее, он не только оплатил дорогу, но и составил обширную туристическую программу: поездку в Одессу, предоставление автомобиля, посещение старого города, затем на корабле в Крым и дальше в Сочи, на автобусе по завораживающей красотой набережной в Гагры и, наконец, на пароме в южную Грузию, в Батуми: Пирожковой предстояло познакомиться с городом, в котором Бабелю когда-то впервые пришла мысль о создании «Конармии». И уже потом – возвращение в Крым. Когда она в конце сентября прибыла в Севастополь, Бабель

---

[1] См.: Sinkó E. Roman eines Romans. S 346.

[2] Там же. С. 356.

встречал ее на кабриолете. На вопрос, как ему удалось организовать такую роскошную поездку, Бабель хитро улыбнулся: «Ефим Евдокимов»[1]. Кто-нибудь другой произнес бы это имя с содроганием. Евдокимов проработал несколько лет в НКВД в Средней Азии и на Северном Кавказе[2]. Бабель познакомился с ним в Галиции; он был одним из тех, кто служил в Первой Конной. Еще в 1926 г. Евдокимов помог матери Бабеля с выездом за границу[3]. С недавних пор связи Бабеля с органами пополнились еще одним человеком: Николай Ежов, назначенный в сентябре наркомом внутренних дел, был третьим мужем Евгении Соломоновой, с которой Бабель всё еще поддерживал связь.

Во время своего пребывания в Крыму Бабель чувствовал себя превосходно. «Живу, как у Христа за пазухой»[4], писал он с восторгом Мэри и своей матери, не упоминая, разумеется, Антонину, которая несомненно способствовала его хорошему самочувствию. Съемки фильма «Бежин луг», по его словам, продвигались хорошо. Название фильма было обманчивым, речь шла не об одноименном рассказе Ивана Тургенева[5], а о попытке снять кинофильм о жизни Павлика Морозова. Согласно советской легенде, Павлик был сыном председателя сельсовета, помогавшего кулакам, которого он предал из любви к революции, за что и был убит своими родственниками. Павлик, пионер 1932 г. из села Герасимовка, почитался как советский герой, и его жизнь была увековечена в советских учебниках истории[6]. Решено было снять пропагандистский фильм о нем и о классовой борьбе на селе.

Второй вариант сценария, съемки по которому проходили в Ялте, считается более удачным. Хотя работа давалась Бабелю с трудом, так как тема была, по его словам, отвратительной, ему удалось усилить трагичность и написать более живые диалоги. Первая тесная совместная работа Бабеля и Эйзенштейна оказалась продуктивной. Однако больше им не суждено было работать вместе. Весной

---

[1] Из личной беседы с Антониной Пирожковой 12 сентября 1999 г., Силвер Спрингс, штат Мериленд, США.

[2] Он был представителем ОГПУ (Объединенное Государственное политическое управление, с 1934 г. включено в состав НКВД).

[3] См.: Поварцов С. Причина смерти. С. 25.

[4] Письмо от 7 октября 1936 г.// Бабель И. Письма. С. 288.

[5] «Бежин луг» – рассказ И.Тургенева из цикла «Записки охотника».

[6] Новейшие исследования истории показали, что ни Павлик не был пионером, ни его отец не был кулаком. См.: Druzhenikov Y. Informer 001. The Myth of Pavlik Morozov, New Brunswick, 1997 и Maura Reynolds. A Soviet Legend dies hard// Los Angeles Times, 12 ноября 2002 г.

1937 г. решением ЦК партии показ фильма был запрещен как «антихудожественный» и «политически несостоятельный»[1]. Две недели спустя нарком по кинематографии Шумацкий пояснял это решение в «Правде»[2].

Такого удара Эйзенштейн не ожидал. Подавленный, он уединился в своей квартире. К себе допускал только Бабеля, который помогал ему писать письмо Сталину. Эйзенштейн просил дать еще один шанс, поскольку он, Эйзенштейн, имеет силы «снять много других Потемкиных»[3]. После этого, как посоветовал опытный в «залегании на дно» Бабель, ему необходимо было уехать из Москвы. Арест был не исключен. Эйзенштейн последовал совету друга и сразу же уехал на курорт в Кисловодск[4]. Возможно, и в этот раз необходимую услугу оказал Евдокимов.

Бабель нисколько не пострадал от этого чрезвычайного происшествия. Главным виновником считался Эйзенштейн. Он потратил три миллиона рублей на съемки фильма, не сняв ничего более-менее пригодного. Однако разговоры Эйзенштейна с Бабелем подслушивались, к тому же в органах знали о критическом настроении Бабеля, которого тот не скрывал от Эйзенштейна.

Еще в сентябре 1936 г. на Лубянку поступило соответствующее донесение. По воле случая доносчиком оказался знакомый Пирожковой из сибирского города Кузнецка, где в 1933 г. она проходила трудовую практику. По иронии судьбы, именно он был тем, кто обратил внимание Пирожковой на рассказы Бабеля[5].

В одном из подслушанных разговоров с Эйзенштейном в номере гостиницы Бабель вновь очень возмущался положением в стране: Эйзенштейн даже не может себе представить, сколько людей погубил сталинский террор. Он сравнивал Советский Союз с Третьим рейхом и утверждал, что обладает сведениями о том, что Гитлер после расстрела Каменева и Зиновьева как будто заявил: «Теперь я

---

[1] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1937 г.// РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК). Оп. 3. Д. 984. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 354.

[2] Правда. 1937. 19 марта. См.: Richard Taylor. The Film Factory. London und New York, 1994. P. 378. Этот фильм считается пропавшим. С помощью фотографий, воспроизводящих отдельные кадры фильма, в 1967 г. была реконструирована версия, представляющая собой смесь первой и второй версий.

[3] См.: Bergan. Eisenstein. S. 289.

[4] Там же.

[5] Из личной беседы с Антониной Пирожковой 28 ноября 2000 г. Силвер Спрингс, штат Мериленд, США.

расстреляю Тельмана»[1]. В другой раз Бабель «цинично высказался» о тоталитарном государстве, добавив, что ему даже как-то неловко, что его до сих пор не арестовали, поскольку это является, скорее всего, исключением[2].

Поводом для усиленной слежки за Бабелем был интерес к его реакции на первый показательный процесс над так называемой левой оппозицией, подвергая критике бюрократизацию страны, нэп, возможность построения социализма в отдельно взятой стране. Приговор, вынесенный в отношении подсудимых, означал, - это Бабель несомненно понял сразу - что удавка затягивается и вокруг его шеи. А поскольку большинство его влиятельных друзей и знакомых были настроены критически по отношению к Сталину, то и их отныне ожидала такая же участь. Оставалось лишь вопросом времени, когда связь с ними станет для Бабеля отягчающим обстоятельством. Для него, «ненадежного соглашателя», «попутчика». Может быть, в виде мягкого наказания возможна ссылка? Это ему не помешало бы, сказал он Антонине по секрету, тогда бы мог писать в покое. А если смерть? Тогда лучше быстрая, от пули. Бабель знал по войне, что это был самый благополучный исход[3].

Этот способ смерти, приятен он или нет, ожидал большинство подсудимых, признанных виновными в крупных показательных процессах 1937 и 1938 гг. По воле Сталина они публично признавались в своих «ошибках». Их вынуждали к этому при помощи пыток. Среди них были Постышев и Калмыков. А при ликвидации высшего военного руководства погибли Шмидт, Якир и Примаков. Все - бывшие влиятельные друзья Бабеля.

Указание Сталина Андрею Вышинскому, безжалостному генеральному прокурору на тех процессах, было недвусмысленным: всех троцкистов «необходимо выловить, расстрелять, уничтожить»[4]. По воле юриста Вышинского законодательство перестало действовать, все - обвинения, показания свидетелей, доказательства - было сфаб-

---

[1] Сводка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР от 22 сентября 1936 г. - РГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 64 // Власть и художественная интеллигенция. С. 325.

[2] Донесение 1-го отделения секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР от 5 июля 1936 г. - ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 65// Власть и художественная интеллигенция. С. 316.

[3] Из личной беседы с Антониной Пирожковой 28 ноября 2000 г. Силвер Спрингс, штат Мериленд, США.

[4] Из разговора Сталина с болгарским коммунистом Георгием Димитровым, генеральным секретарем Коминтерна. См.: Ein Bulgare in Moskau // «Süddeutsche Zeitung» от 12 марта 2001 г.

риковано. Посреди ночи сотрудникам звонили и требовали от них представить обвинительный материал на какого-либо подсудимого. Даже от писателей требовали доносить на друзей и коллег[1].

В этом однажды, совершенно неожиданно, принял участие и Бабель. Когда в январе 1937 г. начался «Процесс 17-ти» над троцкистами по обвинению их в измене родине, в «Литературной газете» появилась подписанная его именем статья «Ложь, обман, смердяковщина»[2]. Ужасающий материал, в котором сначала восхваляется Программа Коммунистической партии и ее борьба за «общество свободных и счастливых людей», затем происходит обвинение подсудимых в том, что они, якобы, преследуют совсем иную цель - убийство рабочих и продажу первой страны народовластия фашизму. Но они просчитались, поскольку верность народа советскому государству «не знает границ». Это звучало так чуждо и напыщенно, что можно было почти предположить, что написал текст некий партиец, а Бабеля заставили поставить под ним свое имя. В марте статья появилась даже за границей, во французской газете «Commune»[3].

Эту публикацию можно объяснить лишь одним словом: страх. «Человек сегодня говорит откровенно лишь со своей женой, ночью, укрывшись одеялом...»[4], сказал однажды Бабель Эренбургу. В течение лишь одного года мощные конармейские связи Бабеля были утеряны. Его друзья, арестованные или уже расстрелянные, не были карьеристами. Напротив, это были убежденные коммунисты, верившие в идеи Маркса и Энгельса, а также, с небольшими поправками, в идеи Ленина. И в советское Отечество. Они были высокообразованными, самостоятельными, возможно, слишком своевольными людьми. Но ни в коем случае не оппозиционерами и, конечно же, не оппортунистами или необразованными выскочками наподобие Ворошилова и Буденного. Однако именно они судили таких людей, как Тухачевский и Шмидт. «С содроганием могу произнести лишь одно слово, - писал потрясенный Бабель своему коллеге писателю Петру Северову, - лишь одно слово: ошибка»[5].

---

[1] Так, Пастернак должен был подписаться под резолюцией, требовавшей расстрела Зиновьева и Каменева // Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Oxford, 1999. P. 198.

[2] См.: Литературная газета. 1937. 26 января. Смердяков, слуга старого Карамазова в романе Достоевского «Братья Карамазовы», был обвинен в убийстве своего хозяина.

[3] Commune. 1937. [Март.] № 43.

[4] Ehrenburg I. Menschen, Jahre, Leben. T. 2. S. 458.

[5] Северов П. Годы молодые. С. 99.

Однажды Бабель потерял самообладание и выразил свое негодование в письме Антонине - когда был арестован еще один близкий знакомый. Как правило, Бабель воздерживался в общении с ней от обсуждения политических тем, но тут он не выдержал. Тот человек, еврей из бедной семьи, которому при царе жилось очень плохо, верил в светлое будущее нового государства и активно участвовал в его построении. А теперь всему миру пытались доказать, что этот высокопоставленный человек желает вернуть капитализм: «Как чудовищно!»[1]

У Бабеля не осталось никаких иллюзий в отношении государства. И вместе с улетучившейся надеждой он впервые стал бояться. Что станет с ним? Лишь с немногими он мог и хотел делиться своими опасениями. Конечно же, не с матерью и сестрой в Брюсселе, ведь письма наверное вскрывались. И Антонину не хотел обременять сведениями, которые могли стать для нее, инженера Московского метрополитена, опасными. Во время работы с Эйзенштейном над фильмом он вообще запретил ей заходить к себе в комнату.

Бабель уединялся все больше и больше. Свою дальнейшую карьеру он уже не планировал. Более или менее крупные публикации были немыслимы, несмотря на его писательскую челобитную перед партией в «Литературной газете». Пришлось смириться и с критикой со стороны Союза писателей, что он оторвался от жизни, занял позицию стороннего наблюдателя и более не в состоянии достичь уровня прежних произведений[2]. В то время как книги Шолохова, Фадеева и Фурманова выходили миллионными тиражами, он был вынужден сам заботиться о переиздании своих сочинений[3]. Газеты все реже принимали в печать его статьи о литературе и искусстве[4].

Когда-нибудь, надеялся Бабель, смогут быть изданы его сочинения о захватывающем дух в своей антагонистичности построении Советского Союза, об упущенных возможностях, о героизме и безумстве. Может быть, когда-нибудь, после смерти Сталина. Может быть, после смерти Бабеля. Может быть, в другой стране.

---

[1] Pirozhkova A. At his Side. P. 104.

[2] Так его критиковал Фадеев в «Литературной газете» от 6 апреля 1936 г. См.: Поварцов С. Исаак Бабель. Портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1995. № 3.

[3] Письмо от 29 июня 1938 г. Союзу писателей, в котором он просит о переиздании своих книг // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 315.

[4] О работниках новой культуры // Литературная газета. 1936. 31 марта. Беседа с тов. И. Бабелем // Комсомольская правда. 1936. 27 июля. Это интервью С. Трегубой легло в основу рассказа «Начало».

Лишь семейная жизнь с Антониной, которая де-факто была его второй женой, и рождение Лиды, его третьего ребенка, 18 января 1937 г., создавало ему хоть какое-то чувство защищенности. Свой летний отпуск он также провел в кругу семьи: с Антониной и Лидой[1]. Но Бабель не занимался воспитанием ни одного из своих детей - ни Михаила, ни Натали, ни Лидии. С Михаилом у него никакой связи не было, с Натали - из-за географической удаленности связь была ограниченной, хотя и очень теплой с обеих сторон. В шесть лет она видела его в последний раз, и была единственным ребенком, имевшим хоть какое-то представление об отце. А Лидии было всего два года, когда Бабель исчез. Жизнь была такая, объясняла за него Антонина Пирожкова, на первом месте всегда была работа.

В последние годы Бабель перечитывал Шолом-Алейхема на идише, что доставляло ему огромную радость и успокоение. Это были его духовные корни, которые никто не мог истребить. Из издания общего собрания сочинений Шолом-Алейхема ничего не вышло; по тем временам это было неудивительно. Со времени единовластия Сталина еврейская культура всё более притеснялась. Даже крупная газета «Дер эмес» была закрыта, возможно, из-за своего притенциозного названия - «Истина». Правду в Советском Союзе могла распространять только «Правда». Антисемитизм в Советском Союзе был запрещен, но и еврейской жизни больше не существовало. Разве что в Еврейской автономной области на Дальнем Востоке, со столицей Биробиджан. Однако это искусственное образование таковым и оставалось. Бабель считал, что и ехать туда не стоит.

Хотя он мог себе позволить такую поездку. В финансовом отношении его поддерживал Мосфильм. Киноиндустрия переживала бурный подъем, и к нему часто обращались за советом. Чтобы не ставить под угрозу возможность заработать на жизнь, ему приходилось идти на компромиссы, о которых он в другое время и не помышлял.

Эрвин Синко написал для Мосфильма сценарий фильма о падшей девушке, с рабочим названием «Катя», дал прочитать его Бабелю, тот вернул со словами: «Очень красивый фильм». Но политическое решение относительно производства фильма задержалось на несколько месяцев, и в итоге сценарий отклонили. Возмущенный Синко написал письмо в «Правду», в котором жаловался на Мосфильм и сослался на мнение Бабеля. Тот побледнел, когда услышал

---

[1] В Белопесоцкой, на Оке. См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 93.

об этом, пишет Синко, и «стал другим человеком». С большим трудом Бабелю удалось предотвратить публикацию этого письма.

Но Синко не сдавался. Он подал в суд на Мосфильм и попросил Бабеля выступить в качестве свидетеля. Он согласился, и явился на заседание суда. Однако всячески уверял, что не имеет ничего общего с фильмом «Катя» и даже не знаком со сценарием[1]. Ошеломленный Синко молча смотрел на Бабеля. Лишь спустя много времени он понял, почему тот так поступил. В то утро, накануне судебного заседания, у Бабеля была встреча с Евгенией Соломоновой, которая, будучи женой наркома НКВД, могла лучше всех посоветовать, что следует говорить: признавать или отрицать. Он всё отрицал, и смог выбраться целым и невредимым из этого дела.

Евгения Соломонова, знакомая Бабеля по Одессе и любовница по Берлину, была единственной оставшейся важной связью Бабеля в становившемся ему все более враждебным мире высокой политики. Через нее он познакомился с нынешним ее мужем Ежовым - низкорослым человеком, ростом 1,51 метр, на тот период правой рукой Сталина. Его именем названо то суровое время - ежовщина. Это отчасти заблуждение, так как он лишь исполнял то, что приказывал ему его хозяин, бывший выше него всего на 10 сантиметров. Когда Ежов подавал Сталину списки подозреваемых с грифом «Для возможных арестов: необходимо проверить», Сталин накладывал резолюцию: «Не проверять. Арестовать»[2]. Это вполне соответствовало его девизу: «Нет человека - нет проблемы». Применение силы при допросах было однозначно разрешено[3], массовые аресты без всякой причины стали обычным явлением[4]. Ужасающий итог: более 680 тысяч расстрелянных[5].

Показательные процессы были лишь вступительным актом «чисток». «Черные воронки» НКВД забирали очередных жертв в основном ночью. Когда однажды Эренбург пришел в редакцию «Известий» на улице Горького, то не обнаружил на дверях привычных табличек с именами начальников отделов. Как объяснила работница редак-

---

[1] См.: Sinkó E. Roman eines Romans. S. 407.

[2] Conquest R. The Great Terror. P. 235.

[3] Там же. С. 122.

[4] В служебном распоряжении № 00762 руководителя НКВД Берии от 26 ноября 1938 г. осуждалось именно это // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 18.

[5] См.: Courtois St. Terror gegen die Massen // «Der Spiegel». 1999, №33. Эти цифры касаются лишь тех людей, которых в те годы арестовали и расстреляли. К этому следует добавить умерших в трудовых лагерях и жертв голода 1932 г. Поэтому количество погибших намного превышает один миллион.

ции, причиной была не нехватка материала, а многочисленные аресты: «Сегодня въезжают, а завтра их уже нет»[1]. А в Доме писателей в Лаврушинском переулке, где у Эренбурга была квартира, в лифте висело объявление: «Товарищи писатели! Просьба никаких книг в мусоропровод не бросать!»[2] Мусоропроводы были забиты, поскольку все старались избавиться от запрещенных романов и рассказов.

Во избежание такой же участи для своих книг Бабель, набравшись смелости, «по-приятельски» захаживал в НКВД, эпицентр бушевавшей грозы. Он, правда, и прежде поддерживал с ним связь на протяжении многих лет[3], однако теперь речь шла уже не о сборе материала для написания романа. Речь шла о его жизни. В его дом уже подселили сотрудника НКВД как квартиросъемщика, после Штайнера[4].

Бабель неоднократно бывал в семье Ежовых, на их даче в Серебряном бору, на берегу Москвы-реки. Почти никогда не появлялся один, как правило, в окружении своих друзей - Утесова, Михоэлса, Кольцова. С последним Бабель в одно из воскресений лета 1937 г. провел несколько часов у Ежовых. Играли в городки. При каждом попадании Ежов ругался на чем свет стоит. Для него это было разрядкой после своей ужасной работы, стоившей жизни тысячам людей.

После этого он приглашал Кольцова, Бабеля и своих присутствующих коллег к накрытому столу. В гостиной было весело, за обильной выпивкой шутили на тему арестов и расстрелов. Кольцов однажды признался своему брату Борису Ефимову, что не удивился бы, если бы его там же, на месте, арестовали и расстреляли[5]. Смерть сидела с ними за одним столом.

Вероятно, Бабель чувствовал себя в этой ситуации так же. Почему бы ему тогда, в безвыходном положении, не воспользоваться исключительным доступом к НКВД, которого не было даже у многих членов Политбюро?[6] Он хотел «понюхать»[7] эту систему, «разгадать загадку»[8]: как могло случиться то, что случилось, и каким ожидать

---

[1] Ehrenburg I. Menschen, Jahre, Leben. II. S. 455.

[2] Ehrenburg Irina. So habe ich gelebt. S. 64.

[3] См.: Поварцов С. Причина смерти. С. 25.

[4] См.: Sinkó E. Roman eines Romans. S. 423.

[5] Из личной беседы с Борисом Ефимовым в Москве 31 октября 2000 г.

[6] См.: Larina-Bucharina A. Nun bin ich schon weit über zwanzig. Göttingen, 1991. S. 84.

[7] См.: Mandelstam N. Hope against Hope. New York, 1999. P. 323.

[8] См.: Ehrenburg I. Menschen, Jahre, Leben. II. S. 460.

завтрашний день? Некоторые писатели удивлялись ярко выраженному интересу Бабеля к этой организации. Василий Гроссман не понимал этого, так же как и Осип Мандельштам, хотя вместе с женой Надеждой однажды в беде воспользовался контактами Бабеля. По-видимому, они не понимали, что внешне всегда веселый и шутливый Бабель боролся таким образом за свою жизнь.

Его жена в Париже и родственники в Брюсселе не знали об опасности, грозящей Бабелю. Возможно, они начали догадываться, когда друг семьи Суварин опубликовал в «Le Figaro» резкую критику «убожества советской литературы»[1]. Полный ярости, он писал, как плохо обращаются с «работниками пера», и что редакции похожи на тюремные клетки. Поэтому именно самые одаренные писатели перестали писать. В этой связи Суварин упомянул «писателя Б.» и в конце статьи констатировал следующее: «Говорить о советской литературе означает в настоящее время выступать с надгробной речью».

На западных туристов Советский Союз производил совсем иное впечатление. Красивое звучание гимна Интернационала со Спасской башни очаровывало их и затуманивало взгляд на страну, которая была единственной, обещавшей дать отпор фашизму. Германия вооружалась, вошла с войсками в демилитаризованную Рейнскую область и вместе с Италией поддерживала в испанской войне мятежного генерала Франко против правительства Народного фронта, которое, в свою очередь, получало помощь из Парижа и Москвы.

Ромен Роллан, который уже давно сравнил злодеяния большевиков с естественными кровавыми родами, в тридцатые годы так же твердо верил в Сталина, которого считал действительно великим государственным деятелем[2]. Эту веру не поколебали даже показательные судебные процессы, хотя Роллан писал Сталину письма, в которых заступался за некоторых арестованных, в том числе и за Бухарина. Лион Фейхтвангер был, пожалуй, последовательней всех, полностью не замечая реальности. Во время своей поездки в Советский Союз он навестил Бабеля в его московском доме, который был открыт для многих представителей творческой интеллигенции из западных стран. Еще за год до этого здесь побывали Мальро и Андре Жид. Антонина приготовила ужин и во время еды принимала участие в беседе, проходившей в основном на немецком языке. Бабель объяснил собеседнику политическую

---

[1] См.: Misere de la litterature sovietique.// Le Figaro. 1937. 1/ 2 Mai.

[2] См.: Koenen G. Die großen Gesänge. S. 115.

ситуацию в стране, а Фейхтвангер поделился подробностями своей частной аудиенции у Сталина.

В то время как Бабель после беседы сообщил Антонине, что «узнал много горькой правды»[1], Фейхтвангер написал свои почти восторженные путевые заметки «Москва, 1937. Путевые заметки для моих друзей»[2]. Может быть, он что-то понял неправильно, может быть, не хотел правильно понимать, так как придерживался мнения, что в связи с политической ситуацией в Германии - в 1935 г. были изданы Нюрнбергские законы, в которых была закреплена отмена гражданских прав для евреев - у него нет выбора. Фейхтвангер прославлял генерального секретаря как хорошего организатора, который говорит на языке народа. Сталин, по его словам, не был человеком с обманчивой внешностью, а показательные процессы не свидетельствовали о мстительности или властолюбии; в конце концов, все здесь происходит справедливо. Он, Фейхтвангер, убежден в виновности обвиняемых.

Подобные высказывания можно было прекрасно использовать в целях пропаганды. Газета «Известия» быстро написала, что, как и Фейхтвангер, многие другие писатели смотрели «с нескрываемой ненавистью, непреодолимым презрением и невыразимым отвращением на обвиняемых»[3]. И Фейхтвангер на международном уровне был не единственным, кто придерживался такого мнения. Например, в США 115 знаменитых деятелей культуры - среди них такие, как Ирвин Шоу, Дороти Паркер и Дэшиэл Хаммет - выступили в поддержку процессов над «предателями»[4]. А Чарли Чаплин отправил поздравительную телеграмму по случаю двадцатилетия Советского Союза[5].

Вскоре после визита Фейхтвангера Бабелю позвонили с Киевской киностудии. Предложили написать сценарий по роману Николая Островского «Как закалялась сталь», который сразу после своего появления в 1935 г. стал классикой советской литературы и был издан солидным тиражом в пять миллионов экземпляров. Островский, ослепший еще в молодости после ранения на войне, описывает в романе историю молодого украинского парня, который в водовороте гражданской войны становится коммунистом и, несмотря на тяжелые ранения, продолжает участвовать в борьбе за построение

---

[1] Pirozhkova A. At his Side. P. 96.

[2] Впервые вышли в свет в издательстве «Querido Verlag» (Амстердам, 1937). Переизданы в Берлине, в 1993 г.

[3] См.: Известия. 1937. 24 января.

[4] См.: Koenen G. Die großen Gesänge. S. 132.

[5] Известия. 1937. 7 ноября.

нового государства. Несмотря на неудачу с «Бежиным лугом», Бабель получил заказ на сценарий, так как украинский режиссер Александр Довженко хотел работать непременно с Бабелем. По понятной причине: действие происходило в основном на Украине, во время гражданской войны, которую Бабель знал не понаслышке. Несмотря на то, что не все высшие чины были согласны с выбором Довженко, тот всё же отстоял свою позицию и пригласил Бабеля[1]. Официально операторскими работами руководила его жена Юлия Солнцева.

Бабель ожил. Он наслаждался Киевом, Днепром, ярко освещенным Крещатиком, парками. Здесь он познакомился с Женей Гронфайн, здесь опубликовал свой первый рассказ, ровно двадцать четыре года назад. Вечерами он бывал свободен, гулял по улицам, встречался со старыми знакомыми. Некоторым из них он так объяснил, почему больше не печатается: не могу отдать рукопись, если заранее знаю, что она будет изменена. В отличие от Катаева, которому ничего не стоило превратить тощего и голодного пацана в здорового и краснощекого мальчика с яблоком в руке. Этого потребовал от него ответственный редактор, обосновав тем, что в Советском Союзе не может быть «тощих и голодных мальчиков»[2]. Бабелю редактор, конечно, не стал бы звонить, чтобы попросить внести изменения в произведение «Коля Топуз» или «ЧК», - он бы сразу доложил компетентным органам об опасных антисоветских произведениях.

Незадолго до окончания 1937 г. НКВД отмечал свой двадцатилетний юбилей роскошным банкетом в Большом театре. А Бабель вызвал в Киев свою русскую семью провести с ним последние дни страшного 1937 г. Несмотря на всю сложность обстановки, он хотел еще раз ощутить атмосферу праздника.

Каждый день, каждый час он ожидал своего ареста[3]. Но ему все же дали закончить сценарий. Сценарий даже утвердили, а в конце 1938 г. две газеты напечатали отрывки из него[4], и начались кинопробы[5]. Бабель попрощался с Киевом, со многими знакомыми и отправился в Переделкино.

---

[1] Письмо от 7 ноября 1937 г.// Бабель И. Письма. С. 314.

[2] Берков М. Мы были знакомы с детства. С. 207.

[3] Разговор Ушера Спектора с Юлией Солнцевой 20 февраля 1988 г.// Личный архив У. Спектора.

[4] Эпизод «В тюрьме у Петлюры» в «Литературной газете» (1938. 30 октября) и в «Красноармейце» (1938. № 12); эпизод «Немцы на Украине» в «Красноармейце» (1938. № 10).

[5] Вероятно, в связи с его арестом съемочные работы были прекращены и больше не возобновлялись.

Его двухэтажный дом со ставнями на окнах и просторным балконом был окружен почти первозданной природой. Сосны и березы закрывали вид на протекавшую рядом реку Самару. Письменный стол Бабеля стоял в самой маленькой комнате, в которой находились кровать, кожаное кресло и книжные полки. А на коричневом деревянном полу лежал ярким пятном красный ковер из Туркменистана.

Бабель чувствовал себя почти как в Молоденово. По двору у него прогуливались корова, петух и куры, а в голубятне ворковали три пары голубей. Летом он принимал душ на воздухе, зимой топил печь. На даче было проведено даже электричество. Было так много места и удобств, что Антонина с Лидией вполне могли жить с ним в Переделкино. Иногда заходила знакомая Татьяна Стах, готовила его любимое блюдо - картошку с баклажанным соусом.

Вначале Бабель отказывался жить и работать вместе с другими писателями в искусственно созданном для этого месте. Однако побывав в Переделкино, он увидел, что территория довольно обширная, и можно подолгу не видеться с коллегами, если этого не хочется. В народе дачный городок писателей называли «вишневым садом Сталина». Роскошный городок, и все же лишь средство для цели: по хорошо проложенной дороге НКВД достаточно было чуть более получаса, чтобы нагрянуть сюда и «урезонить» кого-либо из писателей, забрав его с собой.

В связи с грозившим Бабелю арестом сконцентрироваться удавалось с большим трудом. Несмотря на это, он много писал, вспоминает Антонина Пирожкова. Он хотел издать свои «Новые рассказы» и, таким образом, «разбогатеть»[1]. Однако единственным изданным рассказом был «Суд»[2]. В нем повествуется о Борисе Недачине, бывшем подполковнике царской армии, который сбегает в Париж с акциями и драгоценностями своей любовницы. Неудавшаяся жизнь, следствие, в конце которого выносится приговор: десять лет тюрьмы. Со словами «Все кончено, старик» жандарм выводит его из зала суда[3].

В состоянии неопределенности относительно своей дальнейшей судьбы Бабель отправился в сентябре 1938 г. в Ясную Поляну, имение своего идеала - Льва Толстого. Там он решил творчески подзарядиться, так как в этих местах «ток шел от земли, прямо через руки, прямо к бумаге»[4]. При этом у Бабеля и в мыслях не было копировать

---

[1] Pirozhkova A. At his Side. P. 111.

[2] Впервые напечатан: Огонек. 1938. № 23.

[3] В оригинале на французском языке: «C'est fini, mon vieux».

[4] Стенограмма литературного вечера с Бабелем 28 сентября 1937 г.// РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Д. 57.

свой идеал: «Мне интересно его читать, но мне не интересно писать по его методу»[1]. Бабель хотел увидеть дом, в котором жил Толстой, письменный стол, за которым он работал. В честь него Бабель надел традиционную длинную крестьянскую рубаху, какую носил Толстой в последние годы своей жизни. Бабель выглядел уставшим, вспоминает Шкловский, сопровождавший его в этой поездке. Уставшим и грустным. Глаза 44-летнего Бабеля больше не блестели озорно, он уже не искрился одесско-еврейским юмором.

Бабель в письме в Брюссель описал, как был особо впечатлен аскетически обставленной рабочей комнатой Толстого. И хотя он никогда не придавал особого значения материальным ценностям, но по сравнению с Толстым ему жилось намного лучше. Под впечатлением поездки Бабель сформулировал свое желание в новогоднем номере «Литературной газеты», адресованное советской книготорговле на 1939 г.: издать полное собрание сочинений Льва Толстого[2].

В первые дни наступившего 1939 г. в нем опять затеплилась надежда. Волна «чисток» схлынула, не затронув его, «черные воронки» НКВД приезжали не так уж часто. А впереди его ждали новые киносценарии. Вначале он работал над экранизацией автобиографической трилогии Горького[3]. И хотя его имя не было указано в титрах в конце фильма, Илья Груздев, официальный автор сценария вместе с Марком Донским, очень долго помнил своего соавтора Бабеля[4]. Жена Горького, Екатерина Павловна, попросила Бабеля посодействовать, чтобы произведение ее мужа не было искажено[5]. В память о своем литературном наставнике Бабель еще в 1937 г. посвятил Горькому весь четвертый номер иллюстрированного журнала «Советский Союз на стройке».

Другой заказ на сценарий, на этот раз от киностудии «Союздетфильм», дал ему неожиданную возможность, на что он и не надеялся, поехать в город, в котором он познакомился с Горьким: Петроград, в то время уже Ленинград. Здесь он должен был в спокойной обстановке закончить сценарий к фильму «Старая площадь, 4», и здесь, на улице Кирова, находился музей авиации «Осоавиахим», сотрудники которого могли его тут же проконсультировать. «Я не умею

---

[1] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Д. 57.

[2] Литературная газета. 1938 г. 31 октября.

[3] «Детство», «В людях», «Мои университеты».

[4] См.: Шнейдерман И. Образы Горького на экране // Литература и кино. 1965. С. 127. Когда Бабеля арестовали, о сотрудничестве с ним замалчивали.

[5] Pirozhkova A. At his Side. P. 111.

выдумывать, - сказал он однажды Паустовскому. - Я должен знать все до последней прожилки, иначе я ничего не смогу написать»[1].

Бабелю пришлось полностью вживаться в незнакомую для него тему. Речь в фильме шла не о ЦК, как можно было бы предположить из названия (ЦК располагался по адресу: Старая площадь, дом № 4), а о воздухоплавании, точнее, о строительстве воздушных судов и тем самым о техническом прогрессе, о героическом стремлении Советского Союза догнать и перегнать высокоразвитые страны, создав воздушные суда, летающие дальше всех и выше всех.

В начале тридцатых годов воздушным судам в транспортной системе Советского Союза отводилась существенная роль. Одна из 36 потолочных мозаик станции Маяковской Московского метрополитена изображала воздушное судно, проплывающее над Кремлем. С их помощью планировалось соединять города, тоннами разбрасывать на поля семена, обеспечивать снабжение труднодоступных районов. На почтовых марках изображались гигантские конструкции с металлическим каркасом, летящие на фоне заводов и фабрик к сталелитейному городу Магнитогорску и над всем Советским Союзом. Партия хотела, чтобы исполнилась мечта всего человечества. И денег на это не жалела, как заверяли итальянского инженера Умберто Нобиле, которого Советский Союз попросил в начале тридцатых годов возглавить программу производства дирижаблей[2]. Муссолини дал свое согласие, поскольку не видел дальнейшей пользы от этих громоздких транспортных средств в Италии. В период с 1933 до 1936 г. было построено пять прототипов. Один из них, В-6, установил мировой рекорд по длительности полета, пролетев 130 часов 27 минут.

Фильм повествует о строительстве дирижабля «СССР-1». На первый взгляд, сценарий выглядит восхвалением Советского Союза и его граждан, которые никогда не сдаются и не отступают от своей цели. Но сценарий можно было понять и как тонкую критику советского государства[3], а также Сталина. Его образ воплощается в облике профессора Полибина, непроницаемого ученого, который пытается устранить двух своих конкурентов - Петра Жукова, то есть Троцкого, и Ивана Толмазова, то есть Бухарина. Когда пробный запуск дирижабля потерпел неудачу, дружелюбный поначалу профессор Полибин попытался остановить строительство. Однако

---

[1] Паустовский К. Рассказы о Бабеле. М., 1989. С. 27.

[2] См. подр.: Nobile U. My Five Years with Soviet Airships. Akron, Ohio, 1987.

[3] Сценарий был опубликован впервые лишь в 1963 г. в журнале «Искусство кино», № 5. См.: Бабель И. Сочинения. Т. 2. С. 517.

молодые коммунисты проявляют смекалку: провоцируют пожар, чтобы вывести воздушное судно из ангара, и «СССР-1» успешно взлетает. Может быть, это было надеждой Бабеля: под молодыми подразумевается проект под названием «Советский Союз», а Сталину остается лишь с удивлением наблюдать за происходящим, чтобы затем уйти в отставку[1]. Планировалось, что фильм будет сниматься в г. Долгопрудном, но место, где должен был быть построен «СССР-1», является аллегорией бюрократического центра управления советским государством на Старой площади, возле Кремля.

20 апреля Бабель с облегчением писал в Брюссель, что целая гора упала с его плеч[2]. Он выполнил заказ без промедления, всего за двадцать дней. Вскоре после этого родные получили от него последнее письмо, датированное 10 мая, в котором Бабель сообщал, что только что закончил другую работу для кино - о Горьком и вскоре приступает «к окончательной отделке заветного труда»[3] - намеченному на осень изданию рассказов, которые до этого не публиковались. Своих родственников он просил писать ему почаще. Он часто просил их об этом, так как чувствовал себя одиноко.

До самого конца Бабель разрывался между тремя своими семьями - русской, французской и бельгийской. Развязать этот сложный узел он не мог. Его жена Женя не хотела возвращаться в Советский Союз. А он не хотел уезжать на Запад. Хотя у него неоднократно была возможность эмигрировать, он оставался жить в России. Однако теперь его шансы прожить там «праведную жизнь»[4] улетучились. Евгения Соломонова покончила жизнь самоубийством еще в ноябре 1938 г. Ее мужа Ежова арестовали в апреле 1939 г.[5] Бабель остался один. В марте его заклятый враг Буденный был назначен заместителем народного комиссара обороны[6]. Бабель наверное покачал головой, прочитав заголовок «Правды» 1 мая 1939 г., День международной солидарности трудящихся: «Все прогрессивные люди говорят о нашей стране - Союзе Советских Социалистических Республик: «Вот она, обетованная земля коммунизма!»[7].

---

[1] См.: James E. Falen. Isaac Babel. Knoxville, 1974. S. 231.

[2] Письмо от 20 апреля 1939 г.// Бабель И. Письма. С. 347.

[3] Письмо от 10 мая 1939 г.// Там же. С. 349.

[4] Письмо от 20 апреля 1939 г.// Там же. С. 347.

[5] Находясь в санатории, Евгения Ежова 21 ноября 1938 г. покончила жизнь самоубийством. Ее мужа арестовали 10 апреля 1939 г. и расстреляли 4 февраля 1940 г.

[6] См.: Золототрубов А. Буденный. М., 1983. С. 300.

[7] Brooks. Thank you, Comrade Stalin. P. 54.

Глава 9

ВРАГ НАРОДА (1939–1940)

Не дали закончить...

Бабель Антонине Пирожковой
после своего ареста

Это произошло 15 мая 1939 г. в пять часов утра, в понедельник. Москва еще спала. Аромат весны витал в воздухе. На улицах были лишь дворники. Вряд ли они обратили внимание на черный автомобиль и на сидевших в нем людей. Четверо в штатском и один в военной форме заехали в Большой Николо-Воробинский переулок и позвонили в дверь дома № 4.

Горничная открыла дверь с растерянным видом. У приехавших при себе не было ордера на обыск или арест[1], он им в те дни и не был нужен. Они отодвинули девушку в сторону, двое из них поднялись по лестнице и постучали в дверь комнаты Антонины. Они объяснили, что разыскивают какого-то человека и осмотрели чердак, в то время как двое других ждали на первом этаже. Затем вошедшие люди назвали истинную причину утреннего визита: Исаак Бабель[2]. Однако тот спокойно спал в 40 километрах отсюда, в Переделкино.

Маленькая оплошность таких непогрешимых чекистов. С полной невозмутимостью они вытряхнули и перевернули содержимое всех шкафов и ящиков. От шума проснулась Татьяна Стах, которая, опоздав на свой поезд, заночевала в комнате Бабеля. В коридоре она наткнулась на оцепеневшую Антонину. Ее двухлетняя дочь Лидия

---

[1] Ордер на арест и на обыск № 3003 был выписан лишь на следующий день, 16 мая 1939 г. См.: Материалы следственного дела Бабеля. С. 19.

[2] Pirozhkova A. At his Side. P. 112.

сидела с заспанными глазами в кровати. Прошло какое-то время, пока Стах поняла, что происходит[1].

Выяснив, что она друг семьи, ночные визитеры попросили ее остаться. Сохраняя присутствие духа, она направилась было в комнату Бабеля в надежде спасти его тексты. Но было уже поздно, ищейки рылись в содержимом его ящиков: 15 папок с разными рукописями, 11 папок с исписанными черновиками, семь папок с набросками - больше, чем все то, что Бабель опубликовал. Кроме того, здесь было 400 личных писем, 254 страницы переписки, 27 писем и открыток из-за границы[2]. Стах вынуждена была молча наблюдать за действиями сотрудников НКВД. Из книг они вырывали страницы с названиями, а также листы с дарственными надписями и собирали их в стопку на столе, сами книги были небрежно брошены на полу. Стах вышла из комнаты, она не могла выдержать вида этого зрелища.

Через три часа первая стадия обычной для НКВД инспекции закончилась. Вместе с Антониной трое сотрудников поехали в Переделкино, чтобы нанести настоящий удар - арестовать врага народа Бабеля. Водитель выбрал самую короткую дорогу по Минскому шоссе, затем свернул на улицу, которая вела в Переделкино.

Все, за исключением водителя, прошли в дом. Когда Пирожкова в нерешительности остановилась перед дверью комнаты Бабеля, один из сотрудников НКВД жестом приказал ей постучать. «Кто там?», - спросил заспанным голосом Бабель. «Я», - был ответ Пирожковой. Когда он открыл дверь, двое сотрудников ворвались внутрь, скомандовали громким голосом «Руки вверх!» и обыскали застигнутого врасплох - нет ли у него оружия.

После того как Бабеля и Пирожкову отвели в другую комнату, где они сидели, держась за руки, опять начался обыск. Он также стал доказательством того, насколько продуктивно работал Бабель в последние годы: были конфискованы три рукописные книги, девять папок с разными рукописями, десять писем, остальная переписка на восьми листах[3].

Бабелю и Пирожковой было приказано надеть пальто и сесть в ожидавшую машину. Когда они ехали короткой дорогой через лес, Бабель произнес в тихом отчаянии: «Не дали закончить...»[4]. Он имел

---

[1] См.: Стах Т. Предрассветные гости // Радуга. 1995. № 7. С. 97.

[2] Материалы следственного дела Бабеля. С. 20. События после ареста Бабеля изучались В. Шенталинским и С. Поварцовым.

[3] Материалы следственного дела Бабеля. С. 21.

[4] Pirozhkova A. At his Side. P. 113.

в виду «Новые рассказы», но также и многие другие, частично уже завершенные проекты, рукописи которых также были изъяты НКВД: его роман «Коля Топуз» и книга о ЧК, десятки коротких рассказов и почти готовая театральная пьеса[1], рассказы о Кабардино-Балкарии и ее герое Калмыкове, о коллективизации и советской семье в период перелома[2]. Над ними он работал с 1928 г.

Бабель решил разрядить молчаливую атмосферу поездки, поинтересовавшись у сотрудника НКВД: «Что, мало приходится спать?». Ответа не последовало. Когда черный автомобиль приблизился к оживленному центру Москвы, штаб-квартире госбезопасности, Бабель попросил Антонину срочно сообщить о случившемся Андре Мальро. Наверное, надеялся, что иностранец, тем более человек со всемирно известным именем, сможет для него хоть что-нибудь сделать. Среди его советских знакомых уже никто не обладал той властью и влиянием, чтобы вызволить его из тюрьмы. Кроме того, любая попытка со стороны отважившегося на это могла быть опасной для него самого.

Машина проехала сквозь массивные ворота мощного здания на площади Дзержинского и остановилась перед тюрьмой на Лубянке. Бабель крепко поцеловал Антонину и попрощался с ней словами: «Когда-нибудь увидимся...». Но сам он в это, наверное, уже не верил. Он слишком хорошо знал НКВД. Ему было ясно, что сюда он привезен не в качестве свидетеля и что его уже не выпустят. Но почему его арестовали именно сейчас? Ведь разгар «чисток» уже прошел.

Накануне ареста Бабеля Сталин вызвал к себе Кагановича, Ворошилова, как и прежде, одного из самых резких критиков Бабеля, и нового наркома внутренних дел Лаврентия Берия. Во встрече принимал участие также председатель Совета народных комиссаров Молотов[3]. Предметом разговора был, вероятно, предстоящий арест Бабеля.

Имеются косвенные доказательства того, что планировался большой показательный процесс, на этот раз против творческой интеллигенции. Аресты публициста и журналиста Кольцова, писателя и

---

[1] Письмо Бабеля Берии от 11 сентября 1939 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 81.

[2] Материалы следственного дела Бабеля. С. 115.

[3] См. запись в Журнале записи лиц, принятых Сталиным 14 мая// РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин). Оп. 11. Д. 412. Молотов, Ворошилов, Каганович с 16:05 до 16:50 были у Сталина; Берия прибыл на 25 минут позже и также оставался до 16:50. Почти час спустя, в 17:45, началось еще одно двухчасовое совещание с Ворошиловым и Берией, Каганович прибыл в 18:15 и пробыл там час.

сценариста Бабеля, актера и режиссера Всеволода Мейерхольда, происшедшие в течение шести месяцев, а также то, как велись допросы, позволяют сделать такой вывод[1]. Все трое в своей области имели всемирную славу. У них были контакты с другими деятелями культуры, которых тоже следовало урезонить. Одним махом Сталин избавился бы от неприятных критиков. То, что этого не произошло, связано, прежде всего, с началом Второй мировой войны. На повестке дня стояли уже более важные вопросы. Но и освобождение к тому моменту было уже невозможным. Слишком многое видели и знали эти трое - то, что не подлежало огласке.

Вообще особое недоверие Сталина к Бабелю не следует недооценивать. За несколько недель до его ареста Бабелю позвонил секретарь Союза писателей Фадеев. Он спросил, не намерен ли Бабель куда-нибудь выехать. Сталин срочно интересуется, когда выйдут следующие книги Бабеля[2]. Это было явным предупреждением, однако Бабель проигнорировал его. Он даже не попытался спрятать часть своих рукописей у друзей, как сделал это с дневником по «Конармии».

Писателей не арестовывали за то, что они перестали публиковаться. Но отказ от работы, а именно так было воспринято молчание Бабеля, могло быть воспринято как свидетельство того, что человек посвятил себя другим занятиям. В самом худшем случае - контрреволюционной деятельности, шпионажу на врага. Кроме того, Сталин, возможно, считал, что наступил подходящий момент отомстить Бабелю за написанное им о польском походе. Бабель осознавал, что «Конармия» способствовала его успеху, но именно она и повлекла за собой его арест. Поэтому на первом же допросе он отмежевался от этого произведения[3].

Помимо этого, был еще другой совершенно конкретный повод для ареста Бабеля. Во время своего допроса 11 мая 1939 г. Ежов сообщил НКВД о своей жене и ее связях с Бабелем. При этом бывший комиссар внутренних дел подозревал обоих в шпионской деятельности[4]. Это обвинение было позже включено в обвинительное заключение на Бабеля[5]. Уже одно знакомство с Ежовым могло послужить причиной ареста, предполагал позже Никулин[6].

---

[1] См.: Waksberg A. Die Verfolgten Stalins, Reinbek, 1993. S. 57; Поварцов С. Причина смерти. С. 75.

[2] Стах Т. Предрассветные гости. С. 96.

[3] Материалы следственного дела Бабеля. С. 28.

[4] Там же. С. 67.

[5] Там же. С. 92.

[6] См.: Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. С. 373.

К тому же ходили слухи, что Ежов собирал материал на Сталина[1], а Бабель говорил, что у него есть компрометирующие документы на руководство партии: «Сведения, которыми я располагаю, могли бы стать мировой сенсацией, попади они в руки иностранного журналиста»[2].

Во время допроса слова Бабеля, которые были известны НКВД, очевидно, были оставлены без внимания. Возможно, сведения, о которых здесь шла речь, были настолько секретными, что их нельзя было фиксировать даже в протоколе. Может, Бабель надеялся, что это могло бы стать своего рода подстраховкой, если бы поверили, что он владеет соответствующими доказательствами. Нельзя исключить также и то, что речь шла о вымысле НКВД, чтобы обвинить Бабеля. Шпионаж и измена родине были тяжким обвинением, которое очень даже напрашивалось из-за необычного образа жизни Бабеля, его удивительной независимости и многочисленных контактов с иностранцами. От НКВД лишь требовалось заставить его оговорить себя. Одного допроса для этого было недостаточно. Поэтому Бабель еще в день своего ареста был доставлен в пресловутую Сухановскую тюрьму.

Собственно, раньше это была божья обитель. Но с 1931 г. Екатерининский монастырь, расположенный от Москвы в двух часах езды на машине, находился в руках государства. Теперь здесь не монахи молились Богу, а замученные до смерти заключенные. Спецобъект № 110 был самой страшной тюрьмой НКВД. Тех, кто там был, вспоминал Александр Солженицын, «потом не доспросишься: или бессвязный бред несут, или нет в живых»[3]. Прямым телефонным звонком в Кремль можно было в любое время суток доложить о приведении наказания в исполнение. Для избавления от трупов в монастыре был сооружен крематорий. В свободное время надзиратели стреляли по фрескам купола.

Бабель был заключен в одну из 68 бывших келий. Один. Стол и стул были привинчены к полу, раскладная кровать опускалась вниз лишь на несколько ночных часов. Холодные камеры размером 156 х 209 см с массивными стенами были почти звуконепроницаемыми.

---

[1] Относительно его возможных связей с царской охранкой. См.: Rogowin W. 1937 – Jahr des Terrors. Essen, 1998. S. 531.

[2] Материалы следственного дела Бабеля. С. 79.

[3] Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. С. 132.

Первые 25 из 257 дней пребывания в тюрьме Бабель провел «на даче побоев»[1]. Заключенный получал 52 разных вида побоев[2]. Это были пинки резиновыми сапогами, которые, не оставляя следов, могли привести к тяжелейшим повреждениям внутренних органов. Бабелю пришлось испытать на себе ночью, так как днем в расположенном в идиллическом месте монастыре не «работали», и арестанты могли немного отвлечься и обменяться новостями.

Для сообщений в тюрьмах в то время перестукивались при помощи «морзянки»[3]. Представьте себе квадрат из букв с полями 6 х 6. Чтобы «написать» букву «Б», нужно было постучать сначала один раз для обозначения первого ряда и после короткой паузы постучать два раза для обозначения места буквы на этой строчке[4]. Трудоемкий процесс. Но необходимый, чтобы не потерять разум в изоляции. Подругому Бабель мог говорить только во время допроса. Но разговор этот был далеко не занимательным. Его немедленный перевод в Сухановку свидетельствовал о том, что из него любыми средствами и побыстрее хотели выбить признание. Это было задачей специалистов по допросу Льва Шварцмана и Бориса Родоса. Родос «был страшным человеком с духовным горизонтом курицы и нравственно полностью опустившимся»[5]. Он недоучился в начальной школе, а в революционные годы прислуживал ЧК. Позже его спрашивали, знал ли он вообще, кем был Бабель. Ответ был: «Мне сказали, что он писатель». А на вопрос, читал ли он что-нибудь из его произведений, ответил: «Зачем?»[6].

Родос быстро дал понять Бабелю, что от него ожидает и что ему грозит в случае отказа. Мейерхольду, который был арестован через месяц, Родос сломал левую руку и помочился ему в рот[7]. Другой сотрудник НКВД хвастался, что в любое время мог бы выбить признание и у Карла Маркса, что он агент Бисмарка[8]. А Кольцов незадолго до своей смерти написал в протоколе, что он признался

---

[1] Справка из архива ФСБ от 10 февраля 1994 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 131.

[2] Головкина Л. Тихая обитель (Сухановка). М., 1996. С. 24.

[3] Koestler A. Sonnenfinsternis. München, 1998. S. 27.

[4] Русский алфавит состоит из 33 букв. Для латинского алфавита из 26 знаков хватило бы квадрата 5 х 5.

[5] См.: Antonov-Ovseyenko A. The Time of Stalin. New York, 1983. P. 150.

[6] Ваксберг А. Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая.

[7] См.: Conquest R. The Great Terror. S. 306 и след. Родос впоследствии выпустил учебник по проработке подсудимых в камерах. См.: Шенталинский В. Рабы свободы. С. 32.

[8] Conquest R. The Great Terror. P. 81.

под ударами палок, от которых ломит все тело, и в таком состоянии признаешься во всем[1].

Пытали ли Бабеля таким же образом, неизвестно, однако вероятность этого очень высока. В конце концов, бывший нарком внутренних дел Генрих Ягода посоветовал ему в случае ареста отрицать все обвинения: «Если все отрицать - тогда мы бессильны»[2]. Однако отрицание после самых изощренных пыток становилось невозможным.

После двухнедельной подготовки Бабеля допрашивали три дня и три ночи, почти беспрерывно. Это были, наверное, самые страшные дни в его жизни[3]. Следователи должны были добиться от Бабеля «признания», чтобы таким образом задним числом обосновать его арест. Прямо как в одесском анекдоте: «Жора, пожарь рыбу!» - кричит сосед через двор. - «Но где рыба?» - спрашивает Жора. - «Начни просто жарить, а рыба подоспеет».

Попытки Бабеля объясниться свидетельствуют о страхе, осторожности и стремлении убедить следователей в своей невиновности. Он находится в тюрьме из-за «рокового стечения обстоятельств» и из-за его «неплодотворной деятельности в последние годы». Следователи сочли это слишком наивным, и, разозлившись, продолжили свое дело. В результате Бабель назвал свои многочисленные поездки за рубеж и тесные связи с троцкистами «тяжелейшими ошибками». Допрос принес первые успехи и был продолжен. Теперь Бабель признался, что у него была «антисоветская позиция». Более того, он больше не видит смысла «в дальнейшем отрицании своей действительно тяжкой вины перед советским государством»[4].

Такие неожиданные повороты можно часто видеть в протоколе допроса Бабеля. Либо это была тактика Бабеля, чтобы довести обвинения до абсурда, либо, что кажется более правдоподобным, в отношении него была применена сила. Так, например, на обвинение, что он шпион, он отвечает, что его никто не вербовал для шпионской деятельности. Его жестко предупреждают, что сейчас докажут ложность его показаний. Бабель тут же «ломается» и признает, что был завербован Андре Мальро для шпионской деятельности на

---

[1] ЦА ФСБ. Москва. Дело Кольцова.

[2] Pirozhkova A. At his Side. P. 63.

[3] Допрос с 29 по 31 мая 1939 г. // Материалы следственного дела Бабеля. С. 22-47.

[4] Там же. С. 23

французскую разведку[1]. Совершенно немыслимое утверждение: те, якобы, секретные сведения о советской авиации, которые он якобы передал дальше, были опубликованы до этого в «Правде»[2]. Сделав такое признание, Бабель, возможно, надеялся на то, что его наконец оставят в покое. Кроме того, Мальро, на помощь которого он тщетно надеялся, находился в безопасности за границей.

Но Бабель «закладывал» и других, давал показания об их причастности к измене родине и шпионажу. Среди них были Воронский, который в 1937 г. скончался в тюрьме, чего Бабель, наверное, не знал; писатели Иванов, Пильняк, Сейфуллина, Катаев, Олеша, Эренбург, режиссеры Эйзенштейн и Михоэлс и эстрадный певец Утесов. По протоколу, Бабель покорно просит разрешения продолжить давать показания, а следователи отвечают по-деловому и строго: «Если это имеет отношение к вашей шпионской работе, то говорите»[3]. Таким образом, произошло полное превращение Бабеля из писателя во врага народа.

При помощи протоколов допроса удалось письменно зафиксировать и официально подтвердить «вину» Бабеля. Вопросы и ответы читаются как гладкое интервью. Слишком гладкое. Поскольку они представляют собой смесь устных показаний, письменных самооговоров и чистой выдумки. Некоторые детали признания Бабеля, написанные им на нескольких страницах, были опущены, в особенности те, где речь шла о его связях с Героями Советского Союза, ведь Бабель должен был быть изображен однозначно - как преступник. Допустимы были только черный и белый цвета. Никаких полутонов. А если и этого не хватало, следователи сами добавляли «необходимые» пассажи. Нарком Берия позже назовет эти протоколы допроса «настоящим произведением искусства»[4]. Хотя они не предназначались для широкой огласки, следовало сохранить хотя бы видимость справедливого процесса. На деле Бабеля стоял гриф «Хранить вечно», равно как и на делах десятков тысяч других арестованных, сосланных и убитых.

Спустя три дня допрос закончился. Спустя семь дней Берия отправил протокол[5] Жданову, близкому доверенному лицу Сталина, ко-

---

[1] Допрос с 29 по 31 мая 1939 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 33. Сталин действительно считал Францию опасным противником, который хотел всячески выведать секреты Советского Союза.

[2] Поварцов С. Причина смерти. С. 118.

[3] Материалы следственного дела Бабеля. С. 33 и след.

[4] Шенталинский В. Рабы свободы. С. 32.

[5] Письмо за № 1964/б с грифом «Совершенно секретно» от 7 июня 1939 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 47.

торый особенно усердствовал в проведении «чисток» среди литераторов. Он наверняка остался доволен выбитым признанием. Тем самым Бабель навсегда лишился свободы. Уже на следующий день председатель Литфонда Константин Федин в письме, адресованном Берии, просил разрешения использовать дачу Бабеля для целей «творческой работы и отдыха»[1]. Все поняли, что Бабель уже не вернется.

«Мастера пыток» в Сухановке сделали свое дело. 10 июня 1939 г. Бабель был переведен из этой варварской обители в тюрьму на Лубянке. Почему же его не расстреляли сразу? Потому что он еще не все рассказал. По крайней мере, в этом его обвинили во время следующего допроса. И Бабель дал очередные показания. Да, ему есть что рассказать об активных троцкистах в армии, его знакомых по Первой Конармии и о «антисоветской группе, которую создал и возглавлял лично я, Бабель»[2]. Бабель был сломлен. Он делал все, что от него требовали. Он клеветал на своих друзей - Эйзенштейна и Михоэлса, Олешу и Эренбурга. И, наконец, некогда проживавший с ним в одном доме Штайнер стал «австрийским шпионом», с которым Бабель якобы сотрудничал. Это абсурдное обвинение НКВД связало с самооговором Евгении Соломоновой-Ежовой, который сделал ее «английской шпионкой».

Затем последовала кульминация бесконечной череды допросов и признаний: друзья Бабеля Евгения Соломонова-Ежова и Бетал Калмыков будто бы планировали покушение на Сталина и Ворошилова. А Бабель якобы призывал молодых писателей к террористическим действиям, с помощью которых он намеревался спасти советскую литературу[3].

Материала было достаточно, чтобы спустя 24 дня после задержания выдать санкцию на арест с подробным обоснованием. Основанием для обвинения служила статья 58 Уголовного кодекса. Эта «великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая»[4] для борьбы с «контрреволюционными преступлениями» была универсальным советским оружием против нежелательных лиц. Она состояла из 14 пунктов, три из которых должны были быть применены против Бабеля: пункт 1а (измена родине), пункт 8 (террор любого вида против представителей Со-

---

[1] Письмо от 8 июня 1939 г. с грифом «Секретно» // Материалы следственного дела Бабеля. С. 47.

[2] Допрос от 15 июня 1939 г. // Материалы следственного дела Бабеля. С. 49 и след.

[3] Материалы следственного дела Бабеля. С. 61.

[4] Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 5. С. 51.

ветской власти), пункт 11 (организация и подготовка преступлений, предусмотренных в данной статье). За измену родине полагалась высшая мера наказания: расстрел с конфискацией всего имущества.

В течение следующих месяцев Бабеля допрашивали неоднократно. Ничего нового получено не было. Однако на основе его показаний готовились следующие аресты. Признания Бабеля и Кольцова были переданы в секретный отдел НКВД[1].

Лето и осень он провел в тюрьме на Лубянке в разных камерах с разными соседями. В это время Пирожковой приходилось отбиваться от наседавших на нее издателей, требовавших возврата авансов, выплаченных Бабелю за так и не законченные рукописи. В отчаянии она позвонила в НКВД, и ее тут же оставили в покое. Таким образом, у нее остались средства, чтобы ежемесячно передавать в НКВД по 30 рублей, с помощью которых она хотела хоть как-то улучшить условия жизни Бабеля. Фрукты, чай и печение, на покупку которых она давала эти деньги, он, скорее всего, ни разу не получил.

Но он получал информацию о событиях в мире. Его потрясло нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., а «Правда» ограничилась сообщением об этом лишь на пятой странице. Ввиду такого развития событий в мировой политике знаменитый еврей Бабель стал еще более нежелательной фигурой, ведь у него были тесные контакты с художниками-антифашистами по всей Европе. Своему соседу по камере Льву Бельскому, некогда заместителю председателя НКВД, Бабель сказал, что теперь его точно расстреляют[2].

Но, собрав все свои силы, Бабель спустя 11 дней после нападения немцев на Польшу написал письмо на имя Берии. В начале письма Бабель благодарит революцию за то, что она сделала возможной его карьеру, и сознается в своих «ошибках и преступлениях». Затем он переходит к цели своего письма: он хотел бы доработать свои незаконченные рукописи, привести их в порядок. Ответ на это письмо он так и не получил.

Вскоре после этого Бабель отказался от части своих признаний, в которых он обвинял Эйзенштейна и Михоэлса[3]. В последнем из трех

---

[1] Письмо от 19 июня 1939 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 62. Еще в 1936 г. НКВД потребовал от дочери Эренбурга Ирины шпионить за знакомыми своего отца в Париже. Она отказалась. См.: Ehrenburg Irina. So habe ich gelebt. S. 62. Илья Эренбург и Юрий Олеша избежали ареста и ушли из жизни намного позже естественной смертью.

[2] Шенталинский В. Рабы свободы. С. 68.

[3] Допрос Бабеля 10 октября 1939 г. Материалы следственного дела Бабеля. С. 83 и след.

своих писем на имя прокурора он назвал «ложью» свои показания против Эренбурга и других[1]. Он подтверждал лишь свою деятельность в качестве французского и австрийского шпиона - отрицать всю вину полностью не имело никакого смысла. Но частичным признанием вины, вероятно, удалось бы смягчить обвинение. Насколько несостоятельными были «выбитые» доказательства вины, он видел по протоколам допроса других, отрывки из которых зачитывались ему, в которых он обвинялся во всевозможных преступлениях[2].

16 января 1940 г. Берия написал Сталину, что из 457 арестованных 346 следует приговорить к высшей мере наказания - расстрелу, а 111 - к заключению в лагерь на срок не менее 15 лет. Его письмо заканчивалось словами «Просим Вашей санкции». В приложенном к письму списке под № 12 числился Бабель, под № 137 - Кольцов, а под № 184 - Мейерхольд[3]. На следующий день Политбюро согласилось с предложением Берии.

Таким образом, письма Бабеля прокурору остались без ответа. Но зато 25 января 1940 г. ему было передано окончательное обвинительное заключение, получение копии которого он подтвердил письменно. У него была одна ночь на то, чтобы прочитать, в каких выдуманных преступлениях он обвинялся. Ничего нового там не было. Его обвиняли в том, что в 1927-1928 гг. он был активным членом троцкистской организации, с 1934 г. - шпионом французской и австрийской разведок и готовил террористические акты против руководителей государства. Так он был виновен согласно статье 58, пункты 1а, 8 и 11 Уголовного кодекса РСФСР.

Военная коллегия Верховного суда собралась 26 января на закрытое судебное заседание в Бутырской тюрьме, куда Бабеля перевели в ноябре 1939 г. Заседание проходило в кабинете Берии, но в его отсутствие. Успешно поработав ночью, днем он, как правило, отдыхал. Бабель использовал последнюю возможность сказать правду и отрицал все, в том числе и шпионскую деятельность, которую он якобы осуществлял[4]. У председателя трибунала рижанина Василия Ульриха не было времени разбираться с отрицаниями Бабеля. На

---

[1] Письмо от 2 января 1940 г.// Материалы следственного дела Бабеля. С. 88.

[2] Показания Ежова и Пильняка, вместе с другими, были подшиты к делу Бабеля// Материалы следственного дела Бабеля. С. 66-76.

[3] Протокол закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР. «Совершенно секретно»// Материалы следственного дела Бабеля. С. 90.

[4] Поварцов С. Причина смерти. С. 174.

каждое дело отводилось всего 20 минут. А в этот день их предстояло рассмотреть еще 16[1]. Ходатайство о пересмотре показаний Бабеля все равно не имело никакого смысла. Ведь Ульрих – этот низкорослый, лысый, розовощекий человек с подстриженными усиками, не имевший юридического образования[2], не мог не знать, каким образом фабриковались обвинительные заключения и добывались признания. И Ульриху это тоже было безразлично. Будучи добросовестным исполнителем воли государства, он принимал участие в казнях и порой исполнял их самолично[3].

Защитника Бабелю вообще не предоставили, в свидетелях, этот так называемый процесс, тоже не нуждался. Ведь приговор, произнесенный быстрее, чем требовалось времени, чтобы написать его, был известен заранее[4]. В ночь на субботу, 27 января 1940 г., в 1 час 40 минут Исаак Бабель был расстрелян[5]. Такая же участь постигла в тот день еще 16 человек[6].

Шаббат, еженедельный еврейский праздник, обещал быть ясным днем, столбик термометра в Москве показывал минус 12 градусов по Цельсию. И лишь тусклый свет разливался над городом. Мессия из Одессы, желавший принести солнце в Россию, был мертв.

---

[1] Waksberg A. Die Verfolgten Stalins. S. 19.

[2] Там же.

[3] Приговор // Материалы следственного дела Бабеля. С. 92.

[4] Точное подтверждение в справке ЦА ФСБ РФ от 10 февраля 1994 г. // Материалы следственного дела Бабеля. С. 130.

[5] См.: Поварцов С. Причина смерти. С. 177.

[6] См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 139.

ЭПИЛОГ

Через шесть дней после смерти Бабеля были расстреляны Кольцов и Мейерхольд, а 4 февраля - Ежов. Их трупы были доставлены в крематорий на Донском кладбище в Москве, а прах высыпан в общую погребальную яму - так произошло символическое объединение НКВД и его жертв.

Родным Бабеля правды о его смерти не говорили. Их лживо заверяли, что он отправлен в лагерь. Совершенно незнакомые люди заговаривали с Антониной Пирожковой и Женей Гронфайн на улице и утверждали, что недавно видели Бабеля[1].

Антонина использовала все возможности, что бы узнать о судьбе мужа. Лишь в 1953 г., после смерти Сталина, ей удалось это. В официальной беседе следователь Долженко признал, что обвинения против Бабеля были сплошным вымыслом и «дело шито белыми нитками»[2]. Поэтому ничто не препятствует его реабилитации. Пирожковой следует лишь найти трех граждан, которые в письменной форме могли бы дать ему положительную характеристику. Какой фарс! Приговор уже признан несостоятельным, однако этого, выходит, недостаточно, чтобы восстановить доброе имя Бабеля.

В июле 1954 г. Антонина Пирожкова, Екатерина Пешкова, Илья Эренбург и Валентин Катаев дали положительные отзывы на Бабеля[3]. Зимой того же года Военная коллегия, тот же самый суд, который вынес Бабелю приговор 14 лет назад, вынес решение о его отмене «за отсутствием состава преступления»[4]. Когда Пирожкова стала добиваться от сотрудника, выдавшего ей соответствующий документ, что же все-таки случилось с Бабелем, тот написал на клочке газеты: «Умер 17 марта 1941 г. от паралича сердца», затем разорвал

---

[1] См.: Pirozhkova A. At his Side. P. 139.

[2] Там же. С. 144.

[3] Материалы следственного дела Бабеля. С. 94-99.

[4] Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР № 4н-09269 / 54. Гриф «Совершенно секретно» // Материалы следственного дела Бабеля. С. 99-101.

бумагу на мелкие кусочки. Дополнительные запросы почти ничего не дали. Хотя Пирожкова уже поняла, что Бабеля больше нет в живых, оставался вопрос: почему же тогда он умер естественной смертью, через год после ареста? Лишь благодаря расследованию Виталия Шенталинского и Сергея Поварцова, начатого во времена перестройки при Михаиле Горбачеве, она узнала, что на самом деле произошло в период между арестом Бабеля и днем его смерти.

А произведения Бабеля? О конфискованных рукописях, романах и записях ничего не известно. В архиве ФСБ их нет. Но нет и никакой официальной записи, что они уничтожены. В 1955 г. в Нью-Йорке появились некоторые рассказы Бабеля, в Советском Союзе в 1957 г., впервые после его смерти, был опубликован сборник с предисловием Ильи Эренбурга[1]. До этого Антонина Пирожкова в Москве заверила нотариально, что она вместе со своей дочерью Лидией является наследницей Исаака Бабеля, и тем самым имеет право распоряжаться его творческим наследием[2]. Женя Гронфайн была с этим совершенно не согласна. Илья Эренбург после Второй мировой войны пытался убедить ее развестись с Бабелем. Пирожкова утверждала, что он выступал по ее поручению. Глубоко задетая Женя отказалась. Как можно даже мысленно представить себе, что она разведется со своим мужем, пусть даже судьба его неизвестна? Она так и не смогла больше оправиться от этого последнего из многих других сильных ударов в ее жизни, и умерла в 1957 г.[3]

Год спустя после реабилитации в Советском Союзе отношение к Бабелю в ГДР всё еще оставалось неоднозначным. В одной из рецензий для государственного литературного ведомства обосновывалась отрицательная позиция: «Мы не можем быть заинтересованными в том, чтобы нашим читателям демонстрировался пугающий образ коммунизма, которым нас хотят ввести в заблуждение наши противники»[4]. Издательство «Kultur und Fortschritt» (Культура и

---

[1] Бабель И. Избранное. М., 1957. Соответствует сборнику «Рассказы», изданному в Москве в 1936 г.

[2] Первая Московская государственная нотариальная контора, 5 июня 1956 г., № 2606/56. Издание Натали Бабель в 2001 г. в США Общего собрания сочинений чуть не провалилось из-за протеста Лидии, дочери Антонины Пирожковой и Бабеля.

[3] Из личной беседы с Натали Бабель 27 ноября 2000 г. в Вашингтоне.

[4] Автором рецензии была д-р Надежда Лудвиг (Dr. Nadeshda Ludwig). См.: «Die Zeit», 1999 14 октября. О спорах вокруг издания рассказов Бабеля «Kosaken jagen den Tod» (Казаки гоняются за смертью) см.: Simone Barck / Martina Langermann / Siegfried Lokatis: «Jedes Buch ein Abenteuer». Berlin, 1998. S. 118. Вторая рецензия – лектора Леонарда Коссута (Leonhard Kossuth) – была положительной.

прогресс) отказалось от публикации запланированной книги Бабеля. Лишь в 1964 г. - в том же году, когда Натали Бабель издала в Нью-Йорке книгу с неопубликованными ранее рассказами, а также письмами своего отца, - в издательстве «Volk und Welt» (Народ и мир) вышла книга «Конармия и другие рассказы». В Федеративной Республике Германии уже в 1960 г. появились некоторые произведения Бабеля с послесловием Вальтера Йенса.

Посткоммунистические Россия и Украина и сегодня не определились с отношением к имени и творчеству Исаака Бабеля, хотя его рассказы печатаются, вышло полное собрание сочинений. Но без полной переписки. Хотя произведения Бабеля достаточно известны на постсоветском пространстве, а его одесские выражения стали крылатыми фразами. Его именем не названа ни одна площадь, ни один институт, ни один переулок. Ни в Одессе, ни в Киеве, ни в Москве. Даже приходит в голову крамольная мысль, что его и не реабилитировали вовсе, и обвинения против него - это не сплошной вымысел. Как же удалась месть Сталина хронисту польско-русской войны, великому русскому писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю...

Комментарии

стр. 8 Александр III (1845–1894) – российский император с 1881 года, второй сын Александра II. Выражал интересы наиболее консервативных кругов дворянства. В первой половине 80-х гг. осуществил отмену подушной подати, понизил выкупные платежи. Подавлял революционно-демократическое и рабочее движение, усилил роль полиции.

стр. 8 Николай II (1868–1918) – последний российский император (1894–1917), сын Александра III. При нем Россия проиграла русско-японскую войну (1904–1905). В ходе революции 1905–1907 был вынужден согласиться на создание Государственной Думы и проведение столыпинской аграрной реформы. В правление Николая II страна пришла к катастрофическому состоянию в 1-й мировой войне. Свергнут в ходе Февральской революции. Расстрелян в Екатеринбурге по решению Уральского областного Совета.

стр. 12 Язык маме-лошн (мамэ-лошн) – разновидность языка идиш, переводится как «родной язык», «язык матери», его называют еще «сладкий язык». Идиш был разговорным языком большей части евреев мира на протяжении всего средневековья и нового времени. Число евреев, говорящих на идиш, оценивавшееся в 11 млн. человек накануне 2-й мировой войны, уменьшилось вследствие геноцида и последующего вытеснения идиш языками окружающих народов и языком иврит в Израиле. Идиш и иврит (лушн койдеш – «святой язык») имеют один алфавит.

стр. 13 Мопассан (Maupassant) Ги де (1850–1893) – французский писатель. Романы «Жизнь» (1883), «Милый друг» (1885), «Пьер и Жан» (1888), сборник новелл «Заведение Телье» (1881) и др. отличаются остротой социального анализа. Духовному убожеству и корыстолюбию Мопассан стремился противопоставить правду естественных чувств человека.

стр. 13 Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880) – французский писатель. В романе «Госпожа Бовари» (1857) и «Воспитание чувств» (1869) реалистически изобразил нравы провинции и Парижа. Продолжатель традиций О. Бальзака, блестящий стилист, Флобер оказал влияние на развитие реализма в мировой литературе.

стр. 13 архитекторы Фелльнер (Fellner), Фердинанд (1847–1916) и *Хельмер* (Helmer), Хельмут (1848–1919) построили здания театров в историческом стиле в Вене (1872), Праге (1882), Будапеште (Народный театр, 1889) и в Цюрихе.

стр. 14 Александр I (1777–1825) – российский император с 1801. Старший сын Павла I. В начале правления провел умеренно-либеральные реформы. Вел успешные войны с Турцией (1806–1812) и Швецией (1808–1809). После Отечественной войны 1812 возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав в 1813–1814. Был одним из руководителей Венского конгресса. С середины 1810-х гг. проводил реакционную внутреннюю политику.

стр. 14 Утёсов Леонид Осипович (1895–1982) – певец, музыкант, артист. В 1912 начал свою деятельность в театре миниатюр в Одессе. С 1921 Утесов работает в Москве и Ленинграде: театры, оперетта, мюзик-холл, участвовал с номерами в эстрадных программах. В 1929 родился эстрадный оркестр – его знаменитый «Теа-джаз», с которым связана вся дальнейшая жизнь Утесова. При всей необыкновенной популярности оркестра, прежде всего самого Утесова, артиста несправедливо критиковали. Как и первоначально фильм «Веселый ребята» (1934, режиссер Г. В. Александров), где Утесов сыграл главную роль. Позже

его признали классикой советского кинематографа. В фильме была представлена лучшая работа «Теа-джаза» – спектакль «Музыкальный магазин». В 1947 он был переименован в Государственный эстрадный оркестр РСФСР. Утесов продолжал выступать с песнями лирическими, шуточными, героическими, драматическими, сатирическими, эпическими – таков был диапазон Утесова-певца. В 1960-е гг. Утесов писал статьи, рассказы, лирику. Ему принадлежат две книги: «С песней по жизни» (1961) и «Спасибо, сердце» (1976).

стр.15 Ойстрах Давид (1908–1974) – скрипач, педагог, один из крупнейших музыкантов 20 века. Ученик Петра Столярского. Первая премия Международного конкурса скрипачей им. Изаи в Брюсселе, 1937 год. В 1932–1934 гг. и с 1941 г. солист, а с 1961 также дирижер Московской филармонии. С 1934 г. преподаватель, с 1939 профессор Московской консерватории.

стр. 15 Ойстрах Игорь (род. 1931) – скрипач, альтист и дирижер. Учился у своего отца, Давида Ойстраха. С 1957 – солист Московской филармонии. 1958–1975 преподавал в Московской консерватории. Почетный член обществ Л. Бетховена в Бонне и Э. Изаи в Брюсселе.

стр. 16 Жаботинский Владимир Евгеньевич (1880–1940) – писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения. Активно участвует в работе «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» (1905) и выработке Гельсингфорсской программы (1906), постулировавшей борьбу за равноправие и национальное возрождение российского еврейства. Жаботинскому принадлежит идея о создании Еврейского легиона. В 1921 он избирается в комитет Всемирной сионистской организации, требовал официально провозгласить конечной целью сионизма создание еврейского государства по обе сторона Иордана. В 1935 он избран президентом Новой сионистской организации. В 1936 вышел его роман, написанный на русском языке «Пятеро», описывающий историю еврейской семьи в Одессе накануне революции 1905 г. В нем высказывается мысль о безвыходности положения ассимилированного русского еврейства. После начала 2-й мировой войны Жаботинский выехал в США (февр. 1940) для исполнения своего плана создания еврейской армии, которая бы сражалась против нацистов на стороне союзников. 4 августа он умер от разрыва сердца в лагере Бетара под Нью-Йорком.

стр. 20 Шолом-Алейхем (настоящее имя Шолом Нохумович Рабинович) (1859–1916) – еврейский писатель. Художественный анализ социальных проблем современности особенно ярко проявился в циклах новелл «Менахем-Мендл», «Тевье-молочник» в 1890-е–1910-е гг. Создал галерею ярких национальных типов и характеров (рассказы «Касриловка», повесть «Мальчик Мотл») и др., проникнутых любовью к «маленькому человеку», охваченных юмором, часто сострадательным. Трудной судьбе творческой личности, положению еврейского театра в царской России и еврейских эмигрантов в Америке посвящен роман «Блуждающие звезды» (1909–1911). Творчество Шолом-Алейхема подняло еврейскую литературу на уровень мировой.

стр. 20 Менделе Мойхер Сфорим или Менделе Мохер Сфарим, (наст. имя Шалом Я`аков Бройде), (1835–1917) – писатель, основоположник новой еврейской классической литературы. Писал на иврите и идиш. Написал «Историю природы» – пересказ на иврите немецкой «Истории естествознания» профессора Ленца, для чего ему пришлось разработать для иврита терминологию по естествознанию. Издавал в Одессе газету «Кол Мевасер», где была впервые опубликована его повесть «Маленький человечек» с персонажем по имени Менделе Мохер Сфарим. Повесть многократно переиздавалась с дополнениями и изменениями, но уже в первом варианте проявилось своеобразие языка автора,

ставшей основой современного литературного идиш. В своих произведениях Сфарим создавал новый иврит, используя языковые нормы языка на всех этапах его развития: библейский, талмудический и средневековый. Этот языковой синтез оказался настолько жизнеспособным, что преобладал в прозе вплоть до 50-х гг. 20 в.

стр. 19 Хаскала – «просвещение» – еврейское идейное, просветительское, культурное, литературное и общественное течение, возникшее во 2-ой пол. 18 в. Хаскала выступала против культурно-религиозной обособленности еврейства и видела в усвоении светского европейского образования залог улучшения положения еврейского народа. Парадоксальным образом как ассимиляторские, так и национально-религиозные идеологические течения берут свое начало в идеологии хаскалы. В светской сфере хаскала повлекла за собой не только широкую языковую и культурную ассимиляцию европейского еврейства, но и возникновения новой литературы иврит и идеологических течений национального характера.

стр. 20 Хасидизм – широко распространенное религиозное движение, возникшее в восточноевропейском иудаизме во 2-й четверти 18 в. и существующее поныне. Это ортодоксальное течение иудаизма. С самого начала хасидизм обладал некоторыми особенностями: повышенной эмоциональностью, популяризацией основ мистики (которые прежде были достоянием малого числа каббалистов) и появлением нового типа духовного лидера – харизматического руководителя, цаддика (букв. «праведник»). Сближение с Богом становилось уделом всякого, кто приближен к цаддику, признавал его наставничество. Хасидизм не был достоянием особой интеллектуальной или социальной прослойки евреев, сферой его влияния были все слои еврейского общества.

стр. 22 Алёхин Александр Александрович (1892–1946) – русский шахматист. Чемпион мира (1927–1935, 1936–1946), РСФСР (1920). С 1921 жил во Франции.

стр. 24 Гамбринус (Gambrinus) – сказочный фламандский король времен Карла Великого, считающийся изобретателем пива и защитником пивоваров.

стр. 24 Смит (Smith) Адам (1723–1790) – шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической полит. экономии. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). Преобразовал полит. экономию в относительно стройную систему знаний, разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости.

стр. 25 Романовы – боярский род в России 14–16 вв., потомки Андрея Кобылы, до начала 16 в. именовались Кошкиными, до конца 16 в. Захарьиными. С 1613 царская, с 1721 – императорская династия. Первый царь из рода Романовых – Михаил Федорович, последний – Николай II, свергнут Февральской революций 1917.

стр. 25 Малевич Казимир Северинович (1878–1935) – русский советский художник. Основоположник одного из видов абстрактного искусства, супрематизма («Черный квадрат на белом фоне», 1913). В начале 20-х гг. примкнул к «производственному искусству».

стр. 25 Хлебников Велемир (Виктор Влад.), (1885–1922) – русский советский поэт. Экспериментальная поэзия в духе футуризма; в зрелых произведениях – поэтическое стремление к созданию «новой мифологии» и языка грядущего свободного человечества. Поэмы о 1-й мировой войне, революции 1917 («Ночь перед Советами», 1921).

стр. 26 Бейлиса дело - судебный процесс (Киев, 1913) над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.

стр. 27 стиль модерн - стиль в европейском искусстве кон. 19 - нач. 20 вв., противопоставлявший себя в качестве нового стиля, который был распространен во 2-й половине 19 в. Архитекторы модерна использовали возможности новых конструкций, новых строительных и отделочных материалов и свободной планировки интерьера для создания подчеркнуто необычных декоративных эффектов.

стр. 32 Цвейг (Zweig) Стефан (1881-1942) - австрийский писатель. Мастер психологической новеллы (сборник «Смятение чувств», 1927 и др.); романизированные биографии («Мария Антуанетта», 1932; «Триумф и трагизм Эразма Роттердамского», 1934); многочисленные эссе о мастерах культуры.

стр. 36 Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898-1942) - русский советский писатель. Проблемные фельетоны и очерки в газете «Правда». Книга «Испанский дневник» (1938). Редактор журналов «Огонёк», «Крокодил», «За рубежом».

стр. 39 Лионель (Лайонел) Вальтер Ротшильд. Ротшильд - семья банкиров, финансовых магнатов и филантропов. Основатель банкирского дома Майер Аншел Ротшильд (1744-1812), родившийся в еврейском гетто во Франкфурте-на-Майне, заложил основу собственного состояния, сохранив и приумножив имущество одного из богатейших европейских монархов ландграфа Гессен-Кассельского Вильгельма IX после его бегства от наполеоновских войск в Прагу. Семью Ротшильд превратили в могущественный финансовый клан пятеро сыновей Майера Аншела, возглавившие в пяти странах - Германии, Австрии, Великобритании, Италии и Франции - банкирские дома, и ставшие кредиторами европейских монархов и правителей. В 1847 г. барона Лайонела Нейтана Р. (1808-1879) из английского дома Ротшильдов избрали в палату общин, а в 1885 г. Натаниэла Р. (1840-1915) - в палату лордов. С кон.19 - нач. 20 вв. некоторые члены семьи Р. стали достигать больших успехов в области литературы, искусства, государственной и общественной деятельности.

стр. 44 Современный календарь называется *григорианским* (новый стиль), он был введен папой Григорием XIII в 1582 г. и заменил юлианский календарь (старый стиль), который применялся с 45 г. до н. э. Различие между старым и новым стилями составляло в 20 в. 13 суток.

стр. 45 Юденич Николай Николаевич (1862-1933) - один из организаторов контрреволюции в Гражданскую войну, генерал. В 1915-16 командовал Кавказской армией, в 1917 главком войсками Кавказского фронта. В 1919 главком белогвардейской Северо-Западной армией. После провала похода на Петроград (окт. - нояб. 1919) эмигрировал.

стр. 46 Петлюра Семен Васильевич (1879-1926) - один из руководителей украинской контрреволюции. Один из организаторов Центральной Рады (1917). В советско-польской войне выступил на стороне Польши; в 1920 эмигрировал. Убит в Париже.

стр. 46 Деникин Антон Иванович (1872-1947) - один из организаторов контрреволюции в Гражданскую войну, генерал-лейтенант. С апреля 1918 г. командовал Добровольческой армией, затем главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России». В 1920 эмигрировал.

стр. 56 Штетл – «городок» – это суть еврейского существования. В штетлах, составляя часто большинства населения, евреи жили, прилежно соблюдая заповеди Торы. Ритм жизни в штетле диктовался только еврейской традицией. Обитатели штетла уделяли много внимания благотворительности. Ярким проявлением ее было наличие в каждом городке гостиницы и общественного дровяного сарая, которые содержались на пожертвования горожан.

стр. 47 «Военный коммунизм» – экономическая политика советского государства в условиях Гражданской войны 1918–1920: мобилизация всех сил и ресурсов на оборону. Важнейшие элементы: национализация всей крупной и средней промышленности, большей части мелких предприятий, продразверстка (обязательная сдача крестьянами государству по твердым ценам всех излишков хлеба и других продуктов), полное запрещение частной торговли, карточная система снабжения населения товарами, всеобщая трудовая повинность, уравнительность в оплате труда. После войны был заменен новой экономической политикой.

стр. 47 Новая экономическая политика (нэп) – политика советского государства с 1921 до середины 30-х гг.: замена продразверстки продналогом, разрешение частной торговли, мелких капиталистических предприятий, перевод государственной промышленности на хозрасчет, замена натуральной зарплаты денежной по количеству и качеству труда, обеспечила быстрое восстановление народного хозяйства.

стр. 55 Австро-Венгрия – в 1867–1918 гг. дуалистическая (двуединая) монархия во главе с австрийским императором (он же венгерский король). Создана в результате преобразования Австрийской империи Габсбургов на основе соглашения 1867 г. между Австрийской империей (Цислейтания) и королевством Венгрии (Транслейтания).

стр. 56 Королевство Галиции и Лодомерии. Галиция – историческое название части западно-украинских и польских земель, захваченных Австрийской империей по первому (1772) и третьему (1795) разделу Речи Посполитой (самоназвание Польши). В 1772–1918 – провинция Габсбургской империи, официальное название «Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским».

Лодомерия – название Галицко-Волынского княжества в официальных документах 13–14 вв. на латинском языке (от названия стольного города Владимира). В кон. 18 – нач.19 в. – в составе австрийской провинции Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским.

стр. 56 императрица Мария Терезия (Maria Theresia) (1717–1780) – австрийская эрцгерцогиня с 1740 г. Утвердила свои права на владения Габсбургов в войне за австрийское наследство (но потеряла Силезию, которую не отвоевала у Пруссии и в Семилетней войне 1756–1763). Провела ряд реформ, укреплявших феодально-абсолютистское государство.

стр. 59 Холокост (Holocaust, от греч. Holocauston – «всесожжение») или шоа – «несчастье, бедствие» – катастрофа европейского еврейства. Это понятие используется при описании положения евреев и поляков в оккупированной нацистами Польше. Шоа, холокост – особая судьба евреев, которая началась с приходом нацистов к власти в Германии в 1933 г.

стр. 61 Рижские мирные договоры: 1) советско-латвийский (11 августа 1920 г.) о независимости Латвии. Установил советско-латвийскую границу, дипломатические и консульские отношения. 2) советско-польский (18 марта 1921 г.), за-

вершил советско-польскую войну 1920 г., установил советско-польскую границу (к Польше отходили Западная Украина и Западная Белоруссия), дипломатические и торговые отношения.

стр. 61 Николай I (1796–1855) – российский император с 1825 г., третий сын Павла I. Подавил восстание декабристов 1825 г., жестоко преследовал свободомыслие. Выступая как «жандарм Европы», разгромил Польское восстание 1830–1831 и революцию в Венгрии 1848–49.

стр. 62 Лемберг – официальное название (нем.) г. Львова в 1772–1918 гг.

стр. 69 Джойс (Joyce) Джеймс (1882–1941) – английский писатель ирландского происхождения. Представитель авангардизма. В сборнике рассказов «Дублинцы» (1914), романе «Портрет художника в юности» (1916) реалистически изобразил мир простых людей. Роман «Улисс» (1922) – хроника одного дня из жизни двух героев, соотнесенная с эпизодами из «Одиссеи» Гомера, – является первым произведением литературы «потока сознания». Экспериментаторством отмечен и роман «Поминки по Финнегану» (1939).

стр. 90 Дёблин (Döblin) Альфред (1878–1957) – немецкий писатель. 1933–1945 – в эмиграции. Социально-критический роман «Берлин, Александрплатц» (1929). В тетралогии «Ноябрь 1918» (1918–1950) события в Германии осмысливаются с моралистических, христианских позиций.

стр. 90 Кафка (Kafka) Франц (1883–1924) – австрийский писатель еврейского происхождения. В романах «Америка» (1914), «Процесс» (1915), «Замок» (1922) и рассказах воплотил трагическое бессилие человека перед обществом. Преимущественное внимание не к характеру, но к характерности (к ситуации страха, отчаяния, тоски) сближает творчество Кафки с экспрессионистами, которые провозглашали единственной реальностью субъективный духовный мир человека, а его выражение – главной целью искусства.

стр. 90 Киплинг (Kipling) Джозеф Редьярд (1865–1936) – английский писатель. Консервативные общественные взгляды определили пафос его романов «Свет погас» (1890), «Ким» (1901). Рассказы о жизни мальчика Маугли (Могли) «Книга джунглей» (1894), «Вторая книга джунглей» (1895), стихи, близкие народным балладам. Лауреат Нобелевской премии 1907 г.

стр. 90 Хемингуэй (Hemingway) Эрнест Миллер (1899–1961) – американский писатель. В романах «Фиеста» (1926), «Прощай, оружие!» (1929) выражены умонастроения «потерянного поколения». В романе «По ком звонит колокол» (1940) гражданская война в Испании 1936–1939 предстает общечеловеческой трагедией. Повесть «Старик и море» (1952) посвящена заветной авторской идее – «трагическому стоицизму»: перед лицом судьбы, несущей страдания и смерть, человек обязан сохранять мужество и достоинство. Обогатил жанр новеллы. Стиль прозы отличает внешняя простота, строгая объективность, сдержанный лиризм, скрыто напряженный диалог. В 1954 получил Нобелевскую премию.

стр. 91 театр Мейерхольда. *Мейерхольд* Всеволод Эмильевич (1874–1940), советский режиссер. С 1898 актер МХТ, затем режиссер и актер в Херсоне, Николаеве, Петербурге. В 1920-38 возглавлял театр в Москве (театр имени Мейерхольда). Поиски новых форм публицистически острого зрелищного театра сочетались у Мейерхольда с с формалистическими тенденциями. Постановки: «Мистерия Буфф» (1921), «Клоп» (1929), «Баня» (1930) Маяковского, «Лес» А.Н. Островского (1924), «Ревизор» Н.В. Гоголя (1926), «Дама с камелиями» А. Дюма-сына (1934).

стр. 93 Михоэлс (наст. фамилия Вовси), Соломон Михайлович (1890–1948) – советский актер, режиссер, педагог, нар. артист СССР. С 1919 работал в государственном еврейском театре (с 1929 худ. руководитель). Сценические создания Михоэлса отличались философской глубиной, страстным темпераментом, остротой и монументальностью формы. Среди ролей: Лир («Король Лир» У. Шекспира), Тевье-молочник («Тевье-молочник» Шолом Алейхема). Постановки: «Фрейлехс» (1945) и др.

стр. 100 Синклер (Sinclair) Эптон Билл (1878–1968) – американский писатель. В романах «Джунгли» (1905), «Король Уголь» (1917), «Малая сталь» (1938) представлена социальная критика крупного бизнеса. «Серия о Лэнни Бэдде»(1940–1953) в 11 томах.

стр. 102 Гессе (Хессе) (Hesse) Герман (1877–1962) – швейцарский писатель. Писал на немецком языке. Проблема утверждения творческой личности в дегуманизированном мире в романах «Демиан» (1919), «Степной волк» (1927). Роман-утопия «Игра в бисер» (1943) – интеллектуально-ироническое изображение бесплодности, ухода художника от жизни в мир эстетизированных ценностей. Лауреат Нобелевской премии 1946 г.

стр. 102 Манн (Mann) Томас (1875–1955) – немецкий писатель. С 1933 в эмиграции. В лучших традициях критического реализма 20 в. выражал интеллектуальные и нравственные искания либеральной интеллигенции Запада. Романы «Будденброки» (1901), «Волшебная гора» (1924), «Доктор Фаустус» (1947). Бездуховности, реакции, фашизму Манн противопоставил гуманистическое осмысление немецкого и мирового культурного наследия: статьи о Гете, Шиллере, Толстом, Достоевском; тетралогия на библейский сюжет «Иосиф и его братья» (1933–1943). Лауреат Нобелевской премии 1929 г.

стр. 103 Тухольски (Tucholsky) Курт (1890–1935) – немецкий писатель-публицист. С 1933 в эмиграции. В сборниках сатирических стихов и в прозе («Улыбка Монны Лизы» (1929), «Германия, Германия превыше всего!» (1929) обличал шовинизм, мещанство, фашизм, бюрократизм.

стр. 105 импрессионисты – последователи течения импрессионизма (от франц. impression – впечатление), направления в искусстве последней трети 19 – нач. 20 вв., представители которого стремились наиболее естественно и непредвзято запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости. Зародился в 1860-х гг. во французской живописи: Э. Мане, О. Ренуар, Э. Дега внесли в искусство свежесть и восприятие жизни. В 1870–1880-х гг. импрессионизм сформировался во французском пейзаже: К. Моне, К. Писсарро, А. Сислей выработали систему пленэра, передавали в своих картинах ощущение сверкающего солнечного света. Кроме живописцев (нем. – М. Либерман, Л. Коринт, амер. – Дж. Уистлер, рус. – К.А. Коровин, И.Э. Грабарь), интерес импрессионизма к мгновенному движению, текучей форме восприняли скульпторы (франц. – О. Роден, итал. – М. Россо, рус. – П.П.Трубецкой).

стр. 104 Штайн (Stein) Гертруда – американская писательница из семьи немецких евреев. В ее салоне в Париже встречались художники (Пикассо, Матисс) и жившие в Париже американские писатели (Хэмингуэй, Фитцджеральд). В этих кругах возникло выражение «lost generation» (потерянное поколение). В ее собственной экспериментальной прозе действительность изображалась как постоянный поток сознания. Ее труды (роман «Три жизни» (1909), лирика, либретто к операм, театральные пьесы и др.) и до сих пор оказывают значительное влияние на литературную (в том числе и феминистскую) критику.

стр. 104 Мен Рэй (Ray) (1890–1976) – американский художник и фотограф. Один из основателей Нью-Йоркской группы дадаистов. Дадаизм (от франц. dada – конек, деревянная лошадка, детский лепет) – модернистское литературно-художественное течение в 1916–1922 гг., сложившееся в Швейцарии в среде интеллигентов-анархистов. Ее протест против 1-й мировой войны выразился в иррационализме, нигилистическом антиэстетизме, художественном хулиганстве – в бессмысленных сочетаниях слов и звуков, в каракулях, псевдочертежах, наборе случайных предметов. Картинам, коллажам и экспериментальным фильмам Мэна Рея присущи черты дадаизма и сюрреализма.

стр. 114 Оруэлл (Orwell) Джордж (настоящее имя Эрик Блэр) (1903–1950) – английский писатель и публицист. Сатира «Ферма животных» (1945). В романе-антиутопии «1984» изображает будущее общество, идущее на смену капиталистическому.

стр. 114 Хаксли (Huxley) Олдос (1894–1963) – английский писатель. Антиутопия «Прекрасный новый мир» (1932) повествует о стандартизованном технократическом обществе.

стр. 127 Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970) – пианистка, педагог. Выступала как солистка, а также в ансамблях с известными певцами и инструменталистами. Глубокий интерпретатор произведений Мусоргского, Прокофьева, Шостаковича, Баха, Бетховена, Брамса, Шуберта, Моцарта и Стравинского. В 1921–1930 гг. преподавала в консерватории Петербурга, 1936–1951 – в Московской консерватории, 1944–1960 – в институте им. Гнесиных. Автор статей о музыкально-исполнительском искусстве, воспоминаний о деятелях культуры.

стр. 131 Мальро (Malraux) Андре (1901–1976) – французский писатель, государственный деятель, последователь де Голля. До 1939 участвовал в коммунистическом движении, боролся в рядах Сопротивления. В 1945–1946 – министр информации, 1958–1969 – министр культуры. Идеи безграничного самосовершенствования человека в экстремальных условиях, этика сверхиндивидуалистического гуманизма воплощаются в его романах: «Завоеватели» (1928); «Королевская дорога» (1930); «Условия человеческого существования», (1933); «Надежда» (1937).

стр. 138 Пливье (Plievier) Теодор (1892–1955) – немецкий писатель. 1933–1945 – в эмиграции. В его романах выражена яркая социальная критика. Известна его трилогия о борьбе против Гитлера: «Сталинград» (1945), «Москва» (1952), «Берлин» (1954).

стр. 138 Арагон (Aragon) Луи (1897–1982) – французский писатель, начал как поэт-дадаист (см. дадаизм Мен Рэй), один из основателей движения сюрреализма. Это модернистское направление в 20 в. (от франц. surréalisme – сверхреализм) провозгласило источником искусства сферу подсознания (инстинкты, сновидения, галлюцинации), а его методом – разрыв логических связей, замененных субъективными ассоциациями. В 1927 Арагон стал коммунистом. Участник движения Сопротивления. Популярен цикл его исторических романов: «Реальный мир» (1934–51), «Страстная неделя» (1958), сборник рассказов «Падение и величие французов» (1945).

стр. 138 Граф (Graf) Оскар Мария (1894–1967) – немецкий писатель. В 1933 эмигрировал в Вену, с 1938 жил в США. После первых стихов «Революционеры» (1918) последовали автобиография «Мы пленники» (1927) и критические новеллы и романы («Баварский Декамерон», рассказы 1928, «Беспокойство, вызванное миротворцем» 1948). Стилистика рассказов пронизана подлинно на-

родным юмором, иногда довольно дерзким. Небольшой город, деревня – место действия его произведений, в которых живописуется общественная реальность во всей своей отсталости. В конце 2-й мировой войны возник роман-утопия «Завоевание мира» (1949).

стр. 143 Жид (Gide) Андре (1869–1951) – французский писатель. Его труды пронизаны духом протеста против общества и морали, отражают проблемы становления личности: «Имморалист» (1902). Стилистическими особенностями рассказов «Подземелья Ватикана» (1914) и «Фальшивомонетчики» (1925) являются ирония и разрушение традиционной структуры рассказа как таковой. В своих автобиографических сочинениях, дневниках, эссе, письмах он постоянно стремится к духовной эмансипации. К его творческому наследию относятся также драмы, стихи, записки, путевые заметки и переводы (среди других Гете и Шекспир). Лауреат Нобелевской премии 1947.

стр. 148 Роллан (Rolland) Ромен (1866–1944) – французский писатель, музыковед, общественный деятель. В 1903–1912 – профессор музыковедения в Париже. Начал литературную деятельность с биографий великих людей (Л. Бетховена, Л. Н. Толстого, Микеланджело). Его первым успешным трудом стал роман-эпопея «Жан Кристоф», в 10 томах (1904–1912), история гениального музыканта-бунтаря. После начала 1-й мировой войны Роллан вплоть до 1937 живет в Швейцарии и становится активным пацифистом, выступает против фашизма. Известен его роман-эпопея «Очарованная душа», в 6 т. (1922–33). В 1915 г. он получает Нобелевскую премию в области литературы.

стр. 161 Франко Баамонде (Franco Bahamonde) Франсиско (1892–1975) – глава испанского государства в 1939-1975; диктатор Испании. В 1936 возглавил военно-фашистский мятеж против Испанской Республики.

стр. 162 Паркер (наст. фамилия Ротшильд) Дороти (1893–1967) – американская писательница. В ее стихах и новеллах сочетаются лирические темы и сатирические картины, сарказм («После таких удовольствий», 1933).

стр. 162 Фейхтвангер (Feuchtwanger) Лион (1884–1958) – немецкий писатель. 1933–1940 в эмиграции во Франции, в 1940 – в США. В исторических романах «Безобразная герцогиня» (1923), «Лисы в винограднике» (1947), «Гойя» (1952), «Мудрость чудака» (1952) разум, осознаваемый Фейхтвангером как двигатель прогресса и залог гуманного миропорядка, утверждает себя в борьбе с варварством и бездуховностью. Популярны также его романы «Успех», (1930), «Семья Оппенгейм» (1933), в 1949 вышел под названием «Семья Опперман»; «Братья Лаутензак» (1943).

стр. 173 Бисмарк Отто фон (1815–1898) – первый канцлер германской империи в 1871–1890 гг., провел объединение Германии на прусско-милитаристской основе; укрепил господство в стране юнкерско-буржуазного блока. Также вел борьбу против клерикально-партикуляристской оппозиции – «Культуркампф» – мероприятия против католической церкви, выражавшей сепаратистские антипрусские тенденции. Бисмарк ввел Исключительный закон против социалистов; провозгласил социальные реформы (пенсионное обеспечение, медицинское страхование). Один из главных организаторов Тройственного союза, направленного против Франции и России.

Источники и библиография

Архивы

Архив Академии искусств (Archiv der Akademie der Künste) в Берлине

Архив Антонины Пирожковой в Силвер Спрингсе, штат Мериленд, США

Архив Виланда-Херцфельде (Wieland-Herzfelde-Archiv)

Архив Натали Бабель в Вашингтоне – около 900 писем Бабеля

Архив Ушера Моисеевича Спектора (Archiv von Usher Mojsejevich Spektor) в Беркли (Berkeley)

ИМЛИ (Институт мировой литературы и искусства имени М. Горького) в Москве

Бабель. Ф. 86. Оп. 1, 2.

КГГА (Киевский городской государственный архив)

Бабель. Ф. 153.

РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) в Москве

Алексеев. Ф. 2524.

Бабель. Ф. 1559.

Год XI. Фонд 622.

Красная новь. Ф. 602.

Союз писателей Советского Союза. Ф. 631.

Эйзенштейн. Ф. 1923.

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории) в Москве

Центральный комитет. Ф. 89.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) в Москве

Ворошилов. Ф. 74.

Каганович. Ф. 81.

Луначарский. Ф. 142.

Сталин. Ф. 558.

Центральный комитет. Ф. 17.

ЦГИА (Центральный государственный исторический архив) в Санкт-Петербурге

Бабель. Ф. 115.

Центральный архив ФСБ в Москве

Дело Бабеля, № 419/1252.

Дело Кольцова, № 21620.

Собрание сочинений Исаака Бабеля

Бабель И. Избранное / Под ред. И. Эренбурга. М., 1957.

Бабель И. Конармия. М.-Л., 1928.

Бабель И. Пробуждение / Под ред. У. Спектора. Тбилиси, 1989.

Бабель И. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 1; 1992. Т. 2.

Babel I. The Collected Works / Hrsg. von Nathalie Babel. New York, 2002.

Babel I. Briefe 1925–1939 / Hrsg. von Gerhard Hacker. Münster, 1995.

Babel I. Die Reiterarmee / Hrsg. von Fritz Mierau. Leipzig, 1968.

Babel I. Die Reiterarmee / Hrsg. von Peter Urban. Berlin, 1994.

Babel I. Tagebuch 1920 / Hrsg. von Peter Urban. Berlin, 1990.

Babel I. The Lonely Years 1925–1939 / Hrsg. von Nathalie Babel. New York, 1964 und Boston, 1995.

Babel I. Werke. Band 1 und 2 / Hrsg. von Fritz Mierau. Berlin, 1973.

Интервью автора с родственниками и современниками Исаака Бабеля

Гроссман Катя, 18 мая 2000 г. в Москве.

Липкин Семен, 19 мая 2000 г. в Переделкино под Москвой.

Ефимов Борис, 31 октября 2000 г. в Москве.

Бабель Натали, 11 сентября 1999 г., 26, 27 ноября 2000 г., 18 декабря 2000 г. в Вашингтоне.

Пирожкова Антонина, 12 сентября 1999 г., 28 ноября 2000 г. в Силвер Спрингсе, штат Мериленд, США.

Иванова Людмила, 3 февраля 2001 г. в Москве.

Парэн Татьяна, 20 марта 2001 г. в Митри-Клей (Mitry-Claye) под Парижем.

Буденная Нина, 17 октября 2001 г. в Москве.

Виланд-Херцфельде Георг (Georg Wyland-Herzfelde), 30 сентября 1999 г. в Цюрихе.

Библиография

Акимов В. Сто лет русской литературы. С.-Пб., 1995.

Андреевский Г. Москва. 20–30-е годы. М., 1998.

Власть и художественная интеллигенция. 1917–1953 / Под ред. А. Артизова, О. Наумова. М., 1999.

Бабиченко Д. Писатели и цензоры. М., 1994.

Белая Г., Добренко Е., Есаулов И. «Конармия» Исаака Бабеля. М., 1993.

Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. С.-Пб., 2000.

Буденный С. Пройденный путь.//Собрание сочинений: В 3 т. М., 1965. Т. 2.

Ваксберг А. Гибель Буревестника. М., 1999.

Воронская Г. Исаак Бабель. (Неопубликованная рукопись) Магадан, 1954.

Воронский А. Литературные портреты: В 2 т. М., 1928. Т. 1; 1929. Т. 2.

Головкова Л. Тихая обитель (Сухановка). М., 1996.

Горький и советские писатели//Литературное наследство. М., 1963. Т. 70.

Динерштейн Е. А.К. Воронский. М., 2001.

Ефимов Б. Десять десятилетий. М., 2000.

Зил А. Село Великая Старица. (Неопубликованная рукопись) Борисполь, 2000.

Золототрубов А. Буденный. М., 1983.

Иванова Т. Мои современники, какими я их знала. М., 1987.

Казанский Б. И. Э. Бабель/Под ред. Ю. Тынянова. Л., 1928.

Катаев В. Трава забвения. М., 1999.

Командир Якир. М., 1963.

Лебина Н. Повседневная жизнь советского города. 1920-1930 гг. С.-Пб., 1999.

Левин Ф. И. Бабель. М., 1972.

Ленинград. Путеводитель. М.-Л., 1931.

Липкин С. Квадрига. М., 1997.

Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1.

Маркиш Ш. Бабель и другие. М.-Иерусалим, 1997.

М. Горький и Р. Ролан. Переписка 1916-1936/Под ред. А.Д. Михайлова. М., 1995.

Мунблит Г. Рассказы о писателях. М., 1976.

Никольская Т. Фантастический город. М., 2000.

Олеша Ю. Книга прощания. М., 1999.

Осмотр Москвы. Путеводитель. М., 1940.

Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998.

Шехтел, Рябушинский, Горький/Под ред. Н.Пенежко. М., 2000.

Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД? 1934-1941. Москва, 1999.

Пирожкова А. Семь лет с Исааком Бабелем. Нью-Йорк, 2001.

Письма Азефа. 1893-1917. М., 1994.

Поварцов С. Причина смерти: расстрел. М., 1996.

Полонский В. О современной литературе. М.-Л., 1929.

Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в 1924-1931 гг. С.-Пб., 2000.

Примочина Н. Писатели и власть. Москва, 1998.

Путеводитель по Ленинграду. Ленинград, 1929.

Советские художественные фильмы. М., 1961. Т. 1.

Тимошина Т. Экономическая история России. М., 2001.
Утесов Л. Спасибо, сердце. М., 2000.
Хлевнюк О. В., Девис Р. У., Кошелева Л. П., Рис Е. А., Роговая Л. А. Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936. М., 2001.
Ходасевич В. Некрополь. М., 2001.
Шенталинский В. Последние дни Исаака Бабеля. (Неопубликованная копия дела КГБ о Бабеле) М., 1994.
Шенталинский В. Рабы свободы. М., 1995.
Петроград на переломе эпох/Под ред. В.А. Шишкина. С.-Пб., 2000.
Шкловский В. Гамбургский счет. С.-Пб., 2000.
Шкловский В. Жили-были. М., 1964.

Abramson G.; Parfitt T. (Hrsg.). The Great Transition. Totown, 1985.
Alejchem Sch. Eisenbahngeschichten. Frankfurt am Main, 1996.
Andruszko C. Zhizn opsanie Babelja. I.E. Poznan, 1993.
Anin D. Die russische Revolution von 1917. München, 1976.
Antonov-Ovseyenko A. The Time of Stalin. New York, 1983.
Avineri Sh. Profile des Zionismus. Gütersloh, 1998.
Baedeker K. (Hrsg.). Österreich. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1903.
Baedeker K. (Hrsg.). Paris und Umgebung. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1931.
Baedeker K. (Hrsg.). Russland. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1904.
Benjamin W. Moskauer Tagebuch. Frankfurt am Main, 1980.
Bergan R. Eisenstein. London, 1997.
Beuys B. Heimat und Hölle. Reinbek, 1996.
Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Göttingen, 1993.
Bowlt John E.; Matich O. (Hrsg.). Laboratory of Dreams. Stanford, 1999.
Brooks Je. Thank you, Comrade Stalin, Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000.
Bucharina-Larina A. Nun bin ich schon weit über zwanzig. Göttingen, 1991.
Bunin I. Cursed Days. Chicago, 1998.
Bunin I. From the Other Shore. Chicago, 1995.
Colton Timothy J.: Moscow. Cambridge, 1995.
Conquest R. The Great Terror. New York, 1990.
Conquest R. The Harvest of Sorrow. Oxford, 1986.
Courtois St. [u. a.] (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. München, 1998.
Davies N. White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War 1919-1920. London, 1972.
Davies R.W.; Harrison M.; Wheatcroft S.G. (Hrsg.). The Economic Transformation of the Soviet Union 1913-1945. Cambridge, 1994.
Duranty W. I write as I please. New York, 1935.
Eastman M. Artists in Uniform. London, 1934.

Ehrenburg I. Menschen, Jahre, Leben. Bd. I-III. Berlin, 1982.
Ehrenburg Ir. So habe ich gelebt. Berlin, 1995.
Eimermacher K. Die sowjetische Kulturpolitik 1917-1932. Bochum, 1994.
Engel Chr. (Hrsg.). Geschichte des sowjetischen Films. Stuttgart, 1999.
Falen J. E. Isaac Babel. Knoxville, 1974.
Feuchtwanger L. Moskau 1937. Berlin, 1993.
Figes O. A People's Tragedy. New York, 1998.
Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Oxford, 1999.
Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Oxford, 1994.
Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Ithaca, 1992.
Frankel J. Prophecy and Politics. Cambridge, 1981.
Garrad J. und Carol. Inside the Soviet Writers' Union. New York, 1990.
Garros V., Korenewskaja N., Lahusen Th. (Hrsg.). Das wahre Leben. Berlin, 1998.
Golczewski F. (Hrsg.). Geschichte der Ukraine. Göttingen, 1993.
Gorkij M. Unzeitgemäße Gedanken über Kultur und Revolution. Frankfurt am Main, 1974.
Gorzka G. (Hrsg.). Kultur im Stalinismus. Bremen, 1994.
Graf O. M. Reise in die Sowjetunion. Hamburg, 1992.
Granin D. Das Jahrhundert der Angst. Berlin, 1999.
Groys B. Gesamtkunstwerk Stalin. München, 1988.
Günther H. Der sozialistische Übermensch. Stuttgart, 1993.
Hahn Hans Henning; Stüben Jens (Hrsg.). Jüdische Autoren Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2000.
Hamm M. F. Kiev. A Portrait 1800-1917. Princeton, 1993.
Hamm M. F. The City in Late Imperial Russia. Bloomington, 1986.
Hartlebens illustrierter Führer Galizien, Wien und Leipzig 1914, Neuauflage. Berlin, 1989.
Hauberg Joh. (Hrsg.). Der Malik Verlag 1916-1947. Kiel, 1986.
Hellbeck Joh. (Hrsg.). Tagebuch aus Moskau 1931-1939. München, 1996.
Heller M./Nekirch A. Geschichte der Sowjetunion, Bd. 1, 1914-1939. Frankfurt am Main, 1985.
Herlihy P. Odessa. A History 1794-1914. Cambridge, 1986.
Holthusen Joh. Russische Literatur im 20. Jahrhundert. Tübingen, 1992
Holthusen Joh. Russland in Vers und Prosa. München, 1973.
Jobst K. S. Zwischen Nationalismus und Internationalismus. Hamburg, 1996.
Kemp-Welch A. Stalin and the Literary Intelligentsia 1928-1939. London, 1991.
Kisch Egon E. Zaren, Popen, Bolschewiken. Berlin, 1992.
Klier John D. Lambroza, Shlomo (Hrsg.). Pogroms: Anti-Jewish Violence In Modern Russian History. Cambridge, 1992.
Knight A. Beria. Princeton, 1993.
Knight A. Who killed Kirov? New York, 1999.

Koenen G., Kopelew L. (Hrsg.). Deutschland und die russische Revolution. München, 1998.
Koenen G. Die großen Gesänge. Frankfurt am Main, 1991.
Koenen G. Utopie der Säuberung. Berlin, 1998.
Koestler A. Sonnenfinsternis. München, 1998.
Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. Göttingen, 1996.
Koschmal W. (Hrsg.). Odessa. Regensburg/Passau, 1998.
Lemmermeier D. Literaturverfilmung im sowjetischen Stummfilm. Wiesbaden, 1989.
Leonhard W. Die Revolution entläßt ihre Kinder. München, 1985.
Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Bd. I. New York, 1990.
Lih Lars T.; Naumov O.; Chlewnjuk O. (Hrsg.). Stalin. Briefe an Molotow 1925-1936. Berlin, 1996.
Lustiger A. Rotbuch. Stalin und die Juden. Berlin, 1998.
Madsen A. Malraux. New York, 1976.
Magarotto L. u. a. (Hrsg.). L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982.
Maguire Robert A. Red Virgin Soil. Princeton, 1968.
Malraux Cl. Geräusche meiner Schritte. Bern, 1982.
Mandelstam N. Hope against Hope. New York, 1999.
Menegaldo H. Les Russes a Paris 1919-1939. Paris, 1998.
Mierau Fr. (Hrsg.). Die großen Brände. Berlin, 1997.
Mit voller Kraft. Russische Avantgarde 1910-1934, Ausstellungskatalog, Museum für Kunst und Gewerbe. Hamburg, 2001.
Morsbach P. Isaak Babel auf der sowjetischen Bühne. München, 1983.
Neuberger J. Hooliganism. Crime, Culture and Power. St. Petersburg. 1900-1914. Berkeley, 1993.
Nobile U. My Five Years with Soviet Airships. Akron, 1987.
Panné J.-L. Boris Souvarine. Paris, 1993.
Pipes R. (Hrsg.). The Unknown Lenin. Yale 1996.
Pipes R. The Russian Revolution. New York 1990.
Pirozhkova A. At his Side. South Royalton, 1994.
Raupach H. Wirtschaft und Gesellschaft Sowjetrusslands 1917-1977. Wiebaden, 1979.
Reed J. Zehn Tage, die die Welt erschütterten. Berlin, 1983.
Roth J. Juden auf Wanderschaft. Köln, 1985.
Roth J. Reise nach Russland. Köln, 1995.
Rougle Ch. (Hrsg.). Red Cavalry. Evanston, 1996.
Rubin R. Jewish Gangsters of Modern Literature. Chicago, 2000.
Rühle Jür. Literatur und Revolution. Köln, 1988.
Scheibert P. Lenin an der Macht. Weinheim, 1984.
Schklovskij V. Sentimentale Reise. Frankfurt am Main, 1974.
Schlögel K. Jenseits des Großen Oktober. Berlin, 1988.
Schumatsky B. Silvester bei Stalin. Berlin, 1999.
Shrayer Maxim D. Russian Poet, Soviet Jew. Lanham, 2000.

Sicher Ef. Jews in Russian Literature After the October Revolution. Cambridge, 1995.

Sicher Efr. Style and Structure in the Prose of Isaak Babel'. Columbus, 1985.

Sinagogi Ukraini. Lviv, 1998.

Sinkó Er. Roman eines Romans. Berlin, 1990.

Slonim M. Soviet Russian Literature 1917-1967. New York, 1967.

Stern C. Isadora Duncan, Sergej Jessenin. Reinbek, 2002.

Stora-Sandor J. Isaac Babel'. Paris, 1968.

Struve G. Russian Literature under Lenin und Stalin 1917-1953. London, 1971.

Taylor R. (Hrsg.). Stalinism and Soviet Cinema. London und New York, 1993.

Taylor R. (Hrsg.): The Film Factory. London und New York, 1994.

Taylor R./Ch., Ian (Hrsg.). Inside the Film Factory. London, 1991.

Todd O. André Malraux, une vie. Paris, 2001.

Torke H.-Jo. (Hrsg.): Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22-1991. München, 1993.

Torke H.-Jo. (Hrsg.). Lexikon der Geschichte Russlands. München, 1985.

Vaksberg A. Stalin against the Jews. New York, 1994.

Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey. London, 1990.

Volkov Sol. St. Petersburg. New York, 1997.

Waksberg A. Die Verfolgten Stalins. Reinbek, 1993.

Weinberg R. The Revolution of 1905 in Odessa. Bloomington, 1993.

Wiesel E. Chassidismus - ein Fest für das Leben. Freiburg, 1988.

Wolkogonow D. Stalin. Düsseldorf, 1993.

Youngblood Denise J. Movies for the Masses. Cambridge, 1992.

Zborowski M. Herzog, Elisabeth: Das Schtetl. München, 1992.

Статьи

Абрахам К. О героях «Конармии» И. Бабеля.//Радуга. 1991. № 11. С. 155-161.

Александров Р. Вариации на тему Дальницкой//Всемирные одесские новости. 1994. № 2. С. 4-5.

Анненков Ю. Исаак Бабель//Дневник моих встреч. Нью-Йорк, 1966. С. 299-308.

Бенни Я. И. Бабель//Печать и революция. 1924. № 3. С. 135-139.

Буденный С. Бабизм Бабеля из «Красной нови»//Октябрь. (М.). 1924. № 3. С. 196-197.

Вешнев В. Поэзия бандитизма//Молодая гвардия. 1924. № 7-8. С. 274-280.

Геребен А. «Конармия» И. Бабеля в литературной критике 20-х годов// Slavica XX. Debrecen, 1984. С. 119-127.

Горбачев Г. Бабель // Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1926. С. 256-258.

Горбачев Г. О творчестве Бабеля и по поводу него // Звезда. 1925. № 4. С. 270-286.

Горбов Д. Бабель // Литературная энциклопедия. М., 1929. С. 291-294.

Иванова Т. Советская Жанна Д'Арк // Московский комсомолец. 1994. 3 сентября.

Как издавали, как издают и как надо издавать И. Бабеля // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 23-97.

Кальницкий М. Как будущий писатель киевляночку умыкнул // Киевские ведомости. 1999. 12 июля.

Кальницкий М. Студент Бобель и письменик Бабеля // Прапор коммунизму. (Киев). 1989. 24 октября.

Константинов С. Маленький человек? // Независимая газета. 2000. 14 апреля.

Крути И. Бабель и его критики // Шквал. Одесса. 1925. № 9. С. 13.

Куванова Л. Фурманов и Бабель // Литературное наследство. 1965. Т. 74. С. 500-512.

Ларионова Н. М. Горький и И. Бабель // Известия Академии наук СССР. М., 1995. № 4. С. 46-51.

Лежнев И. Новая пьеса И. Бабеля // Театр и драматургия. 1935. № 3. С. 46-57.

Лившиц Л. К творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 110-135.

Мельникова-Папоушек Н. Конармия // Воля России. Прага. 1926. № 8-9.

Меркин Г. С. Буденный и И. Бабель // Филологические науки. 1990. № 4. С. 97-101.

Поварцов С. Исаак Бабель. Портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 21-71.

Поляк Л. Бабель-новеллист // Известия Академии наук СССР. М., 1968. № 4. С. 313-328.

Помяновски Е. История, спущенная с цепи // Русская мысль. Париж. 1998. № 4214-4218.

Исаак Эммануилович Бабель // Русские советские писатели, прозаики. Л., 1959. Т. 1. С. 103-118.

Розенбойм А. Бабель и его «Король» // Вестник. Балтимор. 2002. № 3, 4, 5.

Святополк-Мирский Д. Бабель. Рассказы // Современные записки. Париж, 1925. Т. 25.

Северов П. Годы молодые // Донбасс. 1970. № 6. С. 77-104.

Слоним М. Бабель. Рассказы // Воля России. Прага, 1925. Т. 12.

Смирин И. Бабель в работе над книгой о коллективизации // Филологический сборник. Алма-Ата, 1967. № 6-7. С. 104-109.

Спектор У. До расстрела и после // Советиш геймланд. 1990. № 12. С. 31-36.

Спектор У. К Воронскому в Липецк // Тамбовская правда. 1969. 19 апреля.

Спектор У. Молодой Бабель // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 278-281.

Спектор У. Образ Грузии живет в моей душе // Литературная Грузия. (Тбилиси). 1979. № 3. С. 120-125.

Стах Т. Предрассветные гости // Радуга. 1995. № 7. С. 90-100

Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем // Континент. Мюнхен. 1980. № 23. С. 343-378.

Фрезинский Б. Великая иллюзия. Париж, 1935 // Минувшее. С.-Пб., 1996. Т. 24.

Фрейдман Л. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Поэтика, история литературы, лингвистика. М., 1999. С. 382-407.

Фурманов Д. Бабель // Фурманов Д. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961. Т. 4. С. 340-343.

Шенталинский В. Яшка Кошелек и Владимир Ленин // Новый мир. 1996. № 4. С. 191-201.

Avins Carol J. Jewish Ritual and Soviet Context in Two Stories of Isaac Babel' // American Contribution to the 12th International Congress of Slavists. Cracow. August-September 1998. P. 11-20.

Avins Carol J. Kinship and Concealment in Red Cavalry and Babel's 1920 Diary. // Slavic Review, Nr. 3, 1994. P. 694-710.

Berlin Isaiah. A Note on Literature and the Arts in the Russian Soviet Federated Socialist Republic in the Closing Months of 1945 // New York Review of Books. 19 october 2000 г. (С. 1-13 авторизованной газетой версии для интернета).

Canetti E. Isaak Babel // Elias Canetti. Die Fackel im Ohr. Frankfurt am Main, 1998. S. 268-275.

Dorn V. In Erwartung eines literarischen Messias - der russisch-jüdische Schriftsteller Isaak Babel (1894-1940) // Juden und Judentum in Literatur und Film des slavischen Sprachraums, hrsg. von Peter Kosta, Holt Meyer und Natascha Drubek-Meyer. Wiesbaden, 1999. S. 173-192.

Freidin G. Between the Stalin Revolution and the West: Isaac Babel's Career in the Late 20's and Early 30's // Stanford Slavic Studies. 1991, P. 1-37 (авторизированная автором версия для интернета).

Freidin G. Isaac Babel // European writers of the 20th Century. New York, 1990. P. 1-49 (авторизованная автором версия для интернета).

Gereben A. Isaac Babel's Diary and his «Red Cavalry». // Hungaro-Slavica. Budapest, 1983. P. 55-59.

Gide A. Zurück aus Sowjetrussland // André Gide, Gesammelte Werke. Bd. VI. 2. Stuttgart, 1996. S. 45-94.

Heil J. Isaak Babel and his Film-Work // Russian Literature. Bd. XXVII-III. Amsterdam, 1990. P. 289-416.

Jens W. Nachwort zu Babels Reiterarmee // Isaak Babel, Budjonnys Reiterarmee. Olten, 1960. S. 297-312.

Kennan G. Memorandum for the Minister 19.8. 1932 from Riga to Washington // New York Review of Books, 26 April 2001. P. 13.

Kleinmann Yv. Aufgepaßt, Ihr Talmudschüler, wenn Ihr bei den Wohltätern speist! // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2 August 2001.

Koschmal W. Kulturbeschreibung aus der Peripherie: Babel's Odessa-Poetik // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 44. Wien, 1997. S. 311-336.

Lvov A. Babel the Jew // Commentary. 1983, № 3, P. 40-49.

Mierau F. Die fünf Minuten des Isaak Babel // Isaak Babel, Die Reiterarmee, Darmstadt, 1980. S. 177-204.

Mierau F. Im Zeichen Babels // Fritz Mierau, Zwölf Arten die Welt zu beschreiben. Leipzig, 1988. S. 80-87.

Nakhimovsky Alice Stone. Isaac Babel // Alice Stone Nakhimovsky, Russian Jewish Literature and Identity. Baltimore, 1992. P. 70-106.

Pane R. Babel a Capri // Il Mondo, Rom, 15. Januar 1957.

Reich-Ranicki Marcel. Babel ist wie Babel. // Piper 70, München. P. 203-209.

Schlögel K. Auf der Treppe von Odessa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17. Februar 2001.

Schmid W. Das nicht erzählte Ereignis in Isaak Babel's «Übergang über den Zbruc» // Wolf Schmid, Ornamentales Erzählen in der russischen Moderne. Frankfurt am Main, 1992. S. 135-154.

Souvarine B. Misere de la literature sovietique // Figaro, Paris. 1./2. Mai 1937.

Trilling L. Einleitung zur ersten englischen Übersetzung von Babels Erzählungen // Isaac Babel, Collected Stories, London, 1994. S. 339-364.

Tucholsky K. Budjonnys Reiterarmee // Kurt Tucholsky, Gesammelte Werke, Bd. 5. Reinbek. 1985. S. 189-191.

Urban Th. Es war doch kein Selbstmord // Süddeutsche Zeitung, 14.-15. Oktober 2000 J.

Wedel E. «Odessisch» - Bemerkungen zum heutigen Russisch von Odessa // Festschrift N. Salnikow. Frankfurt am Main, 1998. S. 247-259.

Указатель имен

Авербах, Леопольд 129
Азеф, Евгений 129, 130
Александр I 14
Александр III 8, 42
Алехин, Александр 23, 104
Анненков, Юрий 104, 130, 133, 145
Арагон, Луи 138
Ахматова, Анна 134

Бабель, Фейга 7, 9, 11, 90, 110, 112, 114, 117, 127, 129, 143, 153
Бабель, Эммануил 7, 10, 11, 12, 22, 24, 29, 30, 32, 64, 92
Бабель, Мэри 9, 11, 12, 70, 71, 75, 90, 92, 95, 100, 105, 127, 129, 133, 134, 153, 157
Багрицкий, Эдуард 47, 48, 71, 78, 79, 110, 147
Бальмонт, Константин 83
Бейлис, Мендель 26
Берия, Лаврентий 170, 175, 177, 178
Блок, Александр 83
Брик, Осип 40
Буденный, Семен 50, 51, 52, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 64, 84, 85, 87, 88, 89, 102, 111, 112, 127, 132, 142, 156, 167
Булгаков, Михаил 45
Бунин, Иван 5, 44, 46, 47, 48, 88
Бухарин, Николай 98, 106, 141, 161, 166

Врангель, Петр 51
Воронский, Александр 81, 82, 85, 87, 98, 113, 114, 175
Ворошилов, Климент 85, 86, 127, 128, 142, 144, 156, 170, 176
Герцен, Александр 117
Горбачев, Михаил 181
Горький, Максим 25, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 48, 61, 78, 81, 82, 83, 84, 87, 88, 89, 100, 101, 102, 105, 107, 110, 111, 112, 120, 122, 124, 125, 127, 128, 130, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 140, 144, 145, 148, 149, 151, 152, 159, 165, 167

Гронфайн, Борис 22, 23, 24, 45, 102
Гронфайн, Евгения 23, 30, 40, 45, 46, 50, 64, 70, 71, 72, 75, 76, 79, 81, 91, 92, 101, 102, 103, 105, 107, 114, 129, 143, 145, 163, 165, 167, 180, 181

Дёблин, Альфред 69
Деникин, Антон 46, 51
Дзержинский, Феликс 39, 52
Джойс, Джеймс 69, 104
Довженко, Александр 163

Донской, Марк 165
Дункан, Айседора 99

Ежов, Николай 153, 160, 167, 171, 172, 180
Екатерина II 13
Есенин, Сергей 71, 73, 99

Жаботинский, Владимир 16, 145

Замятин, Евгений 114, 124
Зиновьев, Григорий 110, 152, 154
Зомбарт, Вернер 24

Инбер, Вера 48, 79

Каганович, Лазарь 108, 125, 127, 170
Калмыков, Бетал 86, 134, 135, 155, 170, 176
Каменев, Лев 110, 152, 154
Катаев, Валентин 48, 79, 163, 175, 180
Каширина, Тамара 90, 91, 92, 95, 97, 103, 105
Киров, Сергей 140
Кольцов, Михаил 30, 36, 47, 50, 83, 148, 160, 170, 173, 177, 178, 180
Крупская, Надежда 44, 82

Ленин, Владимир Ильич 37, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 60, 63, 74, 81, 82, 83, 156
Лившиц, Иосиф 71, 76, 78, 105, 107
Луначарский, Анатолий 82, 98, 113

Мальро, Андрэ 131, 138, 143, 148, 161, 170, 174, 175
Мандельштам, Осип 83, 161
Мануильский, Дмитрий 85, 86
Маркс, Карл 24, 50, 59, 70, 141, 156, 173
Маяковский, Владимир 25, 35, 44, 45, 47, 71, 73, 77, 78, 81, 82, 99
Мейерхольд, Всеволод 91, 171, 173, 178, 180
Михоэлс, Соломон 93, 94, 160, 175
Молотов, Вячеслав 106, 125, 127, 170
Мопассан, Ги де 13, 21, 77, 90, 100, 104
Морозов, Савва 111
Муссолини, Бенито 132, 166

Николаевский, Борис 130
Николай I 61
Николай II 8, 17, 26, 31, 37
Никулин, Лев 104, 121, 132, 171
Нобиле, Умберто 166

Овруцкая, Мария 53

Ойстрах, Давид 15
Ойстрах, Игорь 15
Олеша, Юрий 16, 47, 48, 79, 175, 176
Островский, Николай 162

Парэн, Брайс 145
Пастернак, Борис 71, 98, 116, 143, 144
Паустовский, Константин 66, 71, 73, 166
Петлюра, Семен 46, 125
Петр I 30
Пешкова, Екатерина 180
Пилсудский, Юзеф 50, 52, 62
Пильняк, Борис 83, 113, 175
Пинскер, Леон 19
Пирожкова, Антонина 40, 54, 126, 132, 133, 134, 145, 146, 147, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 161, 162, 169, 170, 180, 181
Пливье, Теодор 138
Поварцов, Сергей 181
Полонский, Вячеслав 87, 105, 109, 112, 117, 120, 122
Постышев, Павел 86, 146, 155
Пушкин, Александр 14, 71, 98

Радонежский, Сергий 79
Ржешевский, Александр 152
Рид, Джон 38
Ришелье, Арман Эмманюэль 13
Роллан, Ромен 88, 148, 161
Рот, Йозеф 55, 69
Ротшильд, Вальтер 39
Рябушинский, Степан 127

Сейфуллина, Лидия 71, 175
Синклер, Эптон 100
Синко, Эрвин 138, 148, 158
Славин, Лев 15
Слоним, Анна 31, 36, 96, 105, 112, 131
Слоним, Лев 31, 34
Смит, Адам 24
Солженицын, Александр 172
Соломонова, Евгения 48, 103, 114, 146, 153, 159, 167, 176
Сталин, Иосиф 8, 41, 63, 64, 83, 85, 86, 101, 106, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 154, 155, 157, 158, 159, 161, 162, 166, 167, 170, 171, 172, 175, 176, 178, 180, 182
Стах, Татьяна 53, 78, 109, 164, 168, 169

Столярский, Петр 15
Сфорим, Менделе Мойхер 20
Суварин, Борис 128, 145, 161

Тиссэ, Эдуард 94
Тихонов, Александр 89
Толстой, Алексей 83
Толстой, Лев 23, 71, 76, 111, 134, 164, 165
Тургенев, Иван 15, 153
Троцкий, Лев 37, 38, 39, 41, 45, 54, 60, 63, 82, 83, 101, 129, 166
Тухачевский, Михаил 52, 63, 64, 156
Тухольский, Курт 103
Тынянов, Юрий 40

Утесов, Леонид 14, 48, 67, 69, 100, 133, 160, 175
Ульрих, Василий 178, 179

Фадеев, Александр 132, 157, 171
Файнцильберг, Илья 48
Федин, Константин 87, 176
Фейхтвангер, Лион 143, 161, 162
Фелльнер, Фердинанд 13
Франко, Баамонде 161
Фурер, Веньямин 134
Фурманов, Дмитрий 79, 85, 90, 100, 157
Хельмер, Хельмут 13
Хемингуэй, Эрнест 90, 104
Херцфельде, Виланд 102, 108
Хлебников, Велимир 25
Хмельницкий, Богдан 58

Цвейг, Стефан 32
Цветаева, Марина 83

Чаплин, Чарли 162
Чехов, Антон 77
Чингиз хан 51

Шагал, Марк 77
Шаляпин, Федор 104
Шенталинский, Виталий 6, 181
Шкловский, Виктор 34, 41, 48, 88, 99, 111, 165
Шмидт, Василий 86, 146, 155, 156
Шолом-Алейхем 20, 93, 96, 100, 148, 158
Шостакович, Дмитрий 148
Штайн, Гертруда 104
Штайнер, Бруно 124, 125, 138, 160, 176

Шумацкий, Борис 152, 154

Щербаков, Александр 143, 147

Эйзенштейн, Сергей 17, 94, 95, 106, 152, 153, 157, 175, 176, 177
Энгельс, Фридрих 59, 141, 156
Эрдман, Николай 133, 134
Эренбург, Илья 48, 103, 131, 138, 139, 143, 144, 150, 156, 159, 160, 175, 178, 181

Юденич, Николай 45
Юдина, Мария 127
Юсупова, Ирина 43

Ягода, Генрих 174
Якир, Иона 67, 86, 146, 155

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5
Глава 1. Сплав культур (1894 - 1916) 7
Глава 2. Пример (1916 - 1919) 29
Глава 3. Война (1920) 46
Глава 4. Голос (1921 - 1924) 66
Глава 5. Успех (1925 - 1928) 87
Глава 6. Сомнение (1929 - 1932) 108
Глава 7. Молчание (1932 - 1936) 127
Глава 8. Страх (1936 - 1939) 150
Глава 9. Враг народа (1939 - 1940) 168
Эпилог 180
Комментарии 183
Источники и библиография 192
Указатель имен 202

Научное издание

История сталинизма

Крумм Райнхард

Исаак Бабель. Биография

Редактор Е.В. Романова
Художественный редактор А.К. Сорокин
Художественное оформление П.П. Ефремов
Компьютерная верстка Е.Н. Мартемьянова
Корректор К.М. Корепанова

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.07.2008.
Формат 60X90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 13. Тираж 2000 экз. Заказ № .

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Исаак Бабель

Биография

Райнхард Крумм –

(род. в 1962 г. в Гамбурге) доктор исторических наук, изучал историю, политологию, славистику, историю России, Советского Союза и Ближнего Востока в университетах Гамбурга и Ленинграда (Санкт-Петербург). Работал в журнале «Newsweek» . В 1991 г. приехал в Россию и работал редактором англоязычного выпуска российского информационного агентства ИТАР-ТАСС (Москва). С 1993 по 1994 г. – независимый корреспондент по России отделения газет «Tagesspiegel» (Берлин) и «Aufbau» (Нью-Йорк) в Москве.
С 1994 по 1996 г. – руководитель немецкого информационного агентства DPA в странах Балтии (Рига).
С 1996 по 1998 г. – корреспондент журнала «Der Spiegel» (в Москве). С 2002 г. – научный сотрудник отдела по работе со странами Центральной и Восточной Европы Фонда им. Фридриха Эберта (Берлин).
В 2003 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Исаак Бабель» в Регенсбургском Университете (Германия).
С 2003 по 2007 г. – руководитель Фонда им. Фридриха Эберта в Центральной Азии (Ташкент).
С 2007 г. – руководитель Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации (Москва).

История Сталинизма

РОССПЭН

Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина